

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 02 (77). МАЙ 2026 ГОДА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПРОБЛЕМЫ НАУКИ»
[HTTPS://WWW.SCIENTIFICMAGAZINE.RU](https://www.scientificmagazine.ru)

9 772413 708002

ISSN 2413-7081 (Print)
ISSN 2542-0801 (Online)

Научный журнал

№ 2 (77), 2026

Москва
2026

Научный журнал

№ 2 (77), 2026

Российский импакт-фактор: 0,12

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель, главный редактор: Вальцев С.В.

Зам. главного редактора: Кончакова И.В.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Абдуллаев К.Н. (д-р филос. по экон., Азербайджанская Республика), *Алиева В.Р.* (канд. филос. наук, Узбекистан), *Абдулаев Н.Н.* (д-р экон. наук, Азербайджанская Республика), *Аликулов С.Р.* (д-р техн. наук, Узбекистан), *Ананьева Е.П.* (д-р филос. наук, Украина), *Асатурова А.В.* (канд. мед. наук, Россия), *Аскарходжаев Н.А.* (канд. биол. наук, Узбекистан), *Байтасов Р.Р.* (канд. с.-х. наук, Белоруссия), *Бакико И.В.* (канд. наук по физ. воспитанию и спорту, Украина), *Бахор Т.А.* (канд. филол. наук, Россия), *Баулина М.В.* (канд. пед. наук, Россия), *Блейх Н.О.* (д-р ист. наук, канд. пед. наук, Россия), *Боброва Н.А.* (д-р юрид. наук, Россия), *Богомолов А.В.* (канд. техн. наук, Россия), *Бородай В.А.* (д-р социол. наук, Россия), *Волков А.Ю.* (д-р экон. наук, Россия), *Гавриленкова И.В.* (канд. пед. наук, Россия), *Дмитриева В.В.* (д-р ист. наук, Украина), *Глуценко А.Г.* (д-р физ.-мат. наук, Россия), *Гринченко В.А.* (канд. техн. наук, Россия), *Губарева Т.И.* (канд. юрид. наук, Россия), *Гутникова А.В.* (канд. филол. наук, Украина), *Датий А.В.* (д-р мед. наук, Россия), *Демчук Н.И.* (канд. экон. наук, Украина), *Дивненко О.В.* (канд. пед. наук, Россия), *Дмитриева О.А.* (д-р филол. наук, Россия), *Доленко Г.Н.* (д-р хим. наук, Россия), *Есенова К.У.* (д-р филол. наук, Казахстан), *Жамулдинов В.Н.* (канд. юрид. наук, Казахстан), *Жолдошев С.Т.* (д-р мед. наук, Кыргызская Республика), *Зеленков М.Ю.* (д-р полит. наук, канд. воен. наук, Россия), *Ибадов Р.М.* (д-р физ.-мат. наук, Узбекистан), *Ильинских Н.Н.* (д-р биол. наук, Россия), *Кайрабаев А.К.* (канд. физ.-мат. наук, Казахстан), *Кафтаева М.В.* (д-р техн. наук, Россия), *Киквидзе И.Д.* (д-р филол. наук, Грузия), *Клинов Г.Т.* (PhD in Pedagogic Sc., Болгария), *Кобланов Ж.Т.* (канд. филол. наук, Казахстан), *Ковалёв М.Н.* (канд. экон. наук, Белоруссия), *Кравцова Т.М.* (канд. психол. наук, Казахстан), *Кузьмин С.Б.* (д-р геогр. наук, Россия), *Куликова Э.Г.* (д-р филол. наук, Россия), *Курманбаева М.С.* (д-р биол. наук, Казахстан), *Курпаяниди К.И.* (канд. экон. наук, Узбекистан), *Линькова-Даниельс Н.А.* (канд. пед. наук, Австралия), *Лукиенко Л.В.* (д-р техн. наук, Россия), *Макаров А. Н.* (д-р филол. наук, Россия), *Мацаренко Т.Н.* (канд. пед. наук, Россия), *Мейманов Б.К.* (д-р экон. наук, Кыргызская Республика), *Мурадов Ш.О.* (д-р техн. наук, Узбекистан), *Мусаев Ф.А.* (д-р филос. наук, Узбекистан), *Набиев А.А.* (д-р наук по геоинформ., Азербайджанская Республика), *Назаров Р.Р.* (канд. филос. наук, Узбекистан), *Наумов В. А.* (д-р техн. наук, Россия), *Овчинников Ю.Д.* (канд. техн. наук, Россия), *Петров В.О.* (д-р искусствоведения, Россия), *Радкевич М.В.* (д-р техн. наук, Узбекистан), *Рахимбеков С.М.* (д-р техн. наук, Казахстан), *Розьходжаева Г.А.* (д-р мед. наук, Узбекистан), *Романенкова Ю.В.* (д-р искусствоведения, Украина), *Рубцова М.В.* (д-р социол. наук, Россия), *Румянцев Д.Е.* (д-р биол. наук, Россия), *Самков А. В.* (д-р техн. наук, Россия), *Саньков П.Н.* (канд. техн. наук, Украина), *Селитренкова Т.А.* (д-р пед. наук, Россия), *Сибирцев В.А.* (д-р экон. наук, Россия), *Скрипко Т.А.* (д-р экон. наук, Украина), *Сотов А.В.* (д-р ист. наук, Россия), *Стрекалов В.Н.* (д-р физ.-мат. наук, Россия), *Стукаленко Н.М.* (д-р пед. наук, Казахстан), *Субачев Ю.В.* (канд. техн. наук, Россия), *Сулейманов С.Ф.* (канд. мед. наук, Узбекистан), *Трегуб И.В.* (д-р экон. наук, канд. техн. наук, Россия), *Упоров И.В.* (канд. юрид. наук, д-р ист. наук, Россия), *Федоськина Л.А.* (канд. экон. наук, Россия), *Хилтухина Е.Г.* (д-р филос. наук, Россия), *Цицуля С.В.* (канд. экон. наук, Республика Армения), *Чиладзе Г.Б.* (д-р юрид. наук, Грузия), *Шаминов И.Г.* (канд. пед. наук, Россия), *Шарипов М.С.* (канд. техн. наук, Узбекистан), *Шевко Д.Г.* (канд. техн. наук, Россия).

Подписано в печать:

13.05.2026

Дата выхода в свет:

22.05.2026

Формат 70x100/16.

Бумага офсетная.

Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная.

Усл. печ. л. 6,744

Тираж 100 экз.

Заказ № 00201

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«Проблемы науки»

**Территория
распространения:
зарубежные страны,
Российская
Федерация**

Журнал

зарегистрирован

Федеральной службой

по надзору в сфере

связи, информационных

технологий и массовых

коммуникаций

(Роскомнадзор)

Рестровая запись

ПИ № ФС77 - 63075

Издается с 2015 года

Свободная цена

Содержание

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ	4
<i>Пантелеев А.М.</i> ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ СФЕРЫ ВСЕЛЕННОЙ.....	4
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	12
<i>Хуснутдинов Д.Р.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ В ПРОГНОЗИРОВАНИИ БАНКРОТСТВА РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАКУРС	12
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	15
<i>Петрова Н.И.</i> «ОБЛОМОВЩИНА» И.А.ГОНЧАРОВА. ЧАСТЬ 1	15
<i>Петрова Н.И.</i> «ОБЛОМОВЩИНА» И.А. ГОНЧАРОВА. ЧАСТЬ 2	27
<i>Петрова Н.И.</i> АННА	39
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	52
<i>Ханджян Д.Д., Зыза А.С.</i> «МОДНЫЕ» СЛОВА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	52
<i>Петрова Н.И.</i> А. АХМАТОВА «НЕПОПРАВИМЫЕ СЛОВА ...».....	53
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	68
<i>Захарова Е.А., Хасанзянов А.М.</i> ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА: ДИСКУССИИ О МОТИВАХ И ПЛАНАХ СТОРОН.....	68
<i>Пукаева А.И.</i> ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС УЧАСТНИКОВ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ.....	72
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	76
<i>Янык Е.В.</i> КИНЕСТЕТИЧЕСКАЯ ЭЙДЕТИКА КАК МЕТОД КОРРЕКЦИИ ТРУДНОСТЕЙ УСВОЕНИЯ ОРФОГРАФИИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ОВЗ	76
НАУКИ О ЗЕМЛЕ	79
<i>Нуритдинов Р.Р.</i> ПРИЧИНА РАСШИРЯЮЩЕЙСЯ ВСЕЛЕННОЙ	79

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ СФЕРЫ ВСЕЛЕННОЙ

Пантелеев А.М.

Пантелеев Андрей Михайлович - слушатель
г. Москва

Аннотация: в статье проводится анализ энергетических плотностей сфер Вселенной, галактик и звезд, определяются скорости света для каждой из сфер Вселенной, в силу того, что скорости света в каждой из сфер Вселенной различны, делается поправка на формулу Эйнштейна $E = MC^2$ на $E_i = MC_i^2$ и на основе этого делается ряд выводов. Рассматривается фото звезды, представленная Козыревым и делается ряд выводов из этой фотографии. Объясняется как трактовать понятие стрела времени. Показывается, что со временем Вселенная немного теплеет и растет распад вещества Вселенной. Представлены графики поступления энергии пространства по каждой из сфер и следствия из них. Показывается, на чем основана воля Вселенной.

Ключевые слова: Вселенная, сфера Вселенной, сфера галактики, гелиосфера, время, энергетическая плотность сферы Вселенной, энергетическая плотность сферы галактики, энергетическая плотность гелиосферы, стрела времени, энергия, скорость света.

УДК 524.88

Космические аппараты Вояджер с 2004 года вышли за пределы Солнечной системы и зафиксировали границы гелиосферы, которой Солнечная система защищается от разрушительного межзвёздного излучения и обеспечивает целостность всех её структурных единиц, входящих в Солнечную систему. Для защиты своих границ и структурных единиц (планет) Солнце создаёт вокруг себя энергетическую плотность пространства. В районе Земли она равна $8,85 \times 10^{-12}$ кг/м³.

Во Вселенной существует множество галактик, состоящих из тысяч звёзд. Все они синхронно вращаются вокруг центра галактики. Естественно их что-то держит в системе галактики. Они все испытывают тяготение к центральному телу галактики, которое создаёт вокруг себя энергетическую плотность пространства галактики отличную от энергетической плотности пространства звёзд.

Теперь посмотрим, как “решает” свои задачи Вселенная. Создав в ходе своего рождения только протоны, нейтроны и электроны, она при своём развитии произвела все многообразие химических элементов и из них все вещества Вселенной. Анализ грунта Луны и метеоритов показал, что во Вселенной существуют одни и те же химические элементы.

Далее. Вселенная создала живую клетку, и из неё воссоздала все многообразие растительного и животного мира, которое существует не только на всех её планетах, но даже и в космосе.

Видим, что Вселенная решает свои задачи: от простого -- к более сложному. Разумеется, она имеет чёткую «целевую функцию». Иначе она не уничтожила бы несколько раз животный мир на Земле.

Рассмотрев все это, мы можем заключить, что и Вселенная имеет свою границу со своей энергетической плотностью пространства. Шипов в своей книге её оценивал порядка 10^{-27} кг/м³ (Л1, стр. 145), у Д.Х. Базиева она составляет $2,2 \times 10^{-22}$ кг/м³, а общепринятая критическая плотность Метагалактики – 5×10^{-27} кг/м³ (Л2, стр. 575), по моим оценкам она составляет – $3,7 \times 10^{-25}$ кг/м³. Примем энергетическую плотность пространства Вселенной равной $3,7 \times 10^{-25}$ кг/м³.

Имеем энергетическую плотность пространства звёзд равную $8,85 \times 10^{-12}$ кг/м³ и Вселенной – $3,7 \times 10^{-25}$ кг/м³. Энергетическая плотность пространства галактик располагается где-то между ними.

Для её оценки рассмотрим фотографию Козырева (ЛЗ, стр.9), где на ней засняты следы звезды совместно с её осциллограммами. На осциллограмме видим, что графики «видимости» звезды от разных энергетических плотностей сфер Вселенной располагаются почти равномерно, т.е. можем принять за энергетическую плотность сферы галактик среднюю величину равную $7,2 \times 10^{-19}$ кг/м³. Естественно энергетические плотности Вселенной и галактик необходимо перепроверить космическими зондами.

Имеем:

Энергетическая плотность пространства звезды - $8,85 \times 10^{-12}$ кг/м³,
Энергетическая плотность пространства галактик - $7,2 \times 10^{-19}$ кг/м³,
Энергетическая плотность Вселенной - $3,7 \times 10^{-25}$ кг/м³.

При разных энергетических плотностях Вселенной и при постоянной магнитной составляющей, будем иметь разные скорости света.

Что еще мы можем видеть из фото Козырева?

1. Электромагнитные волны передаёт только энергетика сферы звёзд. («Видимый, регистрируемый и ощущаемый нами мир следует признать миром материальности световых скоростей») (Л4, стр. 31));

2. Энергии звезды от сфер Галактики и Вселенной действуют на терморезистор, т.е. они тоже материальные, но имеют сверхсветовые скорости;

3. Из осциллограммы видно, что воздействие на терморезистор энергии сферы Галактики больше чем от энергии сферы Вселенной, так как энергетическая плотность пространства сферы галактики в 10^6 раз больше плотности энергии сферы Вселенной.

4. Приблизительно одинаковая форма всех трёх осциллограмм говорят, что спектральные составляющие кривых почти одни и те же, которые, в свою очередь, показывают об почти одинаковых процессах формирования всех сигналов в самой звезде.

На все материальные тела Вселенной действуют все три энергетические плотности сфер пространства: которые при их поглощении, вызывают рост массы материального тела (отсюда дефицит массы Солнца и других массивных тел); вызывают на границе этого тела создание пограничного слоя (абсолютно для всех материальных тел, а у звёзд и галактик создание их энергетических сфер); обеспечивают «жизнь» этого материального тела (по Панину (Л5, стр.15)). В свою очередь, все материальные тела, воспринимая все три энергетика пространства, снова переизлучают их со своей «модуляцией». Все галактики и звезды «вырабатывают» флюид энергетической сферы со своей энергетической плотностью пространства, путём значительного уплотнения приходящей к материальному телу энергии пространства, в котором оно располагается. Исходные составляющие части приходящего флюида остаются неизменными, и производится только их значительное уплотнение.

Энергетическая плотность пространства сферы Вселенной так же состоит из флюида, расположенного вне её пространства. Получается, все, что находится внутри Вселенной, от её энергии сфер и абсолютно всей материи, видимой и не видимой в окружаемом пространстве, состоит из флюида внешнего по отношению к ней пространства, т.е. находящегося вне ее пределов или, другими словами, абсолютно все, что окружает нас, состоит только из одного внешнего флюида с разным его уплотнением.

С учетом сказанного выше, знаменитая формула $E = M \cdot C^2$ принимает вид $E_i = M \cdot C_i^2$ при разных скоростях света в своих сферах.

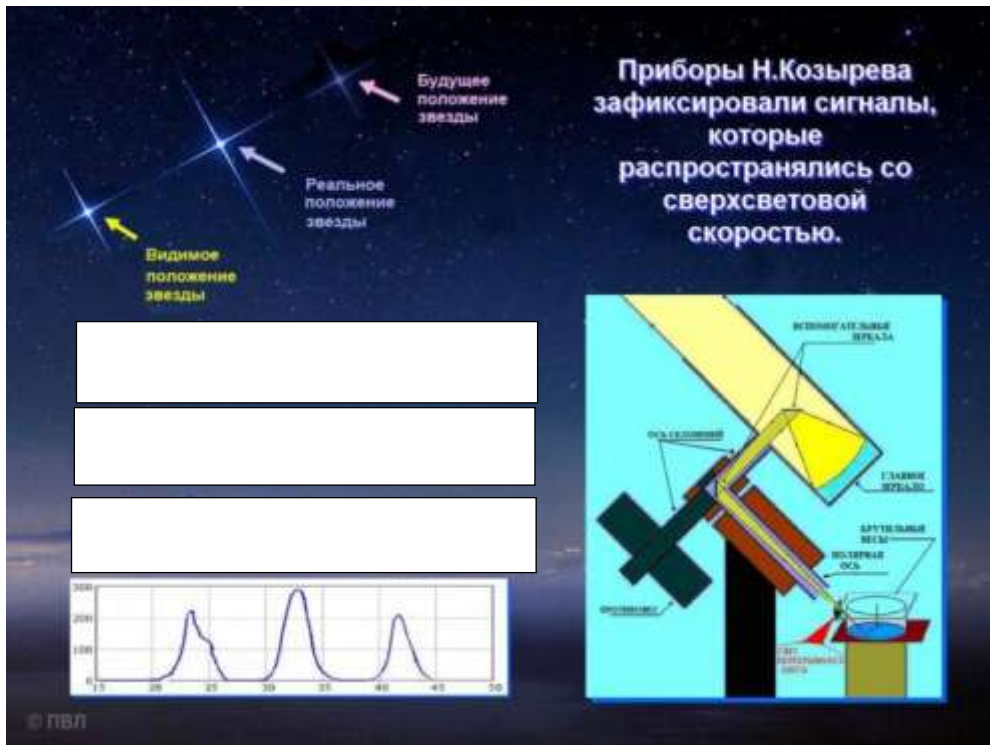

Рис. 1. Фото звезды Козыревым.

Имеем скорости света:

Звёзд $C_3 = 3 \times 10^8$ м/с;

Галактик $C_r = 3,3 \times 10^{13}$ м/с;

Вселенной $C_b = 1,5 \times 10^{17}$ м/с.

Пусть $M = 1$ кг, тогда получаем:

$E_b = 1 \cdot (1,5 \cdot 10^{17})^2 = 2,25 \cdot 10^{34}$ Дж.

$E_r = 1 \cdot (3,3 \cdot 10^{13})^2 = 1,1 \cdot 10^{27}$ Дж.

$E_3 = 1 \cdot (2,9 \cdot 10^8)^2 = 8,4 \cdot 10^{16}$ Дж.

Получается, при одной и той же массе вещества, в разных сферах Вселенной, мы имеем разные энергии. Это говорит о том, что разложение материального тела происходит до уровня энергетической плотности пространства своей сферы, в которой расположено это тело. Имеем, материальное тело одной и той же массы действует в 10^{18} раз сильнее из сферы Вселенной на сферу звёзд.

Авторы пишут: «Медленные световые скорости являются существенно вторичными и локальными по отношению к миру сверхсветовых скоростей, т.е. наши события, катаклизмы и войны есть локальные проявления более сильных процессов, происходящих в сферах сверхсветовых скоростей» (Л4, стр. 31).

Каждая энергетическая плотность пространства «действует» только, в основном, на своём уровне:

- энергетическая плотность пространства Вселенной ($E_b = 3,7 \cdot 10^{-25}$ кг/м³) действует на внутриатомном уровне;
- энергетическая плотность пространства галактики ($E_r = 7,2 \cdot 10^{-19}$ кг/м³) действует на атомном уровне;
- энергетическая плотность пространства звёзд ($E_3 = 8,8 \cdot 10^{-12}$ кг/м³) действуют на молекулярном уровне.

С появлением вещества в пространстве Вселенной появилось и понятие время. Время характеризует «борьбу» между собой материальных тел Вселенной, состоящих

из одной материальной сущности с одной стороны и с энергетической плотностью пространства, которая имеет наименьшую энергию, с другой стороны. Вещество Вселенной и энергия пространства сферы Вселенной постоянно взаимодействуют между собой, так как они состоят из одной и той же сути. Это постоянное взаимодействие вещества с энергией пространства приводит к понижению их общей степени организации. Но степень организации энергии пространства наименьшая. Следовательно, будет понижаться только степень организации энергии вещества Вселенной. Это приводит к постепенному «распаду» вещества (понижению «густоты» по Панину) до тех пор, пока степень организации энергии этого вещества не сравняется со степенью организации энергии пространства. Или иначе - данное вещество постепенно полностью перейдёт в энергию пространства вселенной E_v . Постоянное поступление энергии от пространства Вселенной определяет направление стрелы времени в пространстве.

На Рис. 2 представлено качественное распределение количества частиц в веществе материального тела по величине полученной энергии от пространства Вселенной.

На графике представлено:

E_n – наиболее вероятное количество энергии, которую получают атомы данного тела от пространства вселенной;

E_{max} – максимальное количество энергии, при получении которой атом данного материального тела с вероятностью 100% понизит степень своей организации (распадается);

$N_{расп}$ – количество частиц материального тела, которые понизили степень своей организации при получении энергии, равной E_{max} ;

N_{max} – количество частиц материального тела, которые получили энергию от пространства Вселенной E_n .

N_{min} – количество частиц материального тела, которые получили энергию E_{min} .

E_{min} – минимальная энергия, необходимая для обеспечения «жизни» материального тела.

Из графика видно, что на его пике, где сосредоточено максимальное число частиц материи мы можем обозначить понятием «сей момент», а слева и справа соответственно прошлое и будущее.

Естественно прошлое однозначно может определяться, а будущее определено, но оно, как правило, не однозначно. Поэтому просматривать прошлое можно и его видение конкретное. Для этого достаточно в настоящем времени настроиться на частицы вещества с меньшей энергией и как в голограмме увидеть необходимое событие. Так как количество частиц по мере удаления от настоящего времени сокращается, то чем дальше мы удаляемся от настоящего времени, тем труднее по меньшему количеству частиц видеть происходящее событие того времени. Насчёт звуковых волн сказать пока ничего нельзя.

Будущее просматривать сложнее, так как наряду с сокращением частиц вещества по мере удаления в будущее (увеличение энергии частиц), здесь играет роль и многовариантность событий. Правда, чем глобальнее событие в будущем, тем оно чётче просматривается.

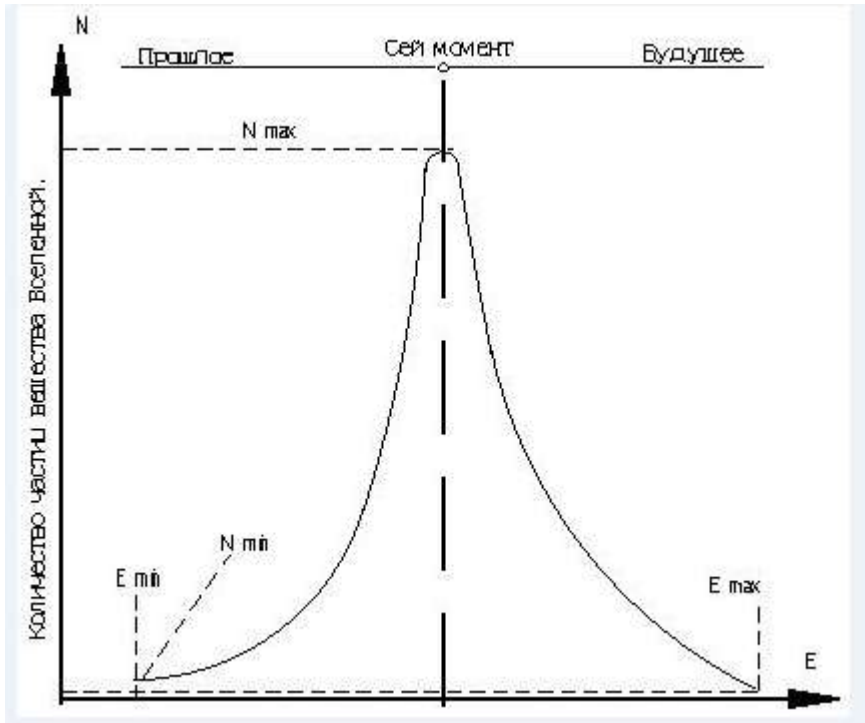

Рис. 2. Распределение количества частиц в веществе материального тела по количеству полученной энергии от пространства Вселенной.

Постоянное поступление энергии от пространства Вселенной определяет направление стрелы времени в пространстве.

Как видно из рис. 3, со временем (T) вещество материального тела становится «более нагретым» ($E_1 < E_2 < E_3$). И, как следствие, по ходу своего развития вся Вселенная немного «теплее». Это говорит о том, что степень взаимодействия энергии пространства с веществом Вселенной, по ходу её развития, возрастает, что эквивалентно постоянному увеличению скорости течения времени Вселенной.

Из рис.3 видно, что количество распадающихся частиц со временем немного возрастает ($N_{\text{расп1}} < N_{\text{расп2}} < N_{\text{расп3}}$). Что обеспечивает некоторый рост поступления количества энергии в пространство вселенной, но, начиная с некоторого её радиуса, поступления энергии пространства начинает не хватать.

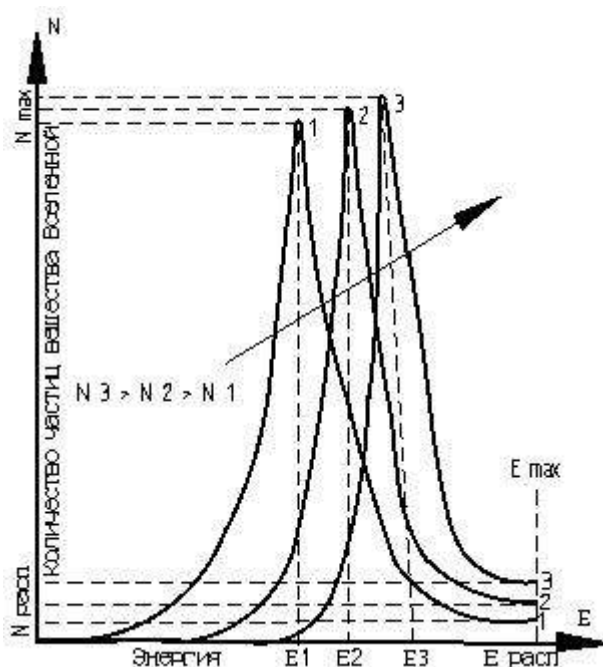

Рис. 3. Качественное Распределение во времени количества частиц в веществе Вселенной по величине полученной энергии.

К этому времени, в её пространстве уже сформировались достаточно крупные скопления масс вещества – галактики.

В данном случае Природа стала решать свою задачу уже испытанным способом: путём дальнейшего повышения степени организации, но уже самого вещества материальных тел Вселенной. И тем самым, распад вещества Вселенной в основном стал происходить уже за счёт взаимодействия материальных тел между собой, чтобы увеличить распад материи.

Все, что создавала Вселенная, было необходимо для обеспечения постоянного расширения ее энергетической сферы, то есть ее «жизни».

Разложение вещества материальных тел Вселенной происходит в ходе энергетических циклов космического вещества, звезд и планет.

Энергетический цикл космического вещества входит в сферу Вселенной. Энергетический цикл звезд входит составной частью в сферы галактик. А энергетический цикл планет входит в сферы звезд, так как звезды обеспечивают жизнь на планетах.

Энергетические циклы космического вещества и звезд стабильные во времени по количеству разлагаемого вещества материальных тел Вселенной, а её объем растёт в кубической зависимости от радиуса Вселенной. Но начиная с некоторого её радиуса, поступление энергии её сфере начинает не обеспечивать Вселенную энергией пространства в необходимом количестве для роста её объёма.

В этом случае, на первый план выходит энергетический цикл планет, а точнее, их живая материя, которая, по мере своего развития, начинает обеспечивать рост поступления энергии пространству Вселенной в необходимом количестве. В этом и заключается основная роль живой материи, и особенно человечества.

На современном этапе своего развития Вселенная, скорее всего, уже не может допустить полного уничтожения жизни в ходе каких-либо планетарных катаклизмов, так как она уже перешла в энергетический цикл планет с момента образования Солнца (8,7 млрд. лет назад).

Но не следует успокаиваться, так как в своей работе «Воля вселенной» К.Э. Циолковский писал: «Так и самое разумное существо исполняет только волю Вселенной. Она дала ему разум и ограниченную волю. Ограниченную потому, что эта воля, зависящая от разума, не может быть единственным источником поступков: всегда может вмешаться громада Вселенной, исказить, нарушить и не исполнить волю одного разума. Мы говорим: все от нас зависит, но ведь мы сами — создание Вселенной. Поэтому вернее думать и говорить, что все зависит от Вселенной. Мы предполагаем, а Вселенная распоряжается как хочет, без церемонии разрушая наши планы и даже разрушая всю планету со всеми ее разумными существами.» (Лб. стр. 23.)

При этом, следует отметить, что живая материя при развитии Вселенной обязана существовать во всем её пространстве. Что даёт равномерное развитие всей сферы Вселенной.

Планета Земля, как и любая её планета, несёт свою нагрузку по развитию Вселенной, а жизнь должна быть (в том, или ином виде) на всех планетах Солнечной системы.

На графиках (Рис. 4) особо выделены пунктиром области «сейчас». «Сейчас прошлое» это такая область времени, которая ещё существует, но уже была до «сега момента» (мига). Аналогично – «сейчас будущее» это такая область времени, которая ещё будет. Следует отметить, что «сейчас будущее» многовариантно и не однозначно.

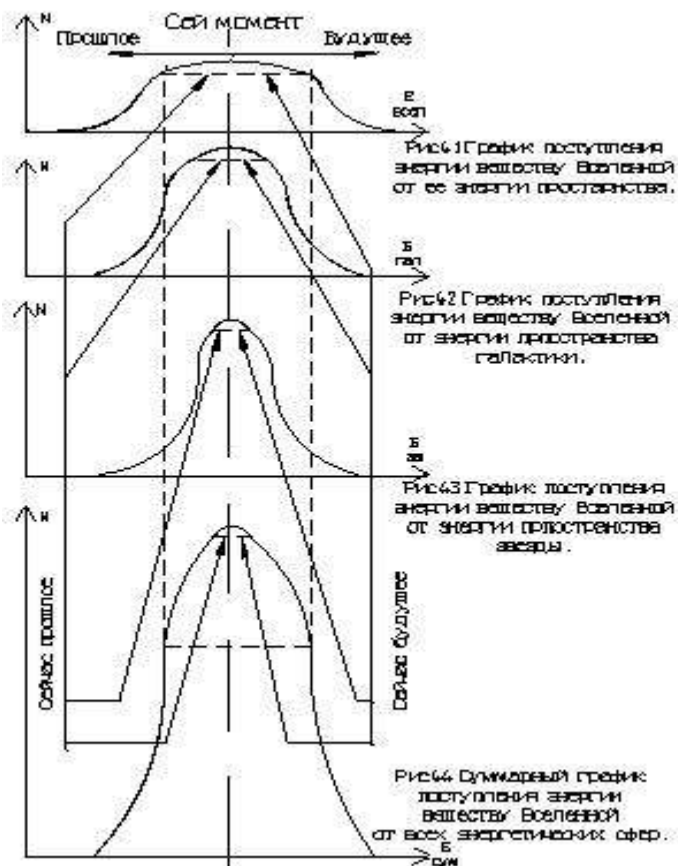

Рис. 4. Графики поступления энергии по каждой энергетической сфере и суммарный график по всем сферам получения энергии веществу Земли.

Из графиков видно, что области «сейчас» (выделены горизонтальными пунктирами на всех графиках) имеют разную продолжительность по времени в силу разных энергетических плотностей сфер.

В силу того, что сфера Вселенной в 10^{18} раз выделяет больше энергии, для одной и той же массы тела, из сферы Вселенной в сферу звёзд. Таким образом, более сильное и продолжительное действие из сферы Вселенной определяет стратегию развития всей её материи.

Тогда сфера галактик определяет тактику развития материального мира Вселенной, а сфера звёзд определяет конкретное развитие материи в своих сферах.

Получается, что сфера Вселенной однозначно определяет и контролирует развитие всей её материи. В этом видна воля Вселенной, которую предвидел К.Э. Циолковский.

Отсюда следует, что Вселенная и её звезды управляют развитием материи на Земле. Получается, что возникновение науки астрологии явление не случайное.

В последние годы стали выходить солидные работы по исследованию взаимодействия вакуума с веществом. (Л.7. стр. 3 – 385.) Работы отражают правильный подход к существованию вещества Вселенной и её вакуума, а у меня называется, энергетическая плотность пространства. Вот только мы, человечество, живём в сфере звезды. И это всем хорошо известно, но почему-то не учитывается, что энергетическая плотность сферы звезды на 13 порядков больше энергетической плотности сферы Вселенной (вакуума). И по закону перехода количества в качество, свойства вакуума и сферы звезды имеют отличительные особенности их проявления в природе. Что я и попытался в этой работе частично отразить.

Список литературы

1. *Шипов Г.И.* Теория физического вакуума. Теория, эксперименты и технологии: Наука. 1997.—450 с., ил.
2. *Базиев Д.Х.* Основы единой теории физики. М.: «Педагогика». 1994.—640 с., ил.
3. *Пантелеев А.М.* Этюды оптимизма. // Academy. № 2 (82),
4. 2025 – с. 5 – 11.
5. *Сухарёв И.Г.* Скорость света. // Academy. №2 (82), 2025 – с. 11 – 33.
6. *Панин Д.М.* Теория густот. М.: Мысль. 1993. – 294 с.
7. *Циолковский К.Э.* Воля вселенной: Неизвестные разумные силы. – Калуга: Гостипография КГСНХ. 1928. – с. 23.
8. *Беляев А.С.* Теоретические основы взаимодействия вакуума с веществом. М.: ОГИ. 2011. – 384 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ В ПРОГНОЗИРОВАНИИ БАНКРОТСТВА РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАКУРС

Хуснутдинов Д.Р.

*Хуснутдинов Данияр Русланович – магистрант,
Университет управления «ТИСБИ»,
г. Казань*

Аннотация: в статье анализируются ограничения западных моделей прогнозирования банкротства (Альтмана, Спрингейта, Фулмера) в российских условиях. Выявлены ключевые вызовы: геополитическая нестабильность, санкции, цифровизация и изменения в законодательстве о банкротстве. Обоснована необходимость гибридных подходов, сочетающих финансовый и нефинансовый анализ с методами машинного обучения. Предложена теоретическая рамка для создания прогнозных моделей, адекватных современным российским реалиям.

Ключевые слова: прогнозирование банкротства, финансовые риски, модели Альтмана, российские предприятия, санкционные риски, машинное обучение, нефинансовые индикаторы, законодательство о несостоятельности, устойчивость бизнеса, теория финансов.

Проблема своевременного и точного прогнозирования банкротства предприятий сохраняет свою фундаментальную значимость в финансовой науке и практике. В условиях российской экономики, переживающей период глубокой трансформации под воздействием геополитических событий, структурных изменений и цифровизации, актуальность этой задачи многократно возрастает.

Традиционные западные модели, основанные на данных стабильных рынков, зачастую демонстрируют низкую предсказательную способность в России, что и подтверждается рядом эмпирических исследований последних лет [1, с. 45]. Это обусловлено спецификой отечественной системы бухгалтерского учета, высокой долей неформальных отношений в бизнесе, а также уникальными внешними шоками.

Таким образом, возникает острая научная проблема: существующий теоретический и методический аппарат прогнозирования банкротства резко отстает от быстро меняющихся реалий российского бизнес-ландшафта. Традиционные модели, разработанные для стабильных условий, неспособны адекватно отражать современные риски — геополитическую нестабильность, санкции, структурные сдвиги и цифровую трансформацию. Этот разрыв между теорией и практикой создает препятствия для своевременного выявления признаков банкротства и принятия эффективных антикризисных решений. Целью данной статьи является систематизация и теоретический анализ актуальных вызовов, стоящих перед разработчиками и пользователями моделей прогнозирования банкротства в России.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- 1) критически оценить применимость классических теорий и моделей;
- 2) выявить и структурировать ключевые внешние и внутренние вызовы;
- 3) проанализировать перспективные направления развития методологии, включая использование технологий искусственного интеллекта.

Теоретической основой прогнозирования банкротства служат гипотезы о том, что финансовое состояние предприятия ухудшается постепенно, что находит отражение в динамике ключевых коэффициентов. К наиболее известным мультидискриминантным моделям относятся:

- Модель Альтмана (Z-score): Разработана для публичных компаний США. Включает показатели рентабельности, ликвидности, финансового рычага и оборачиваемости.
- Модель Таффлера-Тишоу и Спрингейта: Адаптированы для рынков Великобритании и Канады.
- Модели на основе коэффициентов Бивера и Фулмера.

Таблица 1. Ограничения классических моделей в российских условиях.

Модель / подход	Ключевое ограничение в РФ	Причина ограничения
Модель альтмана (z-score)	Завышенные пороговые значения «зоны неведения» и «зоны банкротства»	Иная структура капитала, высокая волатильность рынков, различия в учете [2, с. 33]
Модели, основанные на мсфо	Ограниченная распространенность полной отчетности по мсфо среди среднего бизнеса	Доминирование рсбу, различия в принципах признания и оценки активов/обязательств
Статистические модели (логит/пробит)	Низкая устойчивость при смене экономического цикла	Высокая зависимость российской экономики от конъюнктуры сырьевых рынков и внешнеполитических факторов
Подход, ориентированный только на фин. Коэффициенты	Неспособность уловить ранние сигналы кризиса	Игнорирование качества корпоративного управления, репутационных рисков, давления стейкхолдеров

Главный теоретический вывод данного раздела заключается в том, что прямое заимствование зарубежных методик без глубокой адаптации к институциональным и макроэкономическим особенностям России ведет к существенным прогнозным ошибкам.

Ответом на обозначенные вызовы является развитие новых теоретических подходов:

1. Гибридные модели: сочетание финансовых и нефинансовых индикаторов (управление, ESG, цифровизация, лояльность сотрудников, судебные риски) на основе системного подхода.

2. ML и ИИ: алгоритмы (случайный лес, бустинг, нейросети) выявляют нелинейные зависимости в разнородных данных; преимущество — адаптивность и точность, вызовы — «чёрный ящик» и требования к данным.

3. Сценарное и стресс-тестирование: В условиях неопределенности теория вероятностей уступает место сценарному подходу. Прогнозные модели должны оценивать устойчивость компании к набору заранее определенных шоковых сценариев (например, «отключение SWIFT для компании», «рост ключевой ставки до 20%»).

Проведённый теоретический анализ свидетельствует о методологическом кризисе в сфере прогнозирования банкротства российских предприятий, вызванном радикальным изменением внешней среды. Классические модели, опирающиеся на стабильные рынки, теряют актуальность, а основные вызовы носят комплексный характер.

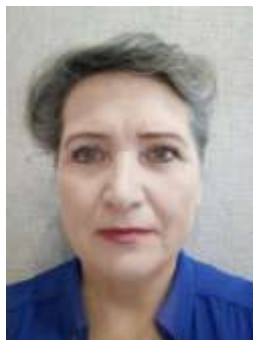
Теоретической перспективой является переход к новой парадигме адаптивности, системности и интеллектуальной обработки данных. Будущие могут стать гибридными, интегрирующими финансовый анализ, качественные индикаторы и алгоритмы машинного обучения. Это требует исследований на стыке финансов, права и Data Science. Практическая реализация такого подхода позволит повысить финансовую стабильность российских компаний и снизить системные риски для экономики в целом.

Список литературы

1. *Иванов А.С.* Сравнительный анализ предсказательной способности зарубежных и адаптированных моделей прогнозирования банкротства на выборке российских компаний [Текст] / А.С. Иванов // *Финансы и кредит.* – 2023. – Т. 29, № 2. – С. 42–61.
2. *Петрова К.Д.* Влияние особенностей РСБУ на точность скоринговых моделей банкротства: эмпирическое исследование [Текст] / К.Д. Петрова // *Экономический анализ: теория и практика.* – 2024. – № 1(520). – С. 30–47.
3. *Сидоров В.Л.* Санкционные риски как детерминанта финансовой несостоятельности: методология оценки и учета в прогнозных моделях [Текст] / В.Л. Сидоров, О.Н. Казакова // *Российское предпринимательство.* – 2023. – № 5. – С. 12–28.
4. *Абрамова М.К.* Новеллы законодательства о банкротстве 2022-2024 гг. и их влияние на стратегию антикризисного управления предприятий [Текст] / М.К. Абрамова // *Закон.* – 2024. – № 4. – С. 75–85.
5. *Гришин Д.А.* Big Data и альтернативная отчетность в оценке кредитоспособности малого бизнеса в России [Текст] / Д.А. Гришин // *Бизнес-информатика.* – 2025. – № 1(49). – С. 108–122.
6. *Козлов Е.П.* Применение методов машинного обучения для прогнозирования банкротства российских промышленных предприятий [Текст] / Е.П. Козлов, Т.И. Николаева // *Искусственный интеллект и принятие решений.* – 2024. – № 1. – С. 88–99.

«ОБЛОМОВЩИНА» И.А.ГОНЧАРОВА. ЧАСТЬ 1

Петрова Н.И.

*Петрова Надежда Ильинична – пенсионер
г. Новосибирск*

Аннотация: *«А как жили взрослые в Обломовке? Делали ли они себе вопрос: зачем дана жизнь? Бог весть. ...Не слыхивали они о так называемой многотрудной жизни, о людях, носящих томительные заботы в груди, ...или отдающих жизнь вечному, нескончаемому труду. ...Они сносили труд как наказание, наложенное еще на праотцев наших, ...и где был случай, всегда от него избавлялись, находя это возможным и должным» [1, 128]. В статье анализируется на сколько велико воздействие «обломовщины» на героя романа И.А.Гончарова «Обломов».*

Ключевые слова: *неприятности, жизнь, труд, скука, покой, мирное веселье, одиночество, уединение, узор жизни.*

Гончаров говорит, что в Гороховой улице, в одном из больших домов, лежал утром в постели, на своей квартире, Илья Ильич Обломов. «Это был человек лет тридцати двух-трех от роду, среднего роста, приятной наружности, с темно-серыми глазами, но с отсутствием всякой определенной идеи, всякой сосредоточенности в чертах лица» [1, 27]. Когда он был дома – а он был почти всегда дома, – он все лежал, и все постоянно в одной комнате, служившей ему спальней, кабинетом и приемной. «У него было еще три комнаты, но он редко туда заглядывал...» [1, 28]. Илья Ильич проснулся, против обыкновения, очень рано, часов в восемь. Он чем-то сильно озабочен, говорит Гончаров. На лице у него попеременно выступал не то страх, не то тоска и досада. Дело в том, что Обломов накануне получил из деревни, от своего старосты, письмо неприятного содержания. «Известно, о каких неприятностях может писать староста: неурожай, недоимки, уменьшение дохода и т.п.» [1, 29]. Обломов стал думать. «Он терялся в приливе житейских забот и все лежал, ворочаясь с боку на бок» [1, 37]. «Обломов, дворянин родом, коллежский секретарь чином, безвыездно живет двенадцатый год в Петербурге» [1, 70]. «Жизнь в его глазах разделялась на две половины: одна состояла из труда и скуки – это у него были синонимы; другая – из покоя и мирного веселья» [1, 71]. Обломов прослужил кое-как года два; может быть, он дотянул бы и третий, до получения чина, но Обломов не вынес и подал в отставку. Так кончилась – и потом уже не возобновлялась – его государственная деятельность. «Роль в обществе удалась было ему лучше» [1, 73]. В первые годы пребывания в Петербурге, в его ранние, молодые годы, говорит Гончаров, на долю Ильи Ильича выпало немало мягких, бархатных, даже страстных взглядов из толпы красавиц. Впрочем, он никогда не отдавался в плен красавицам. «Обломов больше

ограничивался поклонением издали, на почтительном расстоянии» [1, 74]. Другу его, Штольцу, удавалось вытаскивать его в люди; но Штолец часто отлучался из Петербурга в Москву, в Нижний, в Крым – и без него Обломов опять ввергался весь «по уши» в свое одиночество и уединение. «Он не привык к движению, к жизни, к многолюдству и суете» [1, 75]. Что ж он делал дома? Читал? Писал? Учился? «Да: если попадется под руки книга, газета, он ее прочтет» [1, 75]. Серьезное чтение утомляло его. Мыслителям не удалось расшевелить в нем жажду к умозрительным истинам. Зато поэты задели его за живое: он стал юношей, как все. Ум и сердце просветлели: он стряхнул дремоту, душа запросила деятельности. Штолец помог ему продлить этот момент. Юношеский жар Штольца заражал Обломова, и он сгорал от жажды труда, далекой, но обаятельной цели. Но цвет жизни распустился и не дал плодов. Обломов отрезвился и только изредка, по указанию Штольца, пожалуй, «и прочитывал ту или другую книгу, но не вдруг, не торопясь, без жадности, а лениво пробегал глазами по строкам» [1, 77]. Что ж он делал? Да все продолжал чертить узор собственной жизни. Изменив службе и обществу, он начал иначе решать задачу существования, вдумывался в свое назначение и, наконец, открыл, что горизонт его деятельности и житья-бытья кроется в нем самом. Он понял, что ему досталось в удел семейное счастье и заботы об имени. «До тех пор он и не знал порядочно своих дел: за него заботился иногда Штолец» [1, 78]. Со времени смерти стариков хозяйственные дела в деревне не только не улучшились, но, как видно из письма старосты, становились хуже. Ясно, что Илья Ильичу надо было самому съездить туда и на месте разыскать причину постепенного уменьшения доходов. «Он и собирался сделать это, но все откладывал...» [1, 79]. «Сон остановил медленный и ленивый поток его мыслей и мгновенно перенес его в другую эпоху, к другим людям, в другое место...» [1, 108]. Илья Ильич проснулся утром в своей маленькой постельке. Ему только семь лет. Ему легко, весело. Обломов увидел давно умершую мать, мать осыпала его страстными поцелуями, потом взяла его за руку и подвела его к образу. «Потом шли к отцу, потом к чаю» [1, 115]. Детский ум его наблюдает все совершающиеся перед ним явления; они западают глубоко в душу его, потом растут и зреют вместе с ним. Нельзя сказать, чтоб утро пропадало даром в доме Обломовых. «Стук ножей, рубивших котлеты и зелень в кухне, долетал даже до деревни» [1, 117]. «Забота о пище была первая и главная жизненная забота в Обломовке» [1, 119]. Потом Обломову приснилась другая пора: он в бесконечный зимний вечер робко жмет к няне, а она нашептывает ему о какой-то неведомой стороне, где нет ни ночей, ни холода, где все совершаются чудеса, где текут реки меду и молока, где никто ничего круглый год не делает, а день-деньской только и знают, что гуляют все добрые молодцы, такие, как Илья Ильич, да красавицы, что ни в сказке сказать, ни пером описать. «Там есть и добрая волшебница, ...которая изберет себе какого-нибудь любимца, ... да и осыпает его ни с того ни с сего разным добром, а он знай кушает себе да наряжается в готовое платье, а потом женится на какой-нибудь неслыханной красавице, Милитрисе Кирбитьевне. Ребенок, наострив уши и глаза, страстно впивался в рассказ» [1, 123,124]. Далее Илья Ильич вдруг увидел себя мальчиком лет тринадцати или четырнадцати. Он уж учился в селе Верхлѣве, верстах в пяти от Обломовки, у тамошнего управляющего, немца Штольца, который завел небольшой пансион для детей окрестных дворян. «У него был свой сын, Андрей, почти одних лет с Обломовым...» [1, 127] Обломов отрезвился совсем от сна и начал потягиваться, зевая. «Дай... квасу...» – говорил он в промежутках зевоты. Тут же из-за спины Захара кто-то разразился звонким хохотом. Оба оглянулись. ««Штолец! Штолец!» – в восторге кричал Обломов, бросаясь к гостю» [1, 155]. «Здравствуй, Илья. Как я рад тебя видеть! Ну, что, как ты поживаешь? Здоров ли?» – спросил Штолец. «Ох, нет, плохо, брат Андрей, – вздохнув, сказал Обломов, – какое здоровье!» «А что, болен?» – спросил заботливо Штолец. «Ячмени одолели...». Штолец засмеялся. «Только? – спросил он. – Это ты наспал себе». «Какое «только»:

изжога мучит...». «Ах, ты! Ну, скажи, что твои дела, что в Обломовке?» «Ах!...» – произнес Обломов, махнув рукою. «Что случилось?» – спросил Штольц. «Два несчастья». «Какие же?» «Совсем разорился». «Как так?» [1, 168]. «Вот я тебе прочту, что староста пишет... где письмо-то? Захар, Захар!» Захар отыскал письмо. Штольц пробежал его и засмеялся, вероятно от слога старосты. «Какой плут этот староста! – сказал он. – Распустил мужиков, да и жалуется!...» «...Однако послушай: не шутя, тебе надо самому побывать в деревне в этом году». «Да, правда; только у меня план еще не весь...» – робко заметил Обломов. «И не нужно никакого! – сказал Штольц. – Ты только поезжай: на месте увидишь, что надо делать. Ты давно что-то с этим планом возишься: ужели еще все не готово? Что ж ты делаешь?» «Ах, братец! Как будто у меня только и дела, что по имению. А другое несчастье?» «Какое же?» [1, 169] «С квартиры гонят». «Как гонят?» «Так: съезжай, говорят, да и только». «Ну, так что ж?» «Как что ж? Я тут спину и бока протер, ворочаясь от этих хлопот. Ведь один: и то надо и другое, там счеты сводить, туда плати, здесь плати, а тут перевозка! Денег выходит ужас сколько, и сам не знаю куда! Того и гляди, останешься без гроша...» ««Вот избаловался-то человек: с квартиры тяжело съехать! – с удивлением произнес Штольц» [1, 170]. «...Скажи, пожалуйста, ходишь ли ты куда-нибудь, где бываешь? С кем видишься?» «Да где бываю! Мало где бываю, все дома сижу: вот план-то тревожит меня, а тут еще квартира... Спасибо, Тарантьев хотел постараться, приискать...» «Бывает ли кто-нибудь у тебя?» «Бывает... вот Тарантьев, еще Алексеев...» «...Сам-то ты что ж делаешь? Точно ком теста, свернулся и лежишь». «Правда, Андрей, как ком», – печально отозвался Обломов. «...Надо же выйти из этого сна». «Пробовал прежде, не удалось, а теперь... зачем? Ничто не вызывает, душа не рвется, ум спит покойно! – с едва заметною горечью заключил он. – Полно об этом... Скажи лучше, откуда ты теперь?» «Из Киева. Недели через две поеду за границу. Поезжай и ты...» «Хорошо; пожалуй...» – решил Обломов. «Так садись, пиши просьбу, завтра и подашь...» «Вот уж и завтра! – начал Обломов спохватившись. – ...Подумаем, поговорим, а там что бог даст! Вот разве сначала в деревню, а за границу... после...» [1, 171, 172]. «Отчего же после? ... Ты сбрось с себя прежде жир, тяжесть тела, тогда отлетит и сон души. Нужна и телесная и душевная гимнастика». «Нет, Андрей, все это меня утомит: здоровье-то плохо у меня. Нет, уж ты лучше оставь меня, поезжай себе один...» «Ах, Илья, Илья! – сказал Штольц. – Нет, я тебя не оставлю так. Через неделю ты не узнаешь себя. Уже вечером я сообщу тебе подробный план о том, что я намерен делать с собой и с тобой, а теперь одевайся. Постой, я встряхну тебя. Захар! – закричал он. – Одеваться Илье Ильичу!... Я сейчас оденусь, и ты будь готов, Илья. Мы пообедаем где-нибудь на ходу, потом поедem дома в два, три, и...» [1, 172]. «Да куда это? Да зачем?» – с тоской говорил Обломов.... «Скорей, скорей!» – торопил Штольц. Воротились они домой к поздней ночи, говорит Гончаров. На другой, на третий день опять, и целая неделя промелькнула незаметно. Обломов протестовал, жаловался, спорил, но был увлекаем и сопутствовал другу своему всюду. Однажды, возвратясь откуда-то поздно, он особенно восстал против этой суеты. «Целые дни, – ворчал Обломов, надевая халат, – не снимаешь сапог: ноги так и зудят! Не нравится мне эта ваша петербургская жизнь!» – продолжал он, ложась на диван. «Что ж здесь именно так не понравилось?» «Все, вечная беготня взапуски, вечная игра дрянных страстишек...» [1, 174]. «...Дела-то своего нет... А избрать скромную, трудовую тропинку и идти по ней...» «...Где же наша скромная, трудовая тропинка?» – спросил Штольц. Обломов не отвечал. «Ну, скажи мне, какую бы ты начертал себе жизнь?» – продолжал спрашивать Штольц. «Я уж начертал». «Что ж это такое? Расскажи, пожалуйста, как?» [1, 176]. «Как? – сказал Обломов, «перевертываясь» на спину и глядя в потолок. – Да как! Уехал бы в деревню». «Что ж тебе мешает?» «План не кончен. Потом я бы уехал не один, а с женой...». «А! вот что! ...» «Ну, приехал бы я в новый, покойно устроенный дом... В окрестности жили бы хорошие соседи, ты, например...» [1, 177]. «...Как бы ты проводил дни свои?» «Ну вот,

встал бы утром, – начал Обломов, подкладывая руки под затылок, и по лицу разлилось выражение покоя: он мысленно был уже в деревне» [1, 178]. «...До обеда приятно заглянуть в кухню, открыть кастрюлю, понюхать, посмотреть, как свертывают пирожки, сбивают сливки. Потом лечь на кушетку; жена вслух читает что-нибудь новое; мы останавливаемся, спорим... Но гости едут, например ты с женой». «Ба, ты и меня женишь?» «Непременно! Еще два, три приятеля, все одни и те же лица. ...В глазах собеседников увидишь симпатию, в шутке искренний, незлобный смех... Все по душе! ...После обеда мокка, гавана на террасе...» «Ты мне рисуешь одно и то же, что бывало у дедов и отцов» [1, 179]. «Нет, не то, – отозвался Обломов, почти обидевшись, – где же то? Разве у меня жена сидела бы за вареньями да за грибами? ...Ты слышишь: ноты, книги, рояль, изящная мебель?» «Ну, а ты сам?» «И сам я прошлогодних бы газет не читал, ...ел бы не лапшу и гуся, а выучил бы повара в английском клубе или у посланника». «Ну, потом?» «...В доме уж засветились огни; на кухне стучат в пятеро ножей; сковорода грибов, котлеты, ягоды... тут музыка... *Casta diva... Casta diva!*» – запел Обломов. «Ты любишь эту арию? Я очень рад; ее прекрасно поет Ольга Ильинская. Я познакомлю тебя – вот голос, вот пение! Да и сама она что за очаровательное дитя! Впрочем, может быть я пристрастно сужу: у меня к ней слабость... Однако ж не отвлекайся, не отвлекайся, – прибавил Штольц, – рассказывай!» «Ну, – продолжал Обломов, – что еще?.. Да тут и все!.. Гости расходятся по флигелям, по павильонам; а завтра разбрелись: кто удить, кто с ружьем, а кто так, просто, сидит себе...» «...А? Это не жизнь?» [1, 180] «И весь век так?» – спросил Штольц. «До седых волос, до гробовой доски. Это жизнь!» «Нет, это не жизнь!» «Как не жизнь? Чего тут нет? Ты подумай, что ты не увидал бы ни одного бледного, страдальческого лица, никакой заботы, ни одного вопроса о сенате, о бирже, об акциях, ... А всё разговоры по душе! ...И это не жизнь?» «Это не жизнь!» – упрямо повторил Штольц. «Что ж это, по-твоему?» «Это... (Штольц задумался и искал, как назвать эту жизнь, говорит Гончаров.) Какая-то... обломовщина», – сказал он наконец. «О-бло-мовщина!» – медленно произнес Илья Ильич, удивляясь этому странному слову и разбирая его по складам. «Где же идеал жизни, по-твоему? Что ж не обломовщина? – без увлечения, робко спросил он. – Разве не все добиваются того же, о чем я мечтаю? Помилуй! – прибавил он смелее. – Да цель всей вашей беготни, страстей, войн, торговли и политики разве не выделка покоя, не стремление к этому идеалу утраченного рая?» «И утопия-то у тебя обломовская», – возразил Штольц. «Все ищут отдыха и покоя», – защищался Обломов. «Не все, и ты сам, лет десять, не того искал в жизни». «Чего же я искал?» – с недоумением спросил Обломов, погружаясь мыслью в прошедшее. «Вспомни, подумай. Где твои книги, переводы?» «Захар куда-то дел, – отвечал Обломов, – тут где-нибудь в углу лежат». «В углу! – с упреком сказал Штольц. – В этом же углу лежат и замыслы твои «служить, пока станет сил, потому что России нужны руки и головы для разработывания неистощимых источников (твои слова); работать, чтоб слаще отдыхать, а отдыхать – значит жить другой, артистической, изящной стороной жизни, жизни художников, поэтов». Все эти замыслы тоже Захар сложил в угол?...» «Да... да... – говорил Обломов, спокойно следя за каждым словом Штольца...» [1, 181]. «...Что ж, Илья? Я два раза был за границей, ... выучил Европу как свое имение. ...Я видел Россию вдоль и поперек. Тружусь...» «Когда-нибудь перестанешь же трудиться», – заметил Обломов. «Никогда не перестану. Для чего?» «Когда удвоишь свои капиталы», – сказал Обломов. «Когда учетверю их, и тогда не перестану» [1, 182]. «...Так когда же жить? – с досадой на замечания Штольца возразил Обломов. – Для чего же мучиться весь век?» «Для самого труда, больше ни для чего. Труд – образ, содержание, стихия и цель жизни, по крайней мере моей. Вон ты выгнал труд из жизни: на что она похожа? Я попробую приподнять тебя, может быть в последний раз. Если ты и после этого будешь сидеть вот тут, с Тарантьевыми и Алексеевыми, то совсем пропадешь, станешь в тягость даже себе. Теперь или никогда!» – заключил он. Обломов слушал

его, глядя на него встревоженными глазами. «Не брани меня, Андрей, а лучше в самом деле помоги! – начал он со вздохом. – Все знаю, все понимаю, но силы и воли нет. Дай мне своей воли и ума и веди меня, куда хочешь. За тобой я, может быть, пойду, а один не сдвинусь с места...» Он вздохнул. «Знаешь ли, Андрей, в жизни моей ведь никогда не загоралось никакого, ни спасительного, ни разрушительного огня?...Нет, жизнь моя началась с погасания. Странно, а это так! С первой минуты, когда я сознал себя, я почувствовал, что я уже гасну!...» [1, 183] «...Итак, двенадцать лет, милый мой Андрей, прошло: не хотелось уж мне просыпаться больше». «Зачем же ты не вырвался, не бежал куда-нибудь, а молча погибал?» – нетерпеливо спросил Штольц. «Куда?» «Куда? Да хоть с своими мужиками на Волгу: и там больше движения, есть интересы какие-нибудь, цель, труд. Я бы уехал в Сибирь, в Ситху». «Вон ведь ты всё какие сильные средства прописываешь!» – заметил Обломов уныло. «...Я не оставлю тебя так, я увезу тебя отсюда, сначала за границу, потом в деревню: похудеешь немного, перестанешь хандрить, а там сыщем и дело...» [1, 184]. «Да, поедем куда-нибудь отсюда!» – вырвалось у Обломова. «...До границы мы поедем в почтовом экипаже или на пароходе до Любека, как будет удобнее; а там во многих местах железные дороги есть». «А квартира, а Захар, а Обломовка? Ведь надо распорядиться», – защищался Обломов. «Обломовщина, обломовщина! – сказал Штольц, смеясь, потом взял свечку, пожелал Обломову покойной ночи и пошел спать» [1, 185]. Через две недели Штольц уже уехал в Англию, взяв с Обломова слово приехать прямо в Париж. У Ильи Ильича уже и паспорт был готов, он даже заказал себе дорожное пальто, купил фуражку. Вот как подвинулись дела. Но Обломов не уехал ни через месяц, ни через три, говорит Гончаров. Накануне отъезда у него ночью раздулась губа. ««Муха укусила, нельзя же с этакой губой в море!» – сказал он и стал ждать другого парохода» [1, 187]. «Штольц познакомил Обломова с Ольгой и ее теткой» [1, 188]. В одно прекрасное утро Тарантьев перевез весь его дом к своей куме, в переулок, на Выборгскую сторону. Вдруг оказалось, говорит Гончаров, что против дачи Ольгиной тетки есть одна свободная. Обломов нанял ее заочно и живет там. Он с Ольгой с утра до вечера; он читает с ней, посылает цветы, гуляет по озеру, по горам... он, Обломов. «Чего не бывает на свете!» [1, 192] Ольга «пела много арий и романсов, по указанию Штольца; в одних выражалось страдание с неясным предчувствием счастья, в других – радость, но в звуках этих таился уже зародыш грусти» [1, 194]. В один и тот же момент хотелось умереть, не пробуждаться от звуков, и сейчас же опять сердце жаждало жизни... Обломов вспыхивал, изнемогал, с трудом сдерживал слезы, и еще труднее было душить ему радостный, готовый вырваться из души крик. Давно не чувствовал он такой бодрости, говорит Гончаров, такой силы, которая, казалось, вся поднялась со дна души, готовая на подвиг. «Чрез три дня он опять был там и вечером, когда прочие гости уселись за карты, очутился у рояля, вдвоем с Ольгой» [1, 195]. «Боже мой, какая она хорошенькая! Бывают же такие на свете!» – думал он, глядя на нее почти испуганными глазами. Он не слышал ничего. Он в самом деле все глядел и не слышал ее слов и молча поверял, что в нем делается; дотронулся до головы – там тоже что-то волнуется, несется с быстротой. «Он не успевает ловить мыслей: точно стая птиц, порхнули они, а у сердца, в левом боку, как будто болит» [1, 197]. «Спойте!» – сказал он. «Вот он, комплимент, которого я ждала!» – радостно вспыхнув, перебила она...» [1, 198]. «... Пойдите, еще одно спою...» – сказала она, голос звучал свежо и серебристо. И в Обломове играла такая же жизнь; ему казалось, что он живет и чувствует все это – не час, не два, а целые годы... «Оба они, снаружи неподвижные, разрывались внутренним огнем, дрожали одинаким трепетом; в глазах стояли слезы, вызванные одинаким настроением» [1, 199]. У него на лице сияла заря пробужденного, со дна души восставшего счастья; наполненный слезами взгляд устремлен был на нее, говорит Гончаров. Теперь уж она невольно взяла его за руку. «Что с вами? – спросила она. – Какое у вас лицо! Отчего? ...Как глубоко вы чувствуете музыку!..» «Нет, я чувствую... не музыку... а... любовь!» – тихо сказал

Обломов. Ее взгляд встретился с его взглядом, устремленным на нее: взгляд этот был неподвижный, почти безумный; им глядел не Обломов, а страсть. Ольга поняла, что у него слово вырвалось, что он не властен в нем и что оно – истина. «Он опомнился, взял шляпу и, не оглядываясь, выбежал из комнаты» [1, 200]. Долго после того, как у него вырвалось признание, не видались они наедине, говорит Гончаров. Как просто познакомились они! Как свободно сошлись! Потом еще Штольц, уезжая, завещал Обломову ей, просил приглядывать за ним, мешать ему сидеть дома. Она мечтала, как «прикажет ему прочесть книги», которые оставил Штольц, потом читать каждый день газеты и рассказывать ей новости, – словом, он не задремлет у нее; она укажет ему цель, заставит полюбить опять все, что он разлюбил, и Штольц не узнает его воротясь. И все это чудо сделает она, такая робкая, молчаливая, которой до сих пор никто не слушался, которая еще не начала жить! Она – виновница такого превращения! Уж оно началось: только лишь она запела, Обломов – не тот... «Он будет жить, действовать, благословлять жизнь и ее» [1, 202].

«Что вас не видать давно?» – спросила она. Он молчал. Она понимала яснее его, что в нем происходит, и потому перевес был на ее стороне. «Она открыто глядела в его душу, видела, как рождалось чувство на дне его души, как играло и выходило наружу; ...» [1, 225] «Отчего вы не веселы?» – опросила она. «Не знаю, Ольга Сергеевна. Да отчего мне веселиться? И как?» «Занимайтесь, будьте чаще с людьми.» «Заниматься! Заниматься можно, когда есть цель. Какая у меня цель? Нет ее.» «Цель – жить.» «Когда не знаешь, для чего живешь, так живешь как-нибудь, день за днем;...» [1, 227]. Она слушала молча. «Зачем жил! – повторила она. – Разве может быть чье-нибудь существование ненужным?» «Может. Например, мое», – сказал он. «Вы до сих пор не знаете, где цель вашей жизни?» – спросила она остановясь. «Я уж прошел то место, где она должна быть, и впереди больше ничего нет». Он вздохнул, а она улыбнулась. «Ничего нет?» – вопросительно повторила она, но живо, весело, со смехом. «Смейтесь, – продолжал он, – а это так!... Для чего, для кого я буду жить? – говорил он, идучи за ней. – Чего искать, на что направить мысль, намерения? Цвет жизни опал, остались только шипы». Они шли тихо; она слушала рассеянно, мимоходом сорвала ветку сирени и, не глядя на него, подала ему. «Что это?» – спросил он оторопев. «Вы видите – ветка». «Какая ветка?» – говорил он, глядя на нее во все глаза. «Сиреневая». «Знаю... но что она значит?» «Цвет жизни и...» Он остановился, она тоже. «И?» – повторил он вопросительно. «Мою досаду», – сказала она, глядя на него прямо, сосредоточенным взглядом, и улыбка говорила, что она знает, что делает. Облако непроницаемости слетело с нее. Взгляд ее был говорящ и понятен, говорит Гончаров. Она как будто нарочно открыла известную страницу книги и позволила прочесть заветное место. «Стало быть, я могу надеяться...» – вдруг, радостно вспыхнув, сказал он. «Всего! Но...» Она замолчала. Он вдруг воскрес. И она, в свою очередь, не узнала Обломову: туманное, сонное лицо мгновенно преобразилось, глаза открылись; заиграли краски на щеках; задвигались мысли; «в глазах сверкнули желания и воля» [1, 228]. «Жизнь, жизнь опять отворяется мне, – говорил он как в бреду, – вот она, в ваших глазах, в улыбке, в этой ветке, в *Casta diva*... все здесь...». Он то с восторгом, украдкой кидал взгляд на ее голову, на стан, на кудри, то сжимал ветку. ««Это все мое! Мое!» – задумчиво твердил он и не верил сам себе» [1, 229]. «Между тем симпатия их росла, развивалась и проявлялась по своим непреложным законам» [1, 231] «Они не лгали ни перед собой, ни друг другу: они выдавали то, что говорило сердце,...» [1, 238] «Он побежал отыскивать Ольгу» [1, 265]. «Представь, – начал он, – сердце у меня переполнено одним желанием, голова – одной мыслью, но воля, язык не повинуются мне: хочу говорить, и слова нейдут с языка. А ведь как просто, как... Помогите мне, Ольга». «Я не знаю, что у вас на уме...» «О, ради бога, без этого вы: твой гордый взгляд убивает меня, каждое слово, как мороз, леденит...» Она засмеялась. «Ты сумасшедший!» – сказала она, положив ему руку на голову. «Вот так, вот я получил дар мысли и слова! Ольга, – сказал он, став

перед ней на колени, – будь моей женой!» Она молчала и отвернулась от него в противоположную сторону. «Ольга, дай мне руку!» – продолжал он. Она не давала. Он взял сам и приложил к губам. Она не отнимала. Он старался заглянуть ей в лицо, говорит Гончаров, – она отворачивалась все больше. «Молчание?» – сказал он тревожно и вопросительно, целуя ей руку. ««Знак согласия!» – договорила она тихо, все еще не глядя на него» [1, 272]. Обломов сиял, идучи домой. У него кипела кровь, глаза блистали» [1, 275]. Потом он задумывался, задумывался все глубже. Он чувствовал, что светлый, безоблачный праздник любви отошел, что любовь становилась долгом, что она мешалась со всею жизнью, говорит Гончаров. Поэма минует, и начнется строгая история: палата, потом поездка в Обломовку, постройка дома, заклад в совет, проведение дороги, нескончаемый разбор дел с мужиками, порядок работ, жнитво, умолот, шелканье счетов, заботливое лицо приказчика. Кое-где только, изредка, блеснет взгляд Ольги, прозвучит *Casta diva*, раздается торопливый поцелуй, а там опять на работы ехать, в город ехать, там опять приказчик, опять шелканье счетов. Что ж это? Ужели то сулил он себе? Разве это жизнь?.. А между тем живут так, как будто в этом вся жизнь. И Андрею она нравится! Но женитьба, свадьба – все-таки это поэзия жизни, это готовый, распустившийся цветок. «Он представил себе, как он ведет Ольгу к алтарю: она – с померанцевой веткой на голове,...» [1, 279, 280] «Нет, побегу к Ольге, не могу думать и чувствовать один, – мечтал он. – Расскажу всем, целому свету... нет, сначала тетке, ...напишу к Штольцу – вот изумится-то! ...Теперь побегу к Ольге: там ждет меня продолжительный шепот, таинственный уговор слить две жизни в одну!..» Он побежал к Ольге. Она с улыбкой выслушала его мечты, говорит Гончаров; но только он вскочил, чтоб бежать объявить тетке, у ней так сжались брови, что он струсил. «Никому ни слова! – сказала она, приложив палец к губам и грозя ему, чтоб он тише говорил. – Еще не пора!» «Когда же пора, если между нами все решено? – нетерпеливо спросил он. – Что ж теперь делать? С чего начать? – спрашивал он. – Не сидеть же сложа руки. Начинается обязанность, серьезная жизнь...» «Да, начинается», – повторила она, глядя на него пристально. «Ну, вот я и хотел сделать первый шаг, идти к тетке...» «Это последний шаг». «Какой же первый?» «Первый... идти в палату: ведь надо какую-то бумагу писать?» «Да... я завтра...» «Отчего ж не сегодня?» «Сегодня... сегодня такой день, и уйти от тебя, Ольга!» «Ну хорошо, завтра. А потом?» «Потом – сказать тетке, написать к Штольцу». «Нет, потом ехать в Обломовку... Ведь Андрей Иванович писал, что надо делать в деревне: я не знаю, какие там у вас дела, постройка, что ли?» – спросила она, глядя ему в лицо. «Боже мой! – говорил Обломов. – Да если слушать Штольца, так ведь до тетки век дело не дойдет! Он говорит, что надо начать строить дом, потом дорогу, школы заводить... Этого всего в целый век не переделаешь. Мы, Ольга, вместе поедем, и тогда...» [1, 280,281] «А куда мы приедем? Есть там дом?» «Нет: старый плох; крыльцо совсем, я думаю, расшаталось». «Куда ж мы приедем?» – спросила она. «Надо здесь квартиру приискать». «Для этого тоже надо ехать в город, – заметила она, – это второй шаг...» «Потом...» – начал он. «Да ты прежде шагни два раза, а там...» «Что ж это такое? – печально думал Обломов. – Ни продолжительного шепота, ни таинственного уговора слить обе жизни в одну! Все как-то иначе, по-другому. Какая странная эта Ольга! Она не останавливается на одном месте, не задумывается сладко над поэтической минутой, как будто у ней вовсе нет мечты, нет потребности утонуть в раздумье! Сейчас и поезжай в палату, на квартиру – точно Андрей! Что это все они как будто сговорились торопиться жить!» [1, 281] В конце августа пошли дожди, и на дачах задымились трубы, где были печи, «...и наконец, мало-помалу, дачи опустели» [1, 287]. Обломов велел Захару и Анисье ехать на Выборгскую сторону, где решил остаться до приискания новой квартиры, говорит Гончаров, а сам вечер просидел у Ольги. «Скажем тетке, – настаивал Обломов, – тогда я могу оставаться у вас с утра, и никто не будет говорить...» «А ты в палате был?» – спросила Ольга. Он вздохнул в

ответ. «Ах, если б ты знала, как это трудно!» – говорил он. ««А говорил с братом хозяйки? Приискал квартиру?» – спросила она потом, не поднимая глаз» [1, 288]. «Его никогда утром дома нет, а вечером я все здесь», – сказал Обломов. «Завтра непременно поговорю с хозяйским братом, – успокоивал» ее Обломов, – завтра воскресенье, он в присутствие не пойдет». «Пока это все не устроится, – сказала задумчиво Ольга, – говорить ma tante нельзя и видеться надо реже...» ««Да, да... правда», – струсив, прибавил Обломов» [1, 289]. Обломов увидел мелькнувший мимо окон пакет брата, вспомнил про доверенность и просил Ивана Матвеевича засвидетельствовать ее в палате. Бумага была засвидетельствована и отослана на почту. Обломов с торжеством объявил об этом Ольге и успокоился надолго. Он радовался, говорит Гончаров, что до получения ответа квартиры приискывать не понадобится. «Оно бы и тут можно жить, – думал он, – да далеко от всего, а в доме у них порядок строгий и хозяйство идет славно» [1, 296]. Ему было очень скучно не видеть Ольги в неположенные дни, не слышать ее голоса, не читать в глазах все той же, неизменяющейся ласки, любви, счастья. Зато в положенные дни он жил, как летом, заслушиваясь ее пения или глядел ей в глаза; а при свидетелях довольно было ему одного ее взгляда, равнодушного для всех, но глубокого и знаменательного для него. «По мере того, однако ж, как дело подходило к зиме, свидания их становились реже наедине» [1, 300]. Однажды, говорит Гончаров, Илья Ильич лежал небрежно на диване, играя туфлей. Вошел Захар и стал у дверей. «Ты что?» – спросил Обломов. Захар молчал. «Ну?» – спросил Обломов, взглянув на него с удивлением. «Да я не все еще разобрал: посуда, одежда, сундуки – все еще в чулане горой стоит. Разбирать, что ли?» «Погоди, – рассеянно сказал Обломов, – я жду ответа из деревни». «Стало быть, свадьба-то после Рождества будет?» – прибавил Захар. «Какая свадьба?» – вдруг встав, спросил Обломов. «Известно какая: ваша! – отвечал Захар положительно, как о деле давно решенном. – Ведь вы женитесь?» «Я же-нюсь! На ком?» – с ужасом спросил Обломов, пожирая Захара изумленными глазами. «На Ильинской барыш...», – Захар еще не договорил, а Обломов был у него почти «на носу». ««Что ты, несчастный, кто тебе внушил эту мысль?» – патетически, сдержанным голосом воскликнул Обломов, напирая на Захара» [1, 302]. «...Кто? Люди Ильинские еще летом сказывали». «Цссс!.. – зашипел на него Обломов, подняв палец вверх и грозя на Захара. – Ни слова больше!» «Откуда они знают? – твердил Обломов, – Ольга молчала, я и подумать вслух не смел, а в передней все решили! Вот что значит свидания наедине,... страстные взгляды и обаятельное пение! ...Надо прежде стать под венец и тогда плавать в розовой атмосфере!.. Боже мой! ... Бежать к тетке, взять Ольгу за руку и сказать: «Вот моя невеста!», да не готово ничего, ответа из деревни нет, денег нет, квартиры нет!...» [1, 303] «...Какая же свадьба? Что ты выдумал?» Обломов остановился. Он сам пришел в ужас от этой грозной, безотрадной перспективы. «Розы, померанцевые цветы, блистанье праздника, шепот удивления в толпе – все вдруг померкло» [1, 306]. Обломов не знал, с какими глазами покажется он к Ольге, говорит Гончаров. Сказать ей о глупых толках людей он не хотел, чтоб не тревожить ее злом неисправимым, а не говорить тоже было мудрено. Он немного успокоился и написал в деревню к соседу, «своему поверенному, другое письмо, убедительно прося его поспешить ответом, по возможности удовлетворительным» [1, 309]. «Послушай, Ольга, – заговорил он наконец торжественно, – под опасением возбудить в тебе досаду, навлечь на себя упреки, я должен, однако ж, решительно сказать, что мы зашли далеко. Мой долг, моя обязанность сказать тебе это» [1, 313, 314]. «Что сказать?» – спросила она с нетерпением. «Что мы делаем очень дурно, что видимся тайком» [1, 314]. «Это правда, – вздрогнув, сказала она. – Слушай же, – прибавила решительно, – скажем все ma tante, и пусть она завтра благословит нас...» Обломов побледнел. «Что ты?» – спросила она. «Погоди, Ольга: к чему так торопиться?...» – поспешно прибавил он. У самого дрожали губы. «Не ты ли, две недели назад, сам торопил меня?» – спросила она, глядя сухо и внимательно на него.

«Да я не подумал тогда о приготовлениях, а их много! – сказал он вздохнув. – Дождемся только письма из деревни». «Зачем же дожидаться письма?...» «Вот мысль! Нет; а все нужно для соображений: надо же будет сказать тетке, когда свадьба. С ней мы не о любви будем говорить, а о таких делах, для которых я вовсе не приготовлен теперь». «Тогда и скажем, как получишь письмо, а между тем все будут знать, что мы жених и невеста, и мы будем видеться ежедневно. – Мне скучно, – прибавила она, – я томлюсь этими длинными днями; все замечают, ко мне пристают, намекают лукаво на тебя... Все это мне надоело!» «Намекают на меня?» – едва выговорил Обломов. «... Я не боюсь этих намеков» [1, 315]. «Жених, жених!» – написано у всех на лбу, а он еще не просил согласия тетки, у него ни гроша денег нет, и он не знает, когда будут, не знает даже, сколько он получит дохода с деревни в нынешнем году; дома в деревне нет – хорош жених! «Он решил, что до получения положительных известий из деревни он будет видеться с Ольгой только в воскресенье, при свидетелях» [1, 316]. Прошла неделя, говорит Гончаров. Обломов, встав утром, прежде всего с беспокойством спрашивал, наведены ли мосты. ««Нет еще», – говорили ему, и он мирно проводил день,...» [1, 320] Однажды, лишь только Обломов беззаботно проснулся утром и принялся за кофе, вдруг Захар донес, что мосты наведены. У Обломова стукнуло сердце. «А завтра воскресенье, – сказал он, – надо ехать к Ольге, целый день мужественно выносить значительные и любопытные взгляды посторонних, потом объявить ей, когда намерен говорить с теткой. А он еще все на той же точке невозможности двинуться вперед» [1, 321]. Обломов оделся и уехал к Ольге. Воротясь вечером домой, он нашел у себя на столе письмо из деревни, от соседа, его поверенного. Он бросился к лампе, прочел – и у него опустились руки, говорит Гончаров. «Прошу покорно передать доверенность другому лицу (писал сосед), а у меня накопилось столько дела, что, по совести сказать, не могу как следует присматривать за вашим имением. Всего лучше вам самим приехать сюда, и еще лучше поселиться в имении. Имение хорошее, но сильно запущено. ...Теперь же денег наличных нет ни гроша. ...В заключение повторю просьбу пожаловать как можно скорее: месяца в три можно привести в известность, чего надеяться на будущий год. ...Поспешайте. Дом ваш очень плох (прибавлено было в конце)...» [1, 335]. «О свадьбе ближе года и думать нельзя, – боязливо сказал он, – да, да, через год, не прежде!...» Он вздохнул. Еще на год отодвинулось счастье! Обломов застонал болезненно и повалился было на постель, но вдруг опомнился и встал. «А что говорила Ольга? Как взывала к нему, как к мужчине, доверилась его силам?» [1, 336] «Ольга сидела в своей маленькой гостиной,...» [1, 341]. «Ты озабочен?» – сказала она. «Я получил письмо из деревни», – сказал он монотонно. «Где оно? с тобой?» Он взял письмо и прочел вслух. Она задумалась. «Что ж теперь?» – спросила она помолчав. «Я сегодня советовался с братом хозяйки, – отвечал Обломов, – и он рекомендует мне поверенного, Исаю Фомича Затертого: я поручу ему обделать все это...» «Иначе ведь самому надо ехать, – сказал Обломов, – мне бы, признаться, этого не хотелось». Она все глядела вниз, шевеля носком ботинки. ««Если даже я и поеду, – продолжал Обломов, – то ведь решительно из этого ничего не выйдет: я толку не добьюсь; мужики меня обманут; староста скажет, что хочет, – я должен верить всему; денег даст, сколько вздумает. Ах, Андрея нет здесь: он бы все уладил!» – с огорчением прибавил он» [1, 342] «...Как только все дела устроятся, поверенный распорядится стройкой и привезет деньги... все это кончится в какой-нибудь год... тогда нет более разлуки, мы скажем все тетке, и... и...» Он взглянул на Ольгу: она без чувств. Голова у ней склонилась на сторону, из-за посиневших губ видны были зубы. «Ольга!.. Боже мой, ей дурно! – сказал он и дернул звонок. – Барышне дурно, – сказал он прибежавшей Кате. «Ольга очнулась, встала с помощью Кати и Обломова с кресла и, шатаясь, пошла к себе в спальню» [1, 343].

Дверь тихо отворилась, и явилась Ольга; он взглянул на нее и вдруг упал духом. Во взгляде ее он прочел решение, говорит Гончаров, но какое – еще не знал.

«Послушай, Ольга, не гляди на меня так: мне страшно!» – сказал он. Она молчала, глядя на него пристально, как привидение. Он смутно догадывался, какой приговор ожидал его, и взял шляпу, но медлил спрашивать. Наконец он осилил себя. «Так ли я понял?...» – спросил он ее изменившимся голосом. Она медленно, с кротостью наклонилась, в знак согласия, голову. Она походила на раненого, который зажал рану рукой, чтоб досказать, что нужно, и потом умереть. «Ты не возненавидишь меня?» – спросил он. ««За что?»» – сказала она слабо» [1, 344]. «За то, – говорил он, поникнув головой, – что ты ошибалась.....» «Я не раскаиваюсь. Мне так больно, так больно...» – сказала она и остановилась, чтоб перевести дух. «Мне хуже, – отвечал Обломов, – но я стою этого: за что ты мучишься?» «За гордость, – сказала она, – я наказана, я слишком понадеялась на свои силы – вот в чем я ошиблась, а не в том, чего ты боялся. ...я думала, что я оживлю тебя, что ты можешь еще жить для меня, – а ты уж давно умер». «...Камень ожил бы от того, что я сделала, – продолжала она томным голосом. «Убежден ли ты, что нам ничего не осталось, никакой надежды?» «Да, – сказал он, – это правда... Но, может быть... – нерешительно прибавил потом, – через год...». «Ужели ты думаешь, что через год ты устроишь бы свои дела и жизнь?» – спросила она. «...Спроси же строго у своей совести и скажи – станет ли тебя на всю жизнь? ...Если ты скажешь смело и обдуманно да, я беру назад свое решение: вот моя рука, и пойдем, куда хочешь, за границу, в деревню, даже на Выборгскую сторону!» [1, 345] «Если б ты знала, как я люблю...» «Я жду не уверений в любви, а короткого ответа», – перебила она почти сухо. «Что ж, Илья, права я или нет?» «Да, – внятно и решительно сказал он, – ты права!» «Так нам пора расстаться», – решила она. Он все не шел. «Если б ты и женился, что потом? – спросила она. Он молчал. – Ты засыпал бы с каждым днем все глубже – не правда ли? А я? Ты видишь, какая я? Я не состареюсь, не устану жить никогда. А с тобой мы стали бы жить изо дня в день, ждать Рождества, потом масленицы, ...ложились бы спать и благодарили бога, что день скоро прошел, а утром просыпались бы с желанием, чтоб сегодня походило на вчера... вот наше будущее – да? Разве это жизнь? Я захочу, умру... за что, Илья? Будешь ли ты счастлив...» Он мучительно провел глазами по потолку, хотел сойти с места, бежать – ноги не повиновались. «Ольга, – наконец сказал он, – за что ты терзаешь себя? Ты меня любишь, ты не перенесешь разлуки! Возьми меня, как я есть, люби во мне, что есть хорошего» [1, 346]. Она отрицательно покачала головой, не поднимая ее. «Нет... нет... – силилась выговорить потом, – за меня и за мое горе не бойся. Я знаю себя: я выплачу его и потом уж больше плакать не стану...». Рыдания возобновились, говорит Гончаров. «...Я узнала недавно только, что я любила в тебе то, что я хотела, чтоб было в тебе, что указал мне Штольц, что мы выдумали с ним. Я любила будущего Обломова! Ты кроток, честен, Илья; ты нежен... голубь; ты прячешь голову под крыло – и ничего не хочешь больше;... да я не такая: мне мало этого, мне нужно чего-то еще, а чего – не знаю!... А нежность... где ее нет!» У Обломова подкосились ноги; он сел в кресло и отер платком руки и лоб. Слово было жестоко; оно глубоко уязвило Обломова, говорит Гончаров. Он в ответ улыбнулся как-то жалко, болезненно-стыдливо, как нищий, которого упрекнули его наготой. Ольга вдруг увидела, сколько яду было в ее слове; она стремительно бросилась к нему. «Прости меня, мой друг! – заговорила она нежно, будто слезами. – Я не помню, что говорю: я безумная! Забудь все; будем по-прежнему; пусть все останется, как было...» ««Нет! – сказал он, вдруг встав и устранив решительным жестом ее порыв. – Не останется! Не тревожься, что сказала правду: я стою...» – прибавил он с унынием» [1, 347]. Она заплакала. «Отчего погибло все? – вдруг, подняв голову, спросила она. – Кто проклял тебя, Илья? Что ты сделал? Ты добр, умен, нежен, благороден... и... гибнешь! Что сгубило тебя? Нет имени этому злу...» «Есть, – сказал он чуть слышно. Она вопросительно, полными слез глазами взглянула на него. – Обломовщина!» — прошептал он, потом взял ее руку, хотел поцеловать, но не мог, только прижал крепко к губам, и горячие слезы закапали ей на пальцы. Не поднимая головы, не показывая

ей лица, он обернулся и пошел. Бог знает, говорит Гончаров, где он бродил, что делал целый день, но домой вернулся поздно ночью. Обломов как сел, так и остался в кресле. «Все погрузилось в сон и мрак около него» [1, 348]. Уж было за полдень, когда его разбудил скрип двери с хозяйской половины; из двери просунулась обнаженная рука с тарелкой; на тарелке дымился пирог. «Сегодня воскресенье, – говорил ласково голос, – пирог пекли; не угодно ли закусить?» «Но он не отвечал ничего: у него была горячка» [1, 349]. Год прошел со времени болезни Ильи Ильича. «Илья Ильич выздоровел» [1, 350]. Обломов, видя участие хозяйки в его делах, предложил однажды ей, в виде шутки, взять все заботы о его продовольствии на себя и избавить его от всяких хлопот. «Радость разлилась у ней по лицу;...» [1, 352] Все пошло на большую ногу; закупка сахару, чаю, провизии, – все приняло обширные размеры. Агафья Матвеевна «выросла», и жизнь закипела и потекла рекой. «Чай и кофе носила Обломову сама хозяйка, а не Захар» [1, 353]. Это как-то легло на нее само собой, говорит Гончаров, и «полюбила Обломова просто, как будто простудилась...» [1, 355] Агафья Матвеевна мало прежде видела таких людей, как Обломов, а если видела, так издали. Илья Ильич ходит не так, как ходил ее покойный муж, коллежский секретарь Пшеницын, мелкой, деловой прытью, не пишет беспрестанно бумаг, не трясется от страха, что опоздает в должность. «Белье носит тонкое, меняет его каждый день, моется душистым мылом, ногти чистит – весь он так хорош, так чист, может ничего не делать и не делает, ему делают все другие: у него есть Захар и еще триста Захаров...» [1, 356, 357] Он барин, он сияет, блещет! Притом он так добр: как мягко он ходит, делает движения, дотронется до руки – как бархат, а тронет бывало рукой муж, как ударит! И глядит он и говорит так же мягко, с такой добротой... Илья Ильич понимал, говорит Гончаров, какое значение он внес в этот уголок, но он не понимал, какую неожиданную победу он сделал над сердцем хозяйки. Его отношения к ней были гораздо проще: для него в Агафье Матвеевне, в ее вечно движущихся локтях, «во всезнании всех домашних и хозяйственных удобств воплощался идеал того необозримого, как океан, и ненарушимого покоя жизни, картина которого неизгладимо легла на его душу в детстве, под отеческой кровлей» [1, 357, 358]. Как там отец его, дед, дети, внучата и гости сидели или лежали в ленивом покое, зная, что есть в доме вечно ходящее около них и промышляющее око и непокладные руки, которые обошьют их, накормят, напойт, оденут и обуют и спать положат, так и тут Обломов, сидя и не трогаясь с дивана, видел, что движется что-то живое и проворное в его пользу и что не взойдет завтра солнце, застелют небо вихри, понесется бурный ветер из концов в концы вселенной, а суп и жаркое явятся у него на столе, а белье его будет чисто и свежо, а паутина снята со стены, и он не узнает, как это делается, не даст себе труда подумать, чего ему хочется, а оно будет угадано и принесено ему под нос, не с ленью, не с грубостью, не грязными руками Захара, а с бодрым и кротким взглядом, с улыбкой глубокой преданности, чистыми, белыми руками и с голыми локтями. Он каждый день все более и более дружил с хозяйкой, говорит Гончаров: о любви и в ум ему не приходило, то есть о той любви, которую он недавно перенес, как какую-нибудь оспу, и содрогался, когда вспоминал о ней. Он сближался с Агафьей Матвеевной – как будто подвигался к огню, от которого становится все теплее и теплее, но которого любить нельзя. Тоски, бессонных ночей, сладких и горьких слез – ничего не испытал он. «Сидит и курит и глядит, как она шьет, иногда скажет что-нибудь или ничего не скажет, а между тем покойно ему, ничего не надо, никуда не хочется, как будто все тут есть, что ему надо» [1, 358, 359]. Никаких понуканий, никаких требований не предъявляет Агафья Матвеевна. И у него не рождается никаких самолюбивых желаний, позывов, стремлений на подвиги, мучительных терзаний о том, что уходит время, что гибнут его силы, что ничего не сделал он, ни зла, ни добра, что празден он и не живет, а прозябает. Его как будто невидимая рука посадила, как драгоценное растение, в тень от жара, под кров от дождя и ухаживает за ним, лелеет. «Итак, он подвигался к ней, как к теплому огню, и

однажды подвинулся очень близко, почти до пожара, по крайней мере до вспышки» [1, 359]. С тех пор как Штольц выручил Обломовку от воровских долгов брата, как братец и Тарантьев удалились совсем, с ними удалилось и все враждебное из жизни Ильи Ильича. «Его окружали теперь такие простые, добрые, любящие лица, которые все согласились своим существованием подпереть его жизнь, помогать ему не замечать ее, не чувствовать» [1, 436]. «Сам Обломов был полным и естественным отражением и выражением того покоя, довольства и безмятежной тишины» [1, 437]. «Обломов тихо погрузился в молчание и задумчивость» [1, 442]. И слышит он, говорит Гончаров, вон залаяла собака: должно быть, гость приехал. Уж не Андрей ли приехал с отцом из Верхлёва? В самом деле, перед ним Андрей, но не мальчик, а зрелый мужчина. Обломов очнулся: перед ним наяву стоял настоящий, действительный Штольц. Хозяйка быстро схватила ребенка, стащила свою работу со стола, увела детей. Штольц и Обломов остались вдвоем, молча и неподвижно глядя друг на друга. «Ты ли это, Андрей?» – спросил Обломов. «Я, – тихо сказал Андрей. – Ты жив, здоров?» Обломов обнял его, крепко прижимаясь к нему... «Да, теперь слава богу». «А был болен?» «Да, Андрей, у меня удар был...» «Возможно ли? Боже мой! – с испугом и участием сказал Андрей. – Но без последствий?» «Да, только левой ногой не свободно владею...» – отвечал Обломов. «Ах, Илья, Илья! Что с тобой? Ведь ты опустился совсем! Что ты делал это время? Шутка ли, пятый год пошел, как мы не видались!» «Обломов вздохнул» [1, 443]. «И всё здесь, на этой квартире? – говорил Штольц, оглядывая комнату, – и не съезжал?» «Да, всё здесь... Теперь уж я и не съеду!» [1, 444] «...Завтра, послезавтра, а все-таки увидимся!» Обломов молчал, опустив голову и не смея взглянуть на Штольца. «Когда же? Меня Ольга спросит». «Ах, Андрей, – сказал он нежным, умоляющим голосом, обнимая его и кладя голову ему на плечо. – Оставь меня совсем... забудь...» «Как, навсегда?» – с изумлением спросил Штольц, устранившись от его объятий и глядя ему в лицо. «Да!» – прошептал Обломов. Штольц отступил от него на шаг. «Ты ли это, Илья? – упрекал он. – Ты отталкиваешь меня, и для нее, для этой женщины!.. Боже мой! – почти закричал он, как от внезапной боли. – Этот ребенок, что я сейчас видел... Илья, Илья! Беги отсюда, пойдем, пойдем скорее! Как ты пал! Эта женщина... что она тебе...» [1, 445,446] «Жена! – покойно произнес Обломов. Штольц окаменел. – А этот ребенок – мой сын! Его зовут Андреем, в память о тебе!» – досказал Обломов разом. Теперь Штольц изменился в лице и ворочал изумленными, почти бессмысленными глазами вокруг себя. «Погиб! – машинально, шепотом сказал он. – Что ж я скажу Ольге?» Обломов услышал последние слова, хотел что-то сказать и не мог. Он протянул к Андрею обе руки, и они обнялись молча, крепко, как обнимаются перед боем, перед смертью. Это объятие задушило их слова, слезы, чувства, говорит Гончаров. «Не забудь моего Андрея!» – были последние слова Обломова, сказанные угасшим голосом. Андрей молча, медленно вышел вон, медленно, задумчиво шел он двором и сел в карету, а Обломов сел на диван, оперся локтями на стол и закрыл лицо руками. «Нет, не забуду я твоего Андрея, – с грустью, идучи двором, думал Штольц. – Погиб ты, Илья: нечего тебе говорить, что твоя Обломовка не в глуши больше, что до нее дошла очередь, что на нее пали лучи солнца! Не скажу тебе, что года через четыре она будет станцией дороги, что мужики твои пойдут работать насыпь, а потом по чугунке покатится твой хлеб к пристани... А там... школы, грамота, а дальше... Но поведу твоего Андрея, куда ты не мог идти... и с ним будем проводить в дело наши юношеские мечты». «Прощай, старая Обломовка! – сказал он, оглянувшись в последний раз на окна маленького домика. – Ты отжила свой век!» «Что там?» – спросила Ольга с сильным биением сердца. «Ничего!» – сухо, отрывисто отвечал Андрей. «Он жив, здоров?» «Да», – нехотя отозвался Андрей. «Что ж ты так скоро воротился? Отчего не позвал меня туда и его не привел? Пусты меня!» [1, 446] «Нельзя!» «Что ж там делается? – с испугом спрашивала Ольга. – ...Скажешь ли ты мне?» Он молчал. «Да что такое там происходит?» «Обломовщина!» – мрачно отвечал Андрей и на дальнейшие расспросы

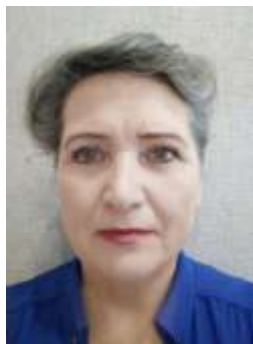
Ольги хранил до самого дома угрюмое молчание. Прошло лет пять, говорит Гончаров. Что же стало с Обломовым? Где он? Где? – На ближайшем кладбище под скромной урной покоится тело его, между кустов, в затишье. «Илья Ильич скончался, по-видимому, без боли, без мучений, как будто остановились часы, которые забыли завести» [1, 447].

Итак, ни усилия друга Обломова, ни любовь к женщине не смогли вывести Илью Ильича из состояния под названием «обломовщина».

Список литературы

1. *Гончаров И.А.* Обломов, Изд. «Художественная литература», М. 1982.

«ОБЛОМОВЩИНА» И.А. ГОНЧАРОВА. ЧАСТЬ 2 Петрова Н.И.

*Петрова Надежда Ильинична – пенсионер
г. Новосибирск*

Аннотация: *«Психическое здоровье – это состояние благополучия, в котором человек реализует свои способности, может противостоять обычным жизненным стрессам, продуктивно работать и вносить вклад в своё сообщество» [3, 44]. В статье анализируется психическое здоровье героя романа И.А. Гончарова «Обломов».*

Ключевые слова: *психическое здоровье, симптомы, лень, апатия, труд, скука, покой, мирное веселье, узор жизни, человеческое назначение.*

Специалисты Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) «выделили ряд критериев психического здоровья, отражающих индивидуальную динамическую совокупность психических свойств личности», [3, 45] в том числе:

- 1) «Способность самоуправления поведением в соответствии с социальными нормами, правилами, законами.
- 2) Способность планировать и реализовывать собственную жизнь.
- 3) Способность изменять способ поведения в зависимости от смены жизненных ситуаций и обстоятельств» [3, 46].

На основе представленных положений можно дать оценку психического состояния Обломова И.И. в сопоставлении с относительно стереотипным состоянием большинства людей и, опираясь на литературные данные автора романа «Обломов» И.А. Гончарова, выделить ряд симптомов аномального психического состояния в характере и действиях Обломова И.И.

Гончаров говорит, что в Гороховой улице, в одном из больших домов лежал утром в постели, на своей квартире, Илья Ильич Обломов. Это был человек лет тридцати двух-трех от роду, среднего роста, приятной наружности, с темно-серыми глазами, но с отсутствием всякой определенной идеи, всякой сосредоточенности в чертах лица. Мысль гуляла вольной птицей по лицу, порхала в глазах, садилась на полуотворенные губы, пряталась в складках лба, потом совсем пропадала, и тогда во всем лице теплился ровный свет беспечности. С лица беспечность переходила в позы всего тела, даже в складки шлафрока. Цвет лица у Ильи Ильича не был ни румяный, ни смуглый, ни положительно бледный, а безразличный или казался таким, может быть потому, что Обломов как-то обрюзг не по летам: от недостатка ли движения или воздуха, а может быть, того и другого. Вообще же тело его, судя по матовому, чересчур белому цвету шеи, маленьких пухлых рук, мягких плеч, казалось слишком изнеженным для мужчины. Движения его, когда он был даже встревожен, сдерживались также мягкостью и не лишенною своего рода грации ленью. «Если на лицо набегала из души туча заботы, взгляд туманился, на лбу являлись складки, начиналась игра сомнений, печали, испуга; но редко тревога эта застывала в форме определенной идеи, еще реже превращалась в намерение. Вся тревога разрешалась вздохом и замирала в апатии или в дремоте» [2, 27, 28]. Лежанье у Ильи Ильича, говорит Гончаров, не было ни необходимою, как у больного или как у человека, который хочет спать, ни случайностью, как у того, кто устал, ни наслаждением, как у лентяя: это было его нормальным состоянием. Когда он был дома – а он был почти всегда дома, – он все лежал, и все постоянно в одной комнате, служившей ему спальней, кабинетом и приемной. У него было еще три комнаты, но он редко туда заглядывал...» [2, 28]. Гончаров говорит, что Илья Ильич проснулся, против обыкновения, очень рано, часов в восемь. Он чем-то сильно озабочен. На лице у него попеременно выступал не то страх, не то тоска и досада. Видно было, что его одолевала внутренняя борьба, а ум еще не являлся на помощь. Дело в том, что Обломов накануне получил из деревни, от своего старосты, письмо неприятного содержания. Известно, о каких неприятностях может писать староста: неурожай, недоимки, уменьшение дохода и т.п. Хотя староста и в прошлом, и в третьем году писал к своему барину точно такие же письма, но и это последнее письмо подействовало так же сильно, как всякий неприятный сюрприз. «Легко ли? Предстояло думать о средствах к принятию каких-нибудь мер» [2, 29]. Впрочем, надо отдать справедливость заботливости Ильи Ильича о своих делах. Он по первому неприятному письму старосты, полученному несколько лет назад, уже стал создавать в уме план разных перемен и улучшений в порядке управления своим имением. По этому плану предполагалось ввести разные новые экономические, полицейские и другие меры. Но план был еще далеко не весь обдуман, а неприятные письма старосты ежегодно повторялись, побуждали его к деятельности и, следовательно, нарушали покой. «Обломов сознавал необходимость до окончания плана предпринять что-нибудь решительное» [2, 30]. Гончаров говорит, что Обломов стал думать. Но он был в затруднении, о чем думать: о письме ли старосты, о переезде ли на новую квартиру, приняться ли сводить счеты? Он терялся в приливе житейских забот и все лежал, ворочаясь с боку на бок. Неизвестно, долго ли бы еще пробыл он в этой нерешительности, но в передней раздался звонок. «Уж кто-то и пришел! – сказал Обломов, кутаясь в халат. – А я еще не вставал – срам да и только! Кто бы это так рано?» «И он, лежа, с любопытством глядел на двери» [2, 37]. Вошел человек неопределенных лет, с неопределенной физиономией, в такой поре, когда трудно бывает угадать лета» [2, 48]. «А! – встретил его Обломов. – Это вы, Алексеев? Здравствуйте. Откуда? Не подходите, не подходите: я вам не дам руки: вы с холода!» «Что вы, какой холод! Я не думал к вам сегодня, – сказал Алексеев, – да Овчинин встретился и увез к себе. Я за вами, Илья Ильич». «Куда это?» «Да к Овчинину-то, поедете.... Овчинин зовет вас обедать». «Гм! Обедать...» – повторил Обломов монотонно. «А потом все в Екатеринбург отправляются: они велели сказать, чтоб вы

коляску наняли». «А что там делать?» «Как же! Нынче там гулянье. Разве не знаете: сегодня первое мая?» «Посидите; мы подумаем...» – сказал Обломов. «Вставайте же! Пора одеваться». «Погодите немного: ведь рано». «Что за рано! Они просили в двенадцать часов; отобедаем пораньше, часа в два, да и на гулянье. Едемте же скорей! Велеть вам одеваться давать?» [2, 50,51] «Куда одеваться? Я еще не умылся». «Так умывайтесь». Так прошло минут десять. «Что ж вы?» – вдруг спросил Алексеев Илью Ильича. «Что?» «Да все лежите?» «А разве надо вставать?» «Как же! Нас дожидаются. Вы хотели ехать». «Куда это ехать? Я не хотел ехать никуда...» «Вот, Илья Ильич, сейчас ведь говорили, что едем обедать к Овчинину, а потом в Екатерингоф...» «Это я по сырости поеду! И чего я там не видал? Вон дождь собирается, пасмурно на дворе», – лениво говорил Обломов. «На небе ни облачка, а вы выдумали дождь. Пасмурно оттого, что у вас окошки-то с которых пор не мыты?» [2, 51]. Долго молчали оба. Наконец Обломов очнулся первый. «Вот тут что надо делать! – сказал он решительно и чуть было не встал с постели, – и делать как можно скорее, мешкать нечего... Вопервых...» В это время, говорит Гончаров, раздался отчаянный звонок в передней, так что Обломов с Алексеевым вздрогнули, а Захар мгновенно спрыгнул с лежанки. Вошел человек лет сорока. «Это был Михай Андреевич Тарантьев, земляк Обломова» [2, 55]. Гончаров говорит, что в комнату, где царствовал сон и покой, Тарантьев приносил жизнь, движение, а иногда и вести извне. Обломов мог слушать, смотреть, не шевеля пальцем, на что-то бойкое, движущееся и говорящее перед ним. Посещения Алексеева Обломов терпел по другой, не менее важной причине. Если Обломову наскучивало быть одному, и он чувствовал потребность выразиться, говорить, читать, рассуждать, проявить волнение, – тут был всегда покорный и готовый слушатель и участник, разделявший одинаково согласно и его молчание, и его разговор, и волнение, и образ мыслей, каков бы он ни был. Другие гости заходили не часто, на минуту, «...с ними со всеми все более и более порывались живые связи» [2, 58]. Обломов иногда интересовался какою-нибудь новостью, пятиминутным разговором, потом, удовлетворенный этим, молчал. Им надо было платить взаимностью, принимать участие в том, что их интересовало, говорит Гончаров. Они купались в людской толпе; всякий понимал жизнь по-своему, как не хотел понимать ее Обломов, а они пугали в нее и его: все это не нравилось ему, отталкивало его, было ему не по душе. Был ему по сердцу один человек: тот тоже не давал ему покоя; он любил и новости, и свет, и науку, и всю жизнь, но как-то глубже, искреннее – и Обломов хотя был ласков со всеми, но любил искренне его одного, верил ему одному, может быть потому, что рос, учился и жил с ним вместе. Это Андрей Иванович Штольц. Он был в отлучке, но Обломов ждал его с часу на час. «Здравствуй, земляк, – отрывисто сказал Тарантьев, протягивая мохнатую руку к Обломову. – Чего ты это лежишь по сю пору, как колода?» «Не подходи, не подходи: ты с холода!» – говорил Обломов, прикрываясь одеялом. «Вот еще что выдумал, с холода! – заголосил Тарантьев. – Ну, ну, бери руку, коли дают! Скоро двенадцать часов, а он валяется!» Обломов сказал: «Давай, Захар, что нужно!» [2, 59]. Обломов, облокотясь на него, нехотя, как очень утомленный человек, привстал с постели и, нехотя же перейдя на большое кресло, опустился в него и остался неподвижен, как сел. «Захар взял со столика помаду, гребенку и щетки, напомадил ему голову, сделал пробор и потом причесал его щеткой» [2, 60]. Тарантьев вышел.

Гончаров говорит, что Алексеев попрощался: «...А я пойду пока скажу, чтоб нас не ждали в Екатерингоф. Прощайте, Илья Ильич». Но Илья Ильич не слушал его: он, подобрав ноги под себя, почти улегся в кресло и, «подгорюнившись», погрузился не то в дремоту, не то в задумчивость. «Обломов, дворянин родом, коллежский секретарь чином, безвыездно живет двенадцатый год в Петербурге» [2, 70]. Сначала, когда еще он был молод, если нельзя сказать, чтоб он был жив, говорит Гончаров, то, по крайней мере, живет, чем теперь; еще он был полон разных стремлений, все чего-то надеялся, ждал многого и от судьбы, и от самого себя; все готовился к поприщу, к

роли – прежде всего, разумеется, в службе, что и было целью его приезда в Петербург. Потом он думал и о роли в обществе; наконец, в отдаленной перспективе, на повороте с юности к зрелым летам, воображению его мелькало и улыбалось семейное счастье. Но дни шли за днями, годы сменялись годами, «стукнуло» тридцать лет, а он ни на шаг не подвинулся ни на каком поприще и все еще стоял у порога своей арены, там же, где был десять лет назад. Но он все собирался и готовился начать жизнь, все рисовал в уме узор своей будущности; но с каждым мелькавшим над головой его годом должен был что-нибудь изменять и отбрасывать в этом узоре. «Жизнь в его глазах разделялась на две половины: одна состояла из труда и скуки – это у него были синонимы; другая – из покоя и мирного веселья» [2, 71]. Гончаров говорит, что Обломов прослужил кое-как года два; может быть, он дотянул бы и третий, до получения чина, но он «не вынес» и подал в отставку. Так кончилась – и потом уже не возобновлялась – его государственная деятельность. «Роль в обществе удалась было ему лучше» [2, 73]. В первые годы пребывания в Петербурге на долю Ильи Ильича выпало немало мягких, бархатных, даже страстных взглядов из толпы красавиц, пропасть многообещающих улыбок. Впрочем, говорит Гончаров, он никогда не отдавался в плен красавицам, никогда не был их рабом, даже очень прилежным поклонником, уже и потому, что к сближению с женщинами ведут большие хлопоты. Обломов больше ограничивался поклонением издали, на почтительном расстоянии. От этого его любовные интриги не разыгрывались в романы: они останавливались в самом начале и своею невинностью, простотой и чистотой не уступали повестям любви какой-нибудь «пансионерки на возрасте». Душа его была еще чиста и девственна; она, может быть, ждала своей любви, своей поры, своей патетической страсти, а потом, с годами, кажется, перестала ждать и отчаялась. «Его почти ничто не влекло из дома, и он с каждым днем все крепче и постоянное водворялся в своей квартире» [2, 74]. Вычитал он где-то, что только утренние испарения полезны, а вечерние вредны, и стал бояться сырости. Несмотря на все эти причуды, другу его, Штольцу, удавалось вытаскивать его в люди; но Штолец часто отлучался из Петербурга в Москву, в Нижний, в Крым, – и без него Обломов опять ввергался весь «по уши» в свое одиночество и уединение. Ко всему этому, говорит Гончаров, с годами возвратилась какая-то ребяческая робость, ожидание опасности и зла от всего, что не встречалось в сфере его ежедневного быта, – следствие отвычки от разнообразных внешних явлений. Он не привык к движению, к жизни, к многолюдству и суете. В тесной толпе ему было душно; в лодку он садился с неверною надеждою добраться благополучно до другого берега, в карете ехал, ожидая, что лошади понесут и разобьют. Не то на него напал нервический страх: он пугался окружающей его тишины или просто и сам не знал, чего – у него побегут мурашки по телу. Он иногда боязливо косится на темный угол, ожидая, что воображение сыграет с ним штуку и покажет сверхъестественное явление. Так разыгралась роль его в обществе. Лениво махнул он рукой на все юношеские, обманувшие его или обманутые им надежды, все нежно-грустные, светлые воспоминания. Что ж он делал дома? Читал? Писал? Учился? Да: если попадется под руки книга, газета, он ее прочтет, говорит Гончаров. «Услышит о каком-нибудь замечательном произведении, – у него явится позыв познакомиться с ним; он ищет, просит книги, и, если принесут скоро, он примется за нее, у него начнет формироваться идея о предмете; еще шаг – и он овладел бы им, а посмотришь, он уже лежит, глядя апатически в потолок, и книга лежит подле него недочитанная, непонятая» [2, 75,76]. Между тем он учился, как и другие, как все, то есть до пятнадцати лет, в пансионе; потом старики Обломовы, после долгой борьбы, решились послать Илюшу в Москву, где он волей-неволей проследил курс наук до конца. «Робкий, апатический характер мешал ему обнаруживать вполне свою лень и капризы в чужих людях, в школе, где не делали исключений в пользу балованных сынков» [2, 76]. Что ж он делал? Да все продолжал чертить узор собственной жизни.

В ней он, не без основания, находил столько премудрости и поэзии, что и не исчерпаешь никогда без книг и учености. Изменив службе и обществу, он начал иначе решать задачу существования, вдумываясь в свое назначение и наконец открыл, что горизонт его деятельности и житья-бытья кроется в нем самом. Он понял, что ему досталось в удел семейное счастье и заботы об имении. До тех пор он и не знал порядочно своих дел: за него заботился иногда Штольц. Не ведал он хорошенько ни дохода, ни расхода своего, не составлял никогда бюджета – ничего. Старик Обломов как принял имение от отца, так передал его и сыну. «Как и чем засеивались поля при дедушке, какие были пути сбыта полевых продуктов тогда, такие остались и при нем» [2, 78]. Со времени смерти стариков хозяйственные дела в деревне не только не улучшились, но, как видно из письма старосты, становились хуже. Ясно, что Илье Ильичу надо было самому съездить туда и на месте разыскать причину постепенного уменьшения доходов. Он и «сбирался» сделать это, но все откладывал, отчасти и потому, что поездка была для него подвигом, почти новым и неизвестным. Потом, говорит Гончаров, Илья Ильич откладывал свою поездку еще и оттого, что не приготовился как следует заняться своими делами. Он уж был не в отца и не в деда. Он учился, жил в свете: все это наводило его на разные чуждые им соображения. Он понимал, что приобретение не только не грех, но что долг всякого гражданина честными трудами поддерживать общее благосостояние. От этого большую часть узора жизни, который он чертил в своем уединении, занимал новый, свежий, сообразный с потребностями времени план устройства имения и управления крестьянами. Основная идея плана, расположение, главные части – все давно готово у него в голове, говорит Гончаров; остались только подробности, сметы и цифры. Он несколько лет неутомимо работает над планом, думает, размышляет и «ходя», и лежа, и в людях; то дополняет, то изменяет разные статьи, то возобновляет в памяти придуманное вчера и забытое ночью; а иногда вдруг, как молния, сверкнет новая, неожиданная мысль и закипит в голове – и пойдет работа. «Он не какой-нибудь мелкий исполнитель чужой, готовой мысли, он сам творец и сам исполнитель своих идей» [2, 79]. Он как встанет утром с постели, говорит Гончаров, после чая ляжет тотчас на диван, подопрет голову рукой и обдумывает, не щадя сил, до тех пор, пока, наконец, голова утомится от тяжелой работы и когда совесть скажет: довольно сделано сегодня для общего блага. Тогда только решается он отдохнуть от трудов и переменить заботливую позу на другую, менее деловую и строгую, более удобную для мечтаний и неги. Освободясь от деловых забот, Обломов любил уходить в себя и жить в созданном им мире. Ему доступны были наслаждения высоких помыслов; он не чужд был всеобщих человеческих скорбей. Он горько в глубине души плакал в иную пору над бедствиями человечества, испытывал безвестные, безыменные страдания, и тоску, и стремление куда-то вдаль, туда, вероятно, в тот мир, куда увлекал его бывало Штольц, говорит Гончаров. Сладкие слезы потекут по щекам его... Случается и то, что он исполнится презрением к людскому пороку, ко лжи, к клевете, к разлитому в мире злу и разгорится желанием указать человеку на его язвы, и вдруг загораются в нем мысли, ходят и гуляют в голове, как волны в море, потом вырастают в намерения, зажгут всю кровь в нем, задвигаются мускулы его, напрягутся жилы, намерения преобразуются в стремления: он, говорит Гончаров, движимый нравственною силою, в одну минуту быстро изменит две-три позы, с блистающими глазами привстанет до половины на постели, протянет руку и вдохновенно озирается кругом... Вот-вот стремление осуществится, обратится в подвиг... и тогда, господи! Каких чудес, каких благих последствий могли бы ожидать от такого высокого усилия!.. Но, смотришь, говорит Гончаров, промелькнет утро, день уже клонится к вечеру, а с ним клонятся к покою и утомленные силы Обломова: бури и волнения смиряются в душе, голова отрезвляется от дум, кровь медленнее пробирается по жилам. Обломов тихо, задумчиво переворачивается на спину и, устремив печальный взгляд в окно, к небу, с грустью провожает глазами солнце,

великолепно садящееся за чей-то четырехэтажный дом. И сколько, сколько раз он провожал так солнечный закат! «Наутро опять жизнь, опять волнения, мечты!» [2, 80]. В горькие минуты он страдает от забот, «перевертывается» с боку на бок, ляжет лицом вниз, иногда даже совсем «потеряется»; тогда он встанет с постели на колени и начнет молиться жарко, усердно, умоляя небо отвести как-нибудь угрожающую бурю. Потом, сдав попечение о своей участи небесам, делается покоен и равнодушен ко всему на свете, а буря там как себе хочет. Так пускал он в ход свои нравственные силы, говорит Гончаров, так волновался часто по целым дням, и только тогда разве очнется с глубоким вздохом от обаятельной мечты или от мучительной заботы, когда день склонится к вечеру и солнце огромным шаром станет великолепно опускаться за четырехэтажный дом. «Тогда он опять проводит его задумчивым взглядом и печальной улыбкой и мирно опочивает от волнений» [2, 81].

Гончаров говорит, что Илья Ильич сидел на стуле. Сзади его послышался робкий зов: «Илья Ильич!» «Ну?» – откликнулся он. «А что ж управляющему-то сказать?» «О чем?» «А насчет того, чтоб переехать?» «Ты опять об этом? – с изумлением спросил Обломов.... – Я запретил тебе заикаться о переезде, а ты, не проходит дня, чтоб пять раз не напомнил мне: ведь это расстроивает меня – пойми ты. И так здоровье мое никуда не годится» [2, 97]. «...Я думал, что другие, мол, не хуже нас, да переезжают, так и нам можно...» – сказал Захар. «Что? Что? – вдруг с изумлением спросил Илья Ильич, приподнимаясь с кресел. – Что ты сказал?» Захар вдруг смутился, не зная, чем он мог подать барину повод к патетическому восклицанию и жесту. Он молчал. «Другие не хуже! – с ужасом повторил Илья Ильич. – Вот ты до чего договорился! Я теперь буду знать, что я для тебя все равно, что «другой!»» «Обломов поклонился иронически Захару и сделал в высшей степени оскорбленное лицо» [2, 99]. «Захар!» – с чувством повторил Илья Ильич. «Чего изволите?» – едва слышно прошептал Захар и чуть-чуть вздрогнул, предчувствуя патетическую речь. «Дай мне квасу!» – сказал Илья Ильич. У Захара отлегло от сердца. «...Чувствуешь ли ты свой проступок?» – спросил Илья Ильич. «Что это за «проступок» за такой? – думал Захар с горестью, – что-нибудь жалкое; ведь нехотя заплачешь, как он станет этак-то пропекать». «Что ж, Илья Ильич, – начал Захар с самой низкой ноты своего диапазона, – я ничего не сказал, кроме того, что, мол...» «Нет, ты погоди! – перебил Обломов. – Ты понимаешь ли, что ты сделал? На вот, поставь стакан на стол и отвечай!» Захар ничего не отвечал и решительно не понимал, что он сделал, но это не помешало ему с благоговением посмотреть на барина; он даже понурил немного голову, сознавая свою вину. ««Как же ты не ядовитый человек?» – говорил Обломов» [2, 101]. Захар все молчал, только крупно мигнул раза три. «Ты огорчил барина!» – с расстановкой произнес Илья Ильич и пристально смотрел на Захара, наслаждаясь его смущением. Захар не знал, куда деваться от тоски. «Ведь огорчил?» – спросил Илья Ильич. «Огорчил! – шептал, растерявшись совсем, Захар от этого нового «жалкого» слова.... – Чем же я огорчил вас, Илья Ильич?» – почти плача сказал он. «Чем? – повторил Обломов. – Да ты подумал ли, что такое *другой*?» Он остановился, продолжая глядеть на Захара. «Другой есть такой человек, который сам себе сапоги чистит, одевается сам, хоть иногда и барином смотрит, да врет, он и не знает, что такое прислуга; послать некого – сам сбегает за чем нужно; и дрова в печке сам помешает, иногда и пыль оботрет...» [2, 102]. «... А я? Ну-ка, реши: как ты думаешь, «другой» я – а?» «Да полно вам, батюшка, томить-то меня жалкими словами! – умолял Захар. – Ах ты, господи!» «Я «другой»! Да разве я мечусь, разве работаю? Мало ем, что ли? Худощав или жалок на вид? Разве недостает мне чего-нибудь? Кажется, подать, сделать – есть кому! Я ни разу не натянул себе чулок на ноги, как живу, слава богу! Стану ли я беспокоиться? Из чего мне? И кому я это говорю?... Я спрашиваю тебя: как ты мог так горько оскорбить барина, которого ты ребенком носил на руках, которому век служишь и который благодетельствует тебе?» Захар не выдержал: слово «благодетельствует» доконало его, говорит Гончаров. Он начал мигать чаще и чаще.

«Виноват, Илья Ильич, – начал он сипеть с раскаянием, – это я по глупости, право по глупости...» [2, 103]. ««А я, – продолжал Обломов голосом оскорбленного и не оцененного по достоинству человека, – еще забочусь день и ночь, тружусь, иногда голова горит, сердце замирает, по ночам не спишь, ворочаешься, все думаешь, как бы лучше... а о ком? Для кого? Все для вас, для крестьян; стало быть, и для тебя. Ты, может быть, думаешь, глядя, как я иногда покроюсь совсем одеялом с головой, что я лежу как пень да сплю; нет, не сплю я, а думаю все крепкую думу, чтоб крестьяне не потерпели ни в чем нужды, чтоб не позавидовали чужим, чтоб не плакались на меня господу богу на Страшном суде, а молились бы да поминали меня добром. Неблагодарные!» – с горьким упреком заключил Обломов» [2, 103, 104]. «Да как это язык поворотился у тебя? – продолжал Илья Ильич. – А я еще в плане моем определил ему особый дом, огород, отсыпной хлеб, назначил жалованье! Ты у меня и управляющий, и мажордом, и поверенный по делам! Мужики тебе в пояс; все тебе: Захар Трофимыч да Захар Трофимыч! А он все еще недоволен, в «другие» пожаловал! Вот и награда! Славно барина честит!» Захар продолжал всхлипывать, и Илья Ильич был сам растроган. Увещевая Захара, говорит Гончаров, он глубоко проникся в эту минуту сознанием благодеяний, оказанных им крестьянам, и последние упреки досказал дрожащим голосом, со слезами на глазах. «Ну, теперь иди с богом! – сказал он примирительным тоном Захару. – Да постой, дай еще квасу! В горле совсем пересохло: сам бы догадался – слышишь, барин хрипит? До чего довел!» «Надеюсь, что ты понял свой проступок, – говорил Илья Ильич, когда Захар принес квасу, – и вперед не станешь сравнивать барина с другими. Чтоб загладить свою вину, ты как-нибудь уладь с хозяином, чтоб мне не переезжать. Вот как ты бережешь покой барина: расстроил совсем и лишил меня какой-нибудь новой, полезной мысли. А у кого отнял? У себя же; для вас я посвятил всего себя, для вас вышел в отставку, сижу взаперти... Ну, да бог с тобой!... Ну, а теперь прилягу немного: измучился совсем; ...может быть, я с часик и усну; а в половине пятого разбуди» [2, 104, 105].

Гончаров говорит, что Илья Ильич лег на спину, но не вдруг заснул. Он думал, думал, волновался, волновался... «Два несчастья вдруг! – говорил он, «завертываясь» в одеяло совсем с головой. – Прошу устоять!» Но в самом-то деле эти два «несчастья», то есть зловещее письмо старосты и переезд на новую квартиру, «переставали тревожить Обломова и поступали уже только в ряд беспокойных воспоминаний» [2, 105]. Уже легкое, приятное онемение пробежало по членам его и начало чуть-чуть туманить сном его чувства, еще минута – и сознание улетело бы бог весть куда, но вдруг Илья Ильич очнулся и открыл глаза. «А ведь я не умылся! Как же это? Да и ничего не сделал, – прошептал он. – Хотел изложить план на бумагу и не изложил, к исправнику не написал, к губернатору тоже, к домовому хозяину начал письмо и не кончил, счетов не поверил и денег не выдал – утро так и пропало!» Он задумался... «Что же это такое? А *другой* бы все это сделал? – мелькнуло у него в голове. – Другой, другой... Что же это такое *другой*?» Он углубился в сравнение себя с «другим». Он начал думать, думать, говорит Гончаров: и теперь у него формировалась идея, совсем противоположная той, которую он дал Захару о «другом». Он должен был признать, что другой успел бы написать все письма, другой и переехал бы на новую квартиру, и план исполнил бы, и в деревню съездил бы... «Ведь и я бы мог все это... – думалось ему, – ведь я умею, кажется, и писать; писывал бывало не то, что письма, а помудреннее этого! Куда же все это делось? И переехать что за штука? Стоит захотеть!... А я! я... не «другой!» – уже с грустью сказал он и впал в глубокую думу. Он даже высвободил голову из-под одеяла. Настала одна из ясных, сознательных минут в жизни Обломова, говорит Гончаров. Как страшно стало ему, когда вдруг в душе его возникло живое и ясное представление «о человеческой судьбе и назначении, и когда мелькнула параллель между этим назначением и собственной его жизнью...» [2, 106]. Ему грустно и больно стало за свою неразвитость, остановку в росте нравственных сил, за тяжесть, мешающую всему; и

зависть грызла его, что другие так полно и широко живут, а у него как будто тяжелый камень брошен на узкой и жалкой тропе его существования. В робкой душе его «вырабатывалось» мучительное сознание, что многие стороны его натуры не пробуждались совсем, другие были чуть-чуть тронуты, и ни одна не разработана до конца. А между тем он болезненно чувствовал, что в нем зарыто, как в могиле, какое-то хорошее, светлое начало, может быть теперь уже умершее, или лежит оно, как золото в недрах горы, и давно бы пора этому золоту быть хотящей монетой. Но глубоко и тяжело завален клад дрянью, наносным сором. Что-то помешало ему ринуться на попрание жизни и лететь по нему на всех парусах ума и воли. Какой-то тайный враг наложил на него тяжелую руку в начале пути и далеко отбросил от прямого человеческого назначения... И уж не выбраться ему, кажется, из глуши и дичи на прямую тропинку, тропинка зарастает более и более; светлое сознание просыпается все реже и только на мгновение будит спящие силы. Ум и воля давно парализованы и, кажется, безвозвратно. Горько становилось ему от этой тайной исповеди перед самим собою, говорит Гончаров. Бесплодные сожаления о минувшем, жгучие упреки совести язвили его, как иглы, и он всеми силами старался свергнуть с себя бремя этих упреков, найти виноватого вне себя и на него обратиться жало их. Но на кого? «Это все... Захар!» – прошептал он. «Он вздыхал, проклинал себя, ворочался с боку на бок, искал виноватого и не находил» [2, 107, 108]. «Отчего же это я такой? – почти со слезами спросил себя Обломов и спрятал опять голову под одеяло, – право?» Поискав бесполезно враждебного начала, мешающего ему жить как следует, как живут «другие», он вздохнул, закрыл глаза, и чрез несколько минут дремота опять начала понемногу оковывать его чувства. «И я бы тоже... хотел... – говорил он, мигая с трудом, – что-нибудь такое... Разве природа уж так обидела меня... Да нет, слава богу... жаловаться нельзя...». За этим послышался примирительный вздох. Он переходил от волнения к нормальному своему состоянию, спокойствию и апатии. «Сон остановил медленный и ленивый поток его мыслей и мгновенно перенес его в другую эпоху, к другим людям, в другое место...» [2, 108].

Илья Ильич, говорит Гончаров, проснулся утром в своей маленькой постельке. Ему только семь лет. Ему легко, весело. Обломов, увидел давно умершую мать, мать осыпала его страстными поцелуями, потом осмотрела его жадными, заботливыми глазами, не мутны ли глазки, спросила, не болит ли что-нибудь? Потом взяла его за руку и подвела его к образу. «Потом шли к отцу, потом к чаю» [2, 115]. Весь штат и свита дома Обломовых подхватили Илью Ильича и начали осыпать его ласками и похвалами; он едва успевал утирать следы непрошенных поцелуев. «После того начиналось кормление его булочками, сухариками, сливочками» [2, 116]. Детский ум его наблюдает все совершающиеся перед ним явления, говорит Гончаров. Ни одна мелочь, ни одна черта не ускользает от пытливого внимания ребенка; неизгладимо врезывается в душу картина домашнего быта; напитывается мягкий ум живыми примерами и бессознательно чертит программу своей жизни по жизни, его окружающей. Нельзя сказать, чтоб утро пропадало даром в доме Обломовых. «Стук ножей, рубивших котлеты и зелень в кухне, долетал даже до деревни» [2, 117]. Но главною заботою была кухня и обед, говорит Гончаров. Забота о пище была первая и главная жизненная забота в Обломовке. А ребенок все смотрел и все наблюдал своим детским, ничего не пропускающим умом. Он видел, как после полезно и хлопотливо проведенного утра наставал полдень и обед. Потом наступил «час всеобщего послеобеденного сна» [2, 119]. Ребенок видит, что и отец, и мать, и старая тетка, и свита – все разбрелись по своим углам. Это был какой-то всепоглощающий, ничем непобедимый сон, истинное подобие смерти. «Все мертво, только из всех углов несется разнообразное храпенье на все тоны и лады» [2, 120]. Между тем жара начала понемногу спадать. «Начали собираться к чаю...» [2, 121]. Но вот начинается смеркаться. «На кухне опять трещит огонь, опять раздается дробный стук ножей: готовится ужин» [2, 122]. Может быть, Илюша, говорит Гончаров, уж давно замечает

и понимает, что говорят и делают при нем: как батюшка его, в плисовых панталонах, в коричневой суконной ваточной куртке, день-деньской только и знает, что ходит из угла в угол, заложив руки назад, нюхает табак и сморкается, а матушка переходит от кофе к чаю, от чая к обеду; что родитель и не вздумает никогда «поверить», сколько копен скошено или сжато, и взыскать за упущение, а подай-ка ему не скоро носовой платок, он накричит о беспорядках и поставит вверх дном весь дом. Может быть, детский ум его давно решил, что так, а не иначе следует жить, как живут около него взрослые. «Да и как иначе прикажете решить ему?» [2, 128]. Видит Илья Ильич во сне не один, не два такие вечера, но целые недели, месяцы и годы так проводимых дней и вечеров. Ничто не нарушало однообразия этой жизни, и сами обломовцы не тяготились ею, потому что и не представляли себе другого житья-бытья. «Они продолжали целые десятки лет сопеть, дремать и зевать или заливаться добродушным смехом от деревенского юмора, или, собираясь в кружок, рассказывали, что кто видел ночью во сне» [2, 138].

А бедный Илюша, говорит Гончаров, ездит да ездит учиться к Штольцу. Как только он проснется в понедельник, на него уж нападает тоска. Он слышит резкий голос Васьки, который кричит с крыльца: «Антипка! Закладывай пегую: барчонка к немцу вези!» Сердце дрогнет у него. Он печальный приходит к матери. «Та знает отчего и начинает золотить пилюлю, втайне вздыхая сама о разлуке с ним на целую неделю» [2, 142]. Впрочем, Илье Ильичу снятся больше такие понедельники, когда мать встречает его за чаем с улыбкой и с приятною новостью: «Сегодня не поедешь; в четверг большой праздник: стоит ли ездить взад и вперед на три дня?» И недели три Илюша гостит дома, а там, смотришь, до Страстной недели уж недалеко, а там и праздник. Так Илья Ильич и отгуляется в полгода, и как вырастет он в это время! «Как потолстеет! Как спит славно!» [2, 143]. И нежные родители, говорит Гончаров, продолжали приискивать предлоги удерживать сына дома. За предлогами, и кроме праздников, дело не ставало. Зимой казалось им холодно, летом по жаре тоже не годится ехать, «а иногда и дождь пойдет, осенью слякоть мешает» [2, 144]. Захочет ли чего-нибудь Илья Ильич, ему стоит только мигнуть – уж трое-четверо слуг кидаются исполнять его желание. «Подчас нежная заботливость родителей и надоедала ему» [2, 145]. Побежит ли он с лестницы или по двору, вдруг вслед ему раздастся в десять отчаянных голосов: «Ах, ах! Поддержите, остановите! Упадет, расшибется... стой, стой!» И Илюша с печалью оставался дома, лелеемый, как экзотический цветок в теплице, и так же, как последний под стеклом, он рос медленно и вяло. «Ищущие проявления силы обращались внутрь и ники, увядая» [2, 146].

Гончаров говорит, что Обломову, среди ленивого лежания в ленивых позах, среди тупой дремоты и среди вдохновенных порывов, на первом плане всегда грезилась женщина как жена и иногда – как любовница. «Грезилась ему на губах ее улыбка, не страстная, глаза, не влажные от желаний, а улыбка, симпатичная к нему, к мужу, и снисходительная ко всем другим; взгляд, благосклонный только к нему и стыдливый, даже строгий, к другим» [2, 200, 201]. Он никогда не хотел видеть трепета в ней, слышать горячей мечты, внезапных слез, томления, изнеможения и потом бешеного перехода к радости. Не надо ни луны, ни грусти. Она не должна внезапно бледнеть, падать в обморок, испытывать потрясающие взрывы... «У таких женщин любовники есть, – говорил он, – да и хлопот много: доктора, воды и пропасть разных причуд. Уснуть нельзя покойно!» А подле гордо-стыдливой, покойной подруги спит беззаботно человек. Он засыпает с уверенностью, проснувшись, встретит тот же кроткий, симпатичный взгляд. «И чрез двадцать, тридцать лет на свой теплый взгляд он встретил бы в глазах ее тот же кроткий, тихо мерцающий луч симпатии. И так до гробовой доски!» [2, 201].

Гончаров говорит, что Обломов содрогнулся при мысли ехать к Ольге: как можно! Он живо представил себе, как на него все станут смотреть значительно. «Жених, жених!» – написано у всех на лбу, а он еще не просил согласия тетки, у него ни гроша денег нет, и он

не знает, когда будут, не знает даже, сколько он получит дохода с деревни в нынешнем году; дома в деревне нет – хорош жених! «Он решил, что до получения положительных известий из деревни он будет видеться с Ольгой только в воскресенье, при свидетелях» [2, 316]. Волнение Ильи Ильича немного успокоилось, «и на него нашла только тупая задумчивость, в которой он пробыл почти до обеда» [2, 317].

Год прошел со времени болезни Ильи Ильича. «Илья Ильич выздоровел» [2, 350]. Мир и тишина покоятся над Выборгской стороной. «Все тихо в доме Пшеницыной» [2, 433]. Он целые дни, лежа у себя на диване, любовался, как обнаженные локти Агафьи Матвеевны двигались взад и вперед, вслед за иглой и ниткой. Кофе подавался ему так же тщательно, чисто и вкусно, как вначале, когда он, несколько лет назад, переехал на эту квартиру. «Суп с потрохами, макароны с пармезаном, кулебяка, ботвинья, свои цыплята – все это сменялось в строгой очереди одно другим и приятно разнообразило монотонные дни маленького домика» [2, 435]. Сам Обломов был полным и естественным отражением и выражением того покоя, довольства и безмятежной тишины. Вглядываясь, вдумываясь в свой быт и все более и более обживаясь в нем, он, наконец, решил, говорит Гончаров, что ему куда больше идти, нечего искать, что идеал его жизни осуществился, хотя без поэзии, без тех лучей, которыми некогда воображение рисовало ему барское, широкое и беспечное течение жизни в родной деревне, среди крестьян, дворни. Он смотрел на настоящий свой быт, как продолжение того же обломовского существования, только с другим колоритом местности и, отчасти, времени. Он торжествовал внутренне, что ушел от докучливых, мучительных требований и гроз жизни, из-под того горизонта, под которым блещут молнии великих радостей и раздаются внезапные удары великих скорбей, где играют ложные надежды и великолепные призраки счастья, где гложет и сдает человека собственная мысль и убивает страсть, где падает и торжествует ум, где сражается в непрестанной битве человек и уходит с поля битвы истерзанный и все недовольный и «ненасытимый». Он, не испытав наслаждений, добываемых в борьбе, говорит Гончаров, мысленно отказался от них и чувствовал покой в душе только в забытом уголке, чуждом движения, борьбы и жизни. А если закипит еще у него воображение, восстанут забытые воспоминания, неисполненные мечты, если в совести зашевелится упреки за прожитую так, а не иначе жизнь – он спит непокойно, просыпается, вскакивает с постели, иногда плачет холодными слезами безнадежности по светлом, навсегда угаснувшем идеале жизни. Потом он взглянет на окружающее его, вкусит временных благ и успокоится, задумчиво глядя, как тихо и покойно утопает в пожаре зари вечернее солнце, наконец, решит, что жизнь его не только сложилась, но и создана, даже предназначена была так просто, немудрено, чтоб выразить возможность идеально покойной стороны человеческого бытия. «Другим, думал он, выпадало на долю выражать ее тревожные стороны, двигать создающими и разрушающими силами: у всякого свое назначение!» [2, 437]. И родился и воспитан он был не как гладиатор для арены, а как мирный зритель боя; не вынести бы его робкой и ленивой душе ни тревог счастья, ни ударов жизни – следовательно, он выразил собою один ее край, и добиваться, менять в ней что-нибудь или каяться – нечего. С годами волнения и раскаяние являлись реже, говорит Гончаров, и он тихо и постепенно укладывался в простой и широкий гроб остального своего существования, сделанный собственными руками, как старцы пустынные, которые, отворотясь от жизни, копают себе могилу. Он уж перестал мечтать об устройстве имения и о поездке туда всем домом. Поставленный Штольцем управляющий аккуратно присылал ему весьма порядочный доход к Рождеству, мужики привозили хлеба и живности, и дом процветал обилием и весельем. Илья Ильич завел даже пару лошадей. На масленице и на Святой вся семья и сам Илья Ильич ездили на гулянье кататься и в балаганы; брали изредка ложу и посещали, также всем домом, театр. Летом отправлялись за город, в ильинскую пятницу – на Пороховые Заводы, и жизнь чередовалась обычными явлениями, не внося губительных перемен, можно было бы сказать, если б удары жизни вовсе не

достигали маленьких мирных уголков. Илья Ильич кушал аппетитно и много, как в Обломовке, говорит Гончаров, ходил и работал лениво и мало, тоже как в Обломовке. Он, несмотря на нарастающие лета, беспечно пил вино, смородиновую водку и еще беспечнее и подолгу спал после обеда. Вдруг все это переменялось. Однажды, после дневного отдыха и дремоты, он хотел встать с дивана и не мог, хотел выговорить слово – и язык не повиновался ему. «Он в испуге махал только рукой, призывая к себе на помощь» [2, 438]. Живи он с одним Захаром, он мог бы «телеграфировать» рукой до утра и, наконец, умереть, о чем узнали бы на другой день, но глаз хозяйки «светил» над ним, как око провидения: ей не нужно было ума, а только догадка сердца, что Илья Ильич что-то «не в себе». И только эта догадка «озарила» ее, Анисья «летела» уже на извозчике за доктором, а хозяйка обложила голову ему льдом и разом вытащила из заветного шкафчика все спирты, примочки – все, что навык и «наслышка» указывали ей употребить в дело. Илью Ильича, говорит Гончаров, привели в чувство, пустили кровь и потом объявили, что это был апоплексический удар и что ему надо повести другой образ жизни. Водка, пиво и вино, кофе, с немногими и редкими исключениями, потом все жирное, мясное, пряное было ему запрещено, а вместо этого предписано ежедневное движение и умеренный сон только ночью. «Без ока Агафьи Матвеевны ничего бы этого не состоялось, но она умела ввести эту систему тем, что подчинила ей весь дом и то хитростью, то лаской отвлекала Обломова от соблазнительных покушений на вино, на послеобеденную дремоту, на жирные кулебяки» [2, 439].

Гончаров говорит, что после обеда никто и ничто не могло отклонить Обломова от лежания. «Он обыкновенно ложился тут же на диване на спину, но только полежать часок» [2, 440]. Хозяйка принесла работу и принялась снова иглой взад и вперед, поглядывая по временам на Илью Ильича, на Алексеева и прислушиваясь чуткими ушами, нет ли где беспорядка, шума. Обломов тихо погрузился в молчание и задумчивость. Эта задумчивость, говорит Гончаров, была не сон и не бдение: он беспечно пустил мысли бродить по воле, не сосредоточивая их ни на чем, покойно слушал мерное биение сердца и изредка ровно мигал, как человек, ни на что не устремляющий глаз. Он впал в неопределенное, загадочное состояние, род галлюцинации. На человека иногда нисходят редкие и краткие задумчивые мгновения, когда ему кажется, что он переживает в другой раз когда-то и где-то прожитой момент. Во сне ли он видел происходящее перед ним явление, жил ли когда-нибудь прежде, да забыл, но он видит: те же лица сидят около него, какие сидели тогда, те же слова были произнесены уже однажды. И видится ему, говорит Гончаров, большая темная, освещенная сальной свечкой гостиная в родительском доме, сидящая за круглым столом покойная мать и ее гости: они шьют молча; отец ходит молча. «Настоящее и прошлое слились и перемешались» [2, 442]. Грезится ему, что он достиг той обетованной земли, где текут реки меду и молока, где едят незаработанный хлеб, ходят в золоте и серебре... Слышит он рассказы снов, примет, звон тарелок и стук ножей, жметя к няне, прислушивается к ее старческому, дребезжащему голосу: ««Милитриса Кирбитьевна!» – говорит она, указывая ему на образ хозяйки» [2, 443].

Прошло лет пять. Что же стало с Обломовым? Где он? Где? – На ближайшем кладбище под скромной урной покоится тело его, между кустов, в затишье, говорит Гончаров. «Илья Ильич скончался, по-видимому, без боли, без мучений, как будто остановились часы, которые забыли завести» [2, 447]. Никто не видел последних его минут, не слышал предсмертного стога. Апоплексический удар повторился еще раз, спустя год, и опять миновал благополучно: только Илья Ильич стал бледен, слаб, мало ел, мало стал выходить в садик и становился все молчаливее и задумчивее, иногда даже плакал. Он предчувствовал близкую смерть и боялся ее. Несколько раз делалось ему дурно и проходило. Однажды утром Агафья Матвеевна принесла было ему, по обыкновению, кофе и – застала его так же кротко покоящимся на одре смерти, как на

ложе сна, «только голова немного сдвинулась с подушки, да рука судорожно прижата была к сердцу, где, по-видимому, сосредоточилась и остановилась кровь» [2, 448].

Итак, I) на основе представленных литературных данных можно выделить ряд симптомов аномального психического состояния Обломова И.И.:

1) *«Некритичность* – выражается в снижении или полном отсутствии критики субъекта к своим поступкам, к своему физическому и психическому состоянию, своему поведению, высказываниям, результатам своей деятельности и т.д. На ранних стадиях заболевания эгодистонность ещё сохраняется, человека пугают отдельные симптомы, он испытывает дискомфорт, пытается от них избавиться. При более грубом нарушении психики на первый план выходит эгосинтонность, характеризующаяся принятием своих предпочтений как естественных, согласующихся с представлениями о собственной личности. Иначе говоря, эгосинтонность проявляется в отсутствии критики к своему состоянию и поведению» [3, 48].

2) Нарушение восприятия – «...галлюцинации (зрительные, слуховые)» [3, 53,57]

3) Нарушением целенаправленности мышления является аутистическое мышление. «Аутистическое мышление представляет собой отрыв от оснований объективной реальности и погружение во внутренний мир фантазий и грёз, зачастую идущих вразрез с действительностью. Нарушена не только логика движения мысли, но и временные отношения. Логические законы реальности замещаются аффективными побуждениями, при этом нарушаются отношения с внешним миром, больные перестают понимать или игнорируют его закономерности» [3, 77].

4) Нарушение эмоций – «...патологическое ослабление (...апатия...)» [3, 92]. «Для апатии характерно чувственное притупление, равнодушие, безволие» [3, 94].

5) Волевые расстройства – абулия или гипобулия – «...болезненное ослабление волевой активности, при котором фактически отсутствуют побуждения к какой-либо целенаправленной деятельности. Для больных становится недоступным постановка, осознание и реализация определённой цели, вследствие чего они крайне пассивны, ленивы, безразличны ко всему, малоподвижны, могут длительно находиться в одной и той же позе» [3, 99]

6) Расстройство влечений. В поведении И.И. Обломова можно отметить

а) пассивно-оборонительную форму усиления инстинкта самосохранения – «...характеризуется чрезмерным беспокойством о своём здоровье и жизни, усилением ...многого страха заражения всякого рода неизлечимыми болезнями и т.п.» [3, 102].

б) Расстройство половых влечений – «гипосексуальность (алибидемия) – это ослабление или отсутствие полового влечения у мужчин и женщин...» [3, 103].

7) Неблагоприятные условия воспитания: «... родительская гиперопека...» [3, 118]. В свете современных положений патопсихологии, представленные симптомы характерны для шизофренического синдрома. «Шизофренический патопсихологический синдром устойчиво диагностируется при шизофрении. Шизофрения – эндогенное психическое заболевание с непрерывным или приступообразным течением, проявляющееся в нарушении личности в виде шизофренического дефекта (снижение психической активности, эмоциональная тупость, аутизм, нарушение мышления) при сохранности формальных способностей интеллекта (памяти, приобретённых знаний и др.), в сочетании с продуктивной симптоматикой (...галлюцинации, ...)» [3, 154]. II) В свете представлений о неосознаваемых формах высшей нервной деятельности можно сказать, что ««бессознательное» может не только обуславливать разные степени эмоциональной напряженности, но и выполнять функцию подлинного регулятора поведения, придающего отношению человека к миру не на много менее адаптационно гибкий и целенаправленный характер, чем тот, который достигается в условиях ясного сознания» [1, 23]. Характер сновидений как вид «бессознательного», «...очень часто имеет непосредственное отношение к ...аффективно насыщенным переживаниям и

...он, следовательно, глубоко связан со сложной системой аффективно окрашенных установок, определяющих поведение и способ восприятия среды, характерные для обследуемого лица в состоянии бодрствования» [1, 303, 304]. Но, также «...необходимо считаться с обратными отношениями: с влиянием сновидений на формирование мышления, находящегося на низком уровне развития...». Сновидение возможно «...как примитивная произвольная форма воспроизведения и закрепления опыта повседневной жизни» [1, 334]. Считаю, что аутистическое мышление может находиться на низком уровне развития, поэтому, можно сказать, что на фоне шизофренического дефекта сны Обломова укрепляют его поведение наяву, служат направляющими вехами в его жизни и он бессознательно ведет тот образ жизни, который видится ему во сне.

Таким образом, И.А. Гончаров представил в романе современную ему проблему «обломовщины», которую в настоящее время можно понять как «шизофренический дефект».

Список литературы

1. *Бассин Ф.В.* Проблема бессознательного, изд. «Медицина», М, 1968.
2. *Гончаров И.А.* Обломов, изд. «Художественная литература», М, 1982.
3. *Загорная Е.В.* Основы патопсихологии, изд. «Мир науки», М, 2018.

АННА Петрова Н.И.

*Петрова Надежда Ильинична – пенсионер,
г. Новосибирск*

Аннотация: *«Все отнято: и сила, и любовь.*

В немилый город брошенное тело Не радо солнцу.

Чувствую, что кровь Во мне уже совсем похолодела» [1, 55].

В статье анализируются причины с нерелигиозной точки зрения, побудившие Анну Каренину покончить жизнь самоубийством.

Ключевые слова: *поезд, стыд, мужик, унижение, презрение, счастье, развод, вина, отчаяние, позор, надежда, любовь.*

Толстой говорит, что на станции Петербургской железной дороги Каренина подошла к брату. Вдруг несколько человек с испуганными лицами пробежали мимо. Очевидно, что-то случилось необыкновенное. «Сторож, был ли он пьян, или слишком закутан от сильного мороза, не слышал отодвигаемого задом поезда, и его раздавили» [4, 81]. Каренина села в карету, и Степан Аркадьич с удивлением увидел, что губы ее

дрожат и она с трудом удерживает слезы. «Что с тобой, Анна?» – спросил он, «Дурное предзнаменование», – сказала она. «Какие пустяки! – сказал Степан Аркадьич. – Ты приехала, это главное» [4, 83]. Толстой говорит, что на балу Вронский танцевал с Анной. Каждый раз, как он говорил с Анной, в глазах ее вспыхивал радостный блеск, и улыбка счастья изгибала ее румяные губы. «Она как будто делала усилие над собой, чтобы не выказывать этих признаков радости, но они сами собой выступали на ее лице» [4, 102]. «После бала, рано утром, Анна Аркадьевна послала мужу телеграмму о своем выезде из Москвы в тот же день» [4, 120]. «Ну, все кончено, и слава богу!» – была первая мысль, пришедшая Анне Аркадьевне, когда она села на свой диванчик, рядом с Аннушкой, и огляделась в полусвете спального вагона. «Слава богу, завтра увижу Сережу и Алексея Александровича, и пойдет моя жизнь, хорошая и привычная, по-старому». Больная дама укладывалась уже спать, и толстая старуха укутывала ноги и выражала замечания о топке. Далее все было то же и то же; та же тряска с постукиванием, тот же снег в окно, «и Анна стала читать и понимать читаемое...» [4, 124]. Герой романа, говорит Толстой, уже начинал достигать своего английского «счастья», баронетства и имени, как вдруг она почувствовала, что ему должно быть стыдно и что ей стыдно этого самого. «Чего же мне стыдно?» – спросила она себя с оскорбленным удивлением. Она перебрала все свои московские воспоминания. Все были хорошие, приятные. Вспомнила бал, вспомнила Вронского и его влюбленное покорное лицо, вспомнила все свои отношения с ним: ничего не было стыдного. А вместе с тем на этом самом месте воспоминаний чувство стыда усиливалось. Она презрительно усмехнулась и опять взялась за книгу, но уже решительно не могла понимать того, что читала. «Она чувствовала, что нервы ее, как струны, натягиваются все туже и туже на какие-то завинчивающиеся колышки» [4, 125]. Она чувствовала, что глаза ее раскрываются больше и больше, что пальцы на руках и ногах нервно движутся, что в груди что-то давит дыхание и что все образы и звуки в этом колеблющемся полумраке с необычайной яркостью поражают ее. На нее, говорит Толстой, беспрестанно находили минуты сомнения, вперед ли едет вагон, или назад, или вовсе стоит. Аннушка ли подле нее, или чужая? «Что там, на ручке, шуба ли это, или зверь? И что сама я тут? Я сама или другая?» Ей страшно было отдаваться этому забвению. Но что-то втягивало в него, и она по произволу могла отдаваться ему и воздерживаться. Она поднялась, говорит Толстой, чтоб опомниться, откинула плед и сняла пелерину теплого платья. На минуту она опомнилась и поняла, что вошедший худой мужик был истопник, что он смотрел на термометр; но потом опять все смешалось. Мужик этот с длинною талией принялся грызть что-то в стене, старушка стала протягивать ноги во всю длину вагона и наполнила его черным облаком; потом что-то страшно зашрипело и застучало, потом красный огонь ослепил глаза, и потом все закрылось стеной. «Анна почувствовала, что она провалилась. Но все это было не страшно, а весело» [4, 126]. К утру Анна задремала, сидя в кресле, и когда проснулась, то уже было бело, светло и поезд подходил к Петербургу. В Петербурге, только что остановился поезд, и она вышла, первое лицо, обратившее ее внимание, было лицо мужа. Увидав ее, он пошел к ней навстречу. Какое-то неприятное чувство щемило ей сердце, говорит Толстой, когда она встретила его упорный и усталый взгляд, как будто она ожидала увидеть его другим. В особенности поразило ее чувство недовольства собой, которое она испытала при встрече с ним. Чувство то было давнишнее, знакомое чувство, похожее на состояние притворства, которое она испытывала в отношениях к мужу; «но прежде она не замечала этого чувства, теперь она ясно и больно сознала его» [4, 129]. Первое лицо, встретившее Анну дома, был сын. «Он выскочил к ней по лестнице, несмотря на крик гувернантки, и с отчаянным восторгом кричал: «Мама, мама!» Добежав до нее, он повис ей на шее» [4, 133]. Чувство беспричинного стыда, которое она испытывала дорогой, и волнение совершенно исчезли. «В привычных условиях жизни она чувствовала себя опять твердою и безупречною» [4, 135].

Толстой говорит, что после поездки Анны в Москву для Алексея Александровича и для его жены началась новая жизнь. Ничего особенного не случилось. Анна, как всегда, ездила в свет, особенно часто бывала у княгини Бетси и встречалась везде с Вронским. «Алексей Александрович видел это, но ничего не мог сделать» [4, 182]. Толстой говорит, что то, что почти целый год для Вронского составляло исключительно одно желание его жизни, то, что для Анны было невозможным, ужасным и тем более обворожительным мечтою «счастия», – это желание было удовлетворено. «Боже мой! Прости меня!» – всхлипывая, говорила она, прижимая к своей груди его руки. Она чувствовала себя столь преступною и виноватою, что ей оставалось только унижаться и просить прощения; а в жизни теперь, кроме его, у ней никого не было, так что она и к нему обращала свою мольбу о прощении. «Она, глядя на него, физически чувствовала свое унижение и ничего больше не могла говорить» [4, 183]. «Все кончено, – сказала она. – У меня ничего нет, кроме тебя. Помни это». Она чувствовала, что в эту минуту не могла выразить словами того чувства стыда, радости и ужаса пред этим «вступлением в новую жизнь и не хотела говорить об этом, опошлять это чувство неточными словами» [4, 184].

Толстой говорит, что большинство молодых женщин, завидовавших Анне, которым уже давно наскучило то, что ее называют справедливою, радовались тому, что они предполагали, «и ждали только подтверждения оборота общественного мнения, чтоб обрушиться на нее всею тяжестью своего презрения» [4, 213].

В нынешнем же году «назначены были офицерские скачки с препятствиями» [4, 214]. В день красносельских скачек, говорит Толстой, Вронский поехал на дачу Карениных. Одетая в белое с широким шитьем платье, она сидела в углу террасы за цветами и не слыхала его. «Что с вами? Вы нездоровы?» – сказал он по-французски, подходя к ней. «Но, несмотря на то, что она старалась быть спокойною, губы ее тряслись» [4, 228]. «О чем вы думали?» «Все об одном», – сказала она с улыбкой. Она говорила правду. Когда бы, в какую минуту ни спросили бы ее, о чем она думала, она без ошибки могла ответить: об одном, о своем счастье и о своем несчастье. «Но вы не сказали, о чем вы думали, когда я вошел, – сказал он, – пожалуйста, скажите!» «Она не отвечала...» [4, 229]. «Сказать?» «Да, да, да...» «Я беременна», – сказала она тихо и медленно. «Да, – сказал он, решительно подходя к ней. – Ни я, ни вы не смотрели на наши отношения как на игрушку, а теперь наша судьба решена. Необходимо кончить, – сказал он, оглядываясь, – ту ложь, в которой мы живем». «Кончить? Как же кончить, Алексей?» – сказала она тихо. Она успокоилась теперь, и лицо ее сияло нежною улыбкой. «Оставить мужа и соединить нашу жизнь» [4, 230]. «Да он и не знает, – сказала она, и вдруг яркая краска стала выступать на ее лицо; щеки, лоб, шея ее покраснели, и слезы стыда выступили ей на глаза. – Да и не будем говорить об нем» [4, 231]. «Знает ли он, или нет, – сказал Вронский своим обычным твердым и спокойным тоном, – нам до этого дела нет. Мы не можем... вы не можете так оставаться, особенно теперь». «Что ж делать, по-вашему?» – спросила она с легкой насмешливостью. «Объявить ему все и оставить его». «Вы знаете, что из этого будет?» [4, 231]. «Вообще он скажет со своею государственною манерой и с ясностью и точностью, что он не может отпустить меня, но примет зависящие от него меры остановить скандал. Это не человек, а машина, и злая машина, когда рассердится», – прибавила она, вспоминая при этом Алексея Александровича и в вину ставя ему все, что только могла она найти в нем нехорошего, не прощая ему ничего за ту страшную вину, которою она была пред ним виновата, говорит Толстой. «Но, Анна, – сказал Вронский, – все-таки необходимо сказать ему, а потом уж руководиться тем, что он предпримет». «Что ж, бежать? и мне сделаться вашею любовницею? – злобно сказала она. – И погубить все...» Она хотела сказать: сына, «но не могла выговорить этого слова» [4, 232]. Когда она думала о сыне, говорит Толстой, и его будущих отношениях к бросившей его отца матери, ей так становилось страшно за то, что она сделала, что она не рассуждала, а, как женщина, старалась только успокоить себя

лживыми рассуждениями и словами, с тем чтобы все оставалось по-старому «и чтобы можно было забыть про страшный вопрос, что будет с сыном» [4, 233]. Толстой говорит, что когда Алексей Александрович появился на скачках, Анна уже сидела в беседке рядом с Бетси, «в той беседке, где собиралось все высшее общество» [4, 253]. Когда началась четырехверстная скачка с препятствиями, она нагнулась вперед и, не спуская глаз, «смотрела на подходившего к лошади и садившегося Вронского...» [4, 254]. Скачки были несчастливы, говорит Толстой, и из семнадцати человек попадало и разбилось больше половины. Все громко выражали свое неодобрение, так что, когда Вронский упал и Анна громко ахнула, в этом не было ничего необыкновенного. «Но вслед за тем в лице Анны произошла перемена, которая была уже положительно неприлична. Она совершенно потерялась» [4, 257,258]. Она стала биться как пойманная птица: то хотела встать и идти куда-то, то обращалась к Бетси. Но Бетси не слыхала ее. Она говорила с подошедшим к ней генералом. Алексей Александрович подошел к Анне и учтиво дал ей руку. «Пойдемте, если вам угодно», – сказал он по-французски; но Анна прислушивалась к тому, что говорил генерал, и не заметила мужа. «Я еще раз предлагаю вам свою руку, если вы хотите идти», – сказал Алексей Александрович, «дотрогиваясь» до ее руки. Она с отвращением отстранилась от него и, не взглянув ему в лицо, отвечала: «Нет, нет, оставьте меня, я останусь». Она видела теперь, говорит Толстой, что от места падения Вронского через круг бежал офицер к беседке. Офицер принес известие, что ездук не убился, но лошадь сломала спину. Услыхав это, Анна быстро села и закрыла лицо веером. Она плакала, и не могла удержать не только слез, но и рыданий, которые поднимали ее грудь. «Алексей Александрович загородил ее собою, давая ей время оправиться» [4, 258]. «В третий раз предлагаю вам свою руку», – сказал он чрез несколько времени, обращаясь к ней. Анна испуганно оглянулась, покорно встала и положила руку на руку мужа. «Я должен сказать вам», – проговорил он в карете. «Вот оно, объяснение», – подумала она, и ей стало страшно» [4, 259]. «Я должен сказать вам, что вы неприлично вели себя нынче», – сказал он ей по-французски. «Чем я неприлично вела себя? – громко сказала она. – Что вы нашли неприличным?» – повторила она. «То отчаяние, которое вы не умели скрыть при падении одного из ездуков». Он ждал, говорит Толстой, что она возразит; «но она молчала, глядя перед собою» [4, 260]. «Может быть, я ошибаюсь», – сказал он. – В таком случае я прошу извинить меня». «Нет, вы не ошиблись», – сказала она медленно, отчаянно взглянув на его холодное лицо. – Я была и не могу не быть в отчаянии. Я слушаю вас и думаю о нем. Я люблю его, я его любовница, я не могу переносить, я боюсь, я ненавижу вас... Делайте со мной что хотите». «И, откинувшись в угол кареты, она зарыдала, закрываясь руками» [4, 261]. Толстой говорит, что, когда она проснулась на другое утро, первое, что представилось ей, были слова, которые она сказала мужу, и слова эти ей показались так ужасны, что она не могла понять теперь, как она могла решиться произнести эти странные грубые слова, и не могла представить себе того, что из этого выйдет. Ее положение, которое казалось уясненным вчера вечером, вдруг представилось ей теперь не только не уясненным, но безвыходным. Ей стало страшно за позор, о котором она прежде и не думала. Ей приходило в голову, что сейчас приедет управляющий выгонять ее из дома, «что позор ее будет объявлен всему миру» [4, 351]. Когда она думала о Вронском, ей представлялось, что он не любит ее, и чувствовала враждебность к нему за это. Она не могла решиться позвать девушку и, еще меньше, сойти вниз и «увидать» сына и гувернантку. Она беспрестанно повторяла: «Боже мой! Боже мой!» Но ни «боже», ни «мой» не имели для нее никакого смысла. Она знала вперед, что помощь религии возможна только под условием отречения от того, что составляло для нее весь смысл жизни. «Ей не только было тяжело, но она начинала испытывать страх пред новым, никогда не испытанным ею душевным состоянием» [4, 352,353]. Она чувствовала, что в душе ее все начинает двоиться, как дwoятся иногда предметы в усталых глазах. «Ах, что я делаю!» – сказала она себе, почувствовав вдруг боль в

обеих сторонах головы. Когда она опомнилась, она увидела, что держит обеими руками свои волосы около висков и сжимает их. Она вскочила и стала ходить. Пускай муж опозорит и выгонит ее, пускай Вронский охладет к ней и продолжает вести свою независимую жизнь, она не может оставить сына. «У ней есть цель жизни» [4, 353]. «И опять она почувствовала, что душе у ней начинало двоиться» [4, 355]. Анна взглянула в окно, говорит Толстой, и «увидала» у крыльца курьера Алексея Александровича. Лакей принес толстый пакет, надписанный рукою Алексея Александровича. Трясущимися пальцами разорвала письмо. Пачка заклеенных в бандерольке неперегнутых ассигнаций выпала из него. «Она высвободила письмо и стала читать...» [4, 356]. Когда она кончила, говорит Толстой, она почувствовала, что ей холодно и что над ней обрушилось такое страшное «несчастье», какого она не ожидала. Она раскаивалась утром в том, что она сказала мужу, и желала только одного, чтоб эти слова были как бы не сказаны. И вот письмо это признавало слова несказанными и давало ей то, чего она желала. Но теперь это письмо представлялось ей ужаснее всего, что только она могла себе представить. «Прав! прав! – проговорила она. – Разумеется, он всегда прав, он христианин, он великодушен! Да, низкий, гадкий человек! И этого никто, кроме меня, не понимает и не поймет; и я не могу растолковать. Они не знают, как он восемь лет душил мою жизнь, что он ни разу и не подумал о том, что я живая женщина, которой нужна любовь. Но пришло время, я поняла, что я не могу больше себя обманывать, что я живая, «что я не виновата, что Бог меня сделал такою, что мне нужно любить и жить» [4, 357]. «Боже мой! Боже мой! Была ли когда-нибудь женщина так несчастна, как я?..» Она села к письменному столу, но, вместо того чтобы писать, сложив руки на стол, положила на них голову «и заплакала, всхлипывая и колеблясь всей грудью, как плачут дети» [4, 358]. «Курьер просит ответа», – доложил лакей. «Ответа? Да, – сказала Анна, – пускай подождет. Я позвоню». «Что я могу писать? – думала она. – Что я могу решить одна? Что я знаю? Чего я хочу?...» Опять она почувствовала, говорит Толстой, что в душе ее начинает двоиться. Она испугалась опять этого чувства и ухватилась за первый представившийся ей предлог деятельности, который мог бы отвлечь ее от мыслей о себе. «Я должна видеть Алексея (так она мысленно называла Вронского, говорит Толстой), он один может сказать мне, что я должна делать. Поеду к Бетси; может быть, там я увижу его». «Она подошла к столу, написала мужу: «Я получила ваше письмо. А.» – и, позвонив, отдала лакею» [4, 359]. Вронский увидел ее. «Лицо ее было закрыто вуалем,...» [4, 383]. Сойдясь с ним, она крепко пожала его руку. Он понял, что что-то случилось и что свидание это не будет радостное. «Я не сказала тебе вчера, – начала она, быстро тяжело дыша, – что, возвращаясь домой с Алексеем Александровичем, я объявила ему все... сказала, что не могу быть его женой, что... и все сказала» [4, 384]. Она надеялась, говорит Толстой, что это свидание изменит это положение и спасет ее. Если он при этом известии решительно, страстно, без минуты колебания скажет ей: «Брось все и беги со мной!» – она бросит сына и уйдет с ним. Но известие это не произвело в нем того, чего она ожидала. «...и вот...» – она достала письмо мужа из перчатки» [4, 385]. Прочтя письмо, он поднял на нее глаза, и во взгляде его не было твердости. «Я надеюсь, что теперь ты оставишь его. Завтра...» – начал было он. Она не дала договорить ему. «А сын? – вскрикнула она. – Ты видишь, что он пишет? – надо оставить его, а я не могу и не хочу сделать это». «Но ради бога, что же лучше? Оставить сына или продолжать это унижительное положение?» «Ты говоришь унижительное... не говори этого» [4, 386]. «Ты пойми, что для меня с того дня, как я полюбила тебя, все, все переменялось. Для меня одно и одно – это твоя любовь. Если она моя, то я чувствую себя так высоко, так твердо, что ничто не может для меня быть унижительным. Я горда своим положением, потому что... горда тем... горда...» – Она не договорила, чем он была горда, говорит Толстой. Слезы стыда и отчаяния задушили ее голос. Она остановилась и зарыдала. «Разве невозможен развод? – сказал он слабо. Она, не отвечая, покачала головой. – Разве нельзя взять

сына и все-таки оставить его?» «Да; но это все от него зависит. Теперь я должна ехать к нему», – сказала она сухо. «Ее предчувствие, что все останется по-старому, не обмануло ее» [4, 387].

Во время губернаторства Алексея Александровича, говорит Толстой, тетка Анны, богатая губернская барыня, свела хотя немолодого уже человека, но молодого губернатора со своею племянницей и поставила его в такое положение, что он должен был или высказаться, или уехать из города. Алексей Александрович долго колебался, но тетка Анны внушила ему через знакомого, что он уже компрометировал девушку и что долг чести обязывает его сделать предложение. «Он сделал предложение и отдал невесте и жене все то чувство, на которое был способен» [4, 617]. Анна вышла замуж за человека, говорит Толстой, который на двадцать лет старше ее, «...без любви или не зная любви» [4, 520].

В середине зимы во время своей болезни после родов Анна говорила Алексею Александровичу: «Да, – начинала она. – Да, да, да. Вот что я хотела сказать. Не удивляйся на меня. Я все та же... Но во мне есть другая, я ее боюсь – она полюбила того, и я хотела возненавидеть тебя и не могла забыть про ту, которая была прежде. Та не я. Теперь я настоящая, я вся. Но это скоро кончится... Одно мне нужно: – ты прости меня, прости совсем! Нет, ты не можешь простить! Я знаю, этого нельзя простить! Нет, нет, уйди, ты слишком хорош!» – Она держала одною горячею рукой его руку, другою отталкивала его» [4, 502]. «Боже мой, боже мой! Когда это кончится? Дайте мне морфину. Доктор! дайте же морфину. Боже мой, боже мой!» И она заметалась на постели. Доктор и доктора говорили, что это была родильная горячка, в которой из ста было 99, что кончится смертью. «На третий день ...доктор сказал, что есть надежда» [4, 504]. «Чрез месяц Алексей Александрович остался один с сыном на своей квартире, а Анна с Вронским уехала за границу, не получив развода и решительно отказавшись от него» [4, 530]. Вронский с Анною, говорит Толстой, три месяца путешествовали вместе по Европе. «Анна в этот первый период своего освобождения и быстрого выздоровления чувствовала себя непростительно счастливою и полною радости жизни» [4, 562]. Они решили ехать в Россию, в деревню. В Петербурге Вронский намеревался сделать раздел с братом, а Анна повидать сына. «Лето же они намеревались прожить в большом родовом имении Вронского» [4, 582]. «Приехав в Петербург, Вронский с Анной остановились в одной из лучших гостиниц» [4, 641]. Как ни сильно желала Анна свиданья с сыном, говорит Толстой, как ни давно думала о том и готовилась к тому, она никак не ожидала, чтоб это свидание так сильно подействовало на нее. «Вернувшись в свое одинокое отделение в гостинице, она долго не могла понять, зачем она здесь» [4, 654]. Когда Вронский вернулся домой, Анны не было еще дома. «Но Анна вернулась не одна, а привезла с собою свою тетку, старую деву, княжну Облонскую» [4, 658]. «Вы точно поедете в театр?» – сказал он, стараясь не смотреть на нее. «Отчего же вы так испуганно спрашиваете? – вновь оскорбленная тем, что он не смотрел на нее, сказала она. – Отчего же мне не ехать?» «Но разве вы не знаете...» – начал было он. «Да я не хочу знать! – почти вскрикнула она. – Не хочу. Раскаиваюсь я в том, что сделала? Нет, нет и нет. Почему я не могу ехать? Я тебя люблю, и мне все равно, – сказала она по-русски, с особенным, непонятным ему блеском глаз взглянув на него, – если ты не изменился. Отчего же ты не смотришь на меня?» Он посмотрел на нее» [4, 660].

Вронский вошел в театр в половине девятого. Он, слушая одним ухом, переводил бинокль с бенеуара на бельэтаж и оглядывал ложи. Вронский вдруг увидал голову Анны, гордую, поразительно красивую и улыбающуюся в рамке кружев. «Она была в пятом бенеуаре, в двадцати шагах от него» [4, 664]. Когда Вронский опять навел в ту сторону бинокль, он заметил, что Анна, сложив веер и постукивая им по красному бархату, приглядывается куда-то, но не видит и, очевидно, не хочет видеть того, что происходит в соседней ложе, говорит Толстой. В ложе этой, слева, были Картасовы. Вронский знал их и знал, что Анна с ними была знакома. Картасова, худая, маленькая

женщина, стояла в своей ложе и, спиной оборотившись к Анне, надевала накидку, подаваемую ей мужем. Лицо ее было бледно и сердито, и она что-то взволнованно говорила. Картасовы вышли и ложа осталась пустою. «Вронский не понял того, что именно произошло между Картасовыми и Анной, но он понял, что произошло что-то унизительное для Анны» [4, 665]. Заметив, что на следующий акт ложа ее осталась пустою, Вронский, поехал домой. Анна уже была дома. «Анна», – сказал он. «Ты, ты виноват во всем!» – вскрикнула она со слезами отчаяния и злости в голосе, вставая. «Я просил, я умолял тебя не ездить, я знал, что тебе будет неприятно...». «Неприятно!» – вскрикнула она. – Ужасно! Сколько бы я ни жила, я не забуду этого. Она сказала, что позорно сидеть рядом со мной». «Слова глупой женщины, – сказал он, – но для чего рисковать, вызывать...» «Я ненавижу твое спокойствие. Ты не должен был доводить меня до этого», – сказала она, с выражением испуга взглядывая на него. Ему жалко было ее и все-таки досадно, говорит Толстой, он уверял ее в своей любви. «На другой день после этого, совершенно примиренные, они уехали в деревню» [4, 668].

Дарья Александровна исполнила свое намерение и поехала к Анне, говорит Толстой. Долли была поражена тою временною красотой, «которая только в минуты любви бывает на женщинах и которую она застала теперь на лице Анны» [4, 742]. «Ты смотришь на меня, – сказала она, – и думаешь, могу ли я быть счастлива в моем положении? Ну, и что ж! стыдно признаться; но я... я непростительно счастлива» [4, 744]. «Так тем более тебе надо устроить свое положение, если возможно», – сказала Долли. «Ты говоришь, выйти замуж за Алексея и что я не думаю об этом. Я не думаю об этом!» – повторила она, и краска выступила ей на лицо. «Когда я думаю об этом, то я уже не засыпаю без морфина» [4, 777]. Анна, вернувшись в свой кабинет, говорит Толстой, взяла рюмку и накапала в нее несколько капель лекарства, в котором важную часть составлял морфин, и, выпив «и посидев несколько времени неподвижно, с успокоенным и веселым духом пошла в спальню» [4, 778]. Вронский и Анна, все в тех же условиях, все так же не принимая никаких мер для развода, прожили все лето и часть осени в деревне. Жизнь, казалось, была такая, какой лучше желать нельзя: был полный достаток, было здоровье, был ребенок, и у обоих были занятия. Анна «...очень много занималась чтением – и романов и серьезных книг, какие были в моде» [4, 780]. Анна написала письмо мужу, прося его о разводе, и в конце ноября, «...вместе с Вронским переехала в Москву» [4, 811].

Одна и одна мысль неотвязно в разных видах преследовала ее, говорит Толстой. «Отчего нет его целый вечер?» [4, 852] «Он хочет доказать мне, что его любовь ко мне не должна мешать его свободе. Но мне не нужны доказательства, мне нужна любовь. Я ничего не могу делать, ничего изменять, я сдерживаю себя, жду, выдумывая себе забавы – писание, чтение, но все это только обман, все это тот же морфин. Он бы должен пожалеть меня», – говорила она, «чувствуя, как слезы жалости о себе выступают ей на глаза» [4, 853]. Во всем, что было тяжелого в ее положении, говорит Толстой, она обвиняла его. «Мучительное состояние ожидания, которое она между небом и землей прожила в Москве, медленность и нерешительность Алексея Александровича, свое уединение – она все приписывала ему. Если б он любил, он понимал бы всю тяжесть ее положения и вывел бы ее из него» [4, 896,897]. «И опять он же был виноват в том, что она навеки разлучена с сыном» [4, 897]. Он не то что охладил к ней, но он ненавидел ее, потому что любил другую женщину, – это было ясно. Она ждала его целый день и вечером, уходя в свою комнату, приказав передать ему, что у нее голова болит, загадала себе: «Если он придет, несмотря на слова горничной, то, значит, он еще любит. Если же нет, то, значит, все кончено, и тогда я решу, что мне делать!..» Она вечером слышала остановившийся стук его коляски, его разговор с девушкой: он поверил тому, что ему сказали, не хотел больше ничего узнавать и пошел к себе. Стало быть, все было кончено. И смерть, как единственное средство восстановить в его сердце любовь к ней, наказать его и одержать победу в той борьбе, которую поселившийся в ее сердце злой дух вел с ним, ясно и живо

представилась ей. «Теперь было все равно: – ехать или не ехать в Воздвиженское, получить или не получить от мужа развод – все было ненужно. Нужно было одно – наказать его» [4, 910]. Она лежала в постели, говорит Толстой, с открытыми глазами, глядя при свете одной догоравшей свечи на лепной карниз потолка и на захватывающую часть его тень от ширмы. Вдруг тень ширмы заколебалась, другие тени с другой стороны рванулись ей навстречу; поколебались, слились, и все стало темно. «Смерть!» – подумала она. И такой ужас нашел на нее, что она долго не могла понять, где она, и долго не могла дрожащими руками найти спички и зажечь другую свечу вместо той, которая догорела и потухла. «Нет, все – только жить! Ведь я люблю его. Ведь он любит меня! Это было и пройдет», – говорила она, чувствуя, что слезы радости возвращения к жизни текли по ее щекам» [4, 911]. И после второго приема опиума к утру заснула тяжелым, неполным сном, во все время которого она не переставала чувствовать себя, говорит Толстой. Утром страшный кошмар, несколько раз повторявшийся ей в сновидениях еще до связи с Вронским, представился ей опять и разбудил ее. Старичок-мужичок с взлохмаченною бородой что-то делал, нагнувшись над железом, приговаривая бессмысленные французские слова. И она проснулась в холодном поту. И, узнав, что Вронский в кабинете, она пошла к нему. Проходя по гостиной, говорит Толстой, она услышала, что у подъезда остановился экипаж, и, выглянув в окно, увидела карету, из которой высовывалась молодая девушка в лиловой шляпке. Рядом с гостиной послышались шаги Вронского. Он быстрыми шагами сходил по лестнице. Анна опять подошла к окну. Вот он вышел без шляпы на крыльцо и подошел к карете. Молодая девушка в лиловой шляпке передала ему пакет. Вронский, улыбаясь, сказал ей что-то. Карета отъехала; он быстро взбежал назад по лестнице. Туман, застилавший все в душе Анны, вдруг рассеялся. Вчерашние чувства с новой болью защемили больное сердце. «Она вошла к нему в кабинет, чтоб объявить ему свое решение» [4, 912]. «Это Сорокина с дочерью заезжала и привезла мне деньги и бумаги от тата. ...Как твоя голова, лучше?» – сказал он спокойно, не желая видеть и понимать мрачного и торжественного выражения ее лица» [4, 912,913]. Она молча пристально смотрела на него, стоя посреди комнаты. Он взглянул на нее и продолжал читать письмо. Она повернулась и медленно пошла из комнаты. «Да, кстати, – сказал он в то время, как она была уже в дверях, – завтра мы едем решительно? Не правда ли?» «Вы, но не я», – сказала она, оборачиваясь к нему. «Анна, эдак невозможно жить...» «Вы, но не я», – повторила она. «Это становится невыносимо!» «Вы... вы раскаетесь в этом», – сказала она и вышла» [4, 913].

«Уехал! Кончено!» – сказала себе Анна, стоя у окна. Ей так страшно теперь было оставаться одной. «Узнайте, куда поехал граф», – сказала она. Человек отвечал, что граф поехал в конюшни. «Хорошо. Пойдите. Сейчас я напишу записку. Пошлите Михайлу с запиской в конюшни. Поскорее». Она села и написала: «Я виновата. Вернись домой, надо объясниться. Ради бога приезжай, мне страшно». «Она запечатала и отдала человеку» [4, 914]. «Неужели все кончено? Нет, это не может быть, – думала она. – Он вернется. Но как он объяснит мне эту улыбку, это оживление после того, как он говорил с ней? Но и не объяснит, все-таки поверю. Если я не поверю, то мне останется одно, – а я не хочу». Она посмотрела на часы. Прошло двенадцать минут, говорит Толстой. «Но что, если он не придет? Надо, чтобы он не видел меня с заплаканными глазами. Я пойду умоюсь. Да, да, причесалась ли я, или нет?» – спросила она себя. И не могла вспомнить. Она ощупала голову рукой. «Да, я причесана, но когда, решительно не помню». «Кто это?» – думала она, глядя в зеркало на воспаленное лицо со странно блестящими глазами, испуганно смотревшими на нее. «Да это я», – вдруг поняла она, и, оглядывая себя всю, она почувствовала вдруг на себе его поцелуй и, содрогаясь, двинула плечами. Потом подняла руку к губам и поцеловала ее. «Что это, я с ума схожу», – и она пошла в спальню, где Аннушка убирала комнату. Она вынула часы и посмотрела на них. «Но как он мог уехать, оставив меня в таком положении? Как он может жить, не примирившись со мною?»

Она подошла к окну и стала смотреть на улицу. «По времени он уже мог вернуться» [4, 915]. Кто-то подъехал. Взглянув из окна, она увидела его коляску. Но никто не шел на лестницу, и внизу слышны были голоса. Это был посланный, вернувшийся в коляске, говорит Толстой. Она сошла к нему. «Графа не застали. Они уехали на Нижегородскую дорогу». «Что тебе? Что?..» – обратилась она к Михайле, подававшему ей назад ее записку. «Да ведь он не получил ее», – вспомнила она. «Поезжай с этой же запиской в деревню к графине Вронской, знаешь? И тотчас же привези ответ», – сказала она посланному. «А я сама, что же я буду делать? – подумала она. – Да, я поеду к Долли, это правда, а то я с ума сойду. Да, я могу еще телеграфировать». И она написала депешу: «Мне необходимо переговорить, сейчас приезжайте». Отослав телеграмму, она пошла одеваться, говорит Толстой. «Да, не надо думать, надо делать что-нибудь, ехать, главное – уехать из этого дома», – сказала она, с ужасом прислушиваясь к страшному клокотанию, происходившему в ее сердце, и поспешно вышла и села в коляску» [4, 916]. Сидя в углу покойной коляски, на чистом воздухе, вновь перебирая события последних дней, увидела свое положение совсем иным, чем каким оно казалось ей дома. Теперь и мысль о смерти, говорит Толстой, не казалась ей более так страшна и ясна, и самая смерть не представлялась более неизбежно. «Я умоляю его простить меня. Я покорилась ему. Признала себя виноватою. Зачем? Разве я не могу жить без него?» И, не отвечая на вопрос, как она будет жить без него, она стала читать вывески. «Контора и склад. Зубной врач. Да, я скажу Долли все. А мытищинские колодцы и блины». И она вспомнила, как давно, давно, когда ей было еще семнадцать лет, она ездила с теткой к Троице. «Поверила ли бы я тогда, что я могу дойти до такого унижения? Как он будет горд и доволен, получив мою записку! Но я докажу ему... Как дурно пахнет эта краска. Зачем они все красят и строят? Моды и уборы», – читала она» [4, 917]. Придумывая те слова, в которых она все скажет Долли, и умышленно растравляя свое сердце, Анна вошла на лестницу. «Есть кто-нибудь? – спросила она в передней. «Катерина Александровна Левина», – отвечал лакей. Долли одна вышла встретить гостью. «А, ты не уехала еще? Я хотела сама быть у тебя», – сказала она, – нынче я получила письмо от Стивы». «Мы тоже получили депешу», – отвечала Анна, оглядываясь, чтоб «увидать» Кити. «Он пишет, что не может понять, чего именно хочет Алексей Александрович, но что он не уедет без ответа» [4, 918]. «Я думала, у тебя есть кто-то. Можно прочесть письмо?» «Я сейчас принесу. Но он не отказывает; напротив, Стива надеется», – сказала Долли, останавливаясь в дверях. «Я не надеюсь, да и не желаю», – сказала Анна. «Что ж это, Кити считает для себя унизительным встретиться со мной? – думала Анна, оставшись одна. – Я знаю, что меня в моем положении не может принимать ни одна порядочная женщина. Я знаю, что с той первой минуты я пожертвовала ему всем! И вот награда! О, как я ненавижу его! И зачем я приехала сюда? Мне еще хуже, еще тяжелее». Долли вошла с письмом. Анна прочла и молча передала его. «Я все это знала», – сказала она. – И это меня несколько не интересует». «Что ж Кити прячется от меня?» – сказала она, глядя на дверь и краснея. «Ах, какие пустяки! Она кормит, и у нее не ладится дело, я ей советовала... Она очень рада. Она сейчас придет», – неловко, не умея говорить неправду, говорила Долли. – Да вот и она» [4, 919]. Кити вышла и, краснея, подошла к Анне и подала руку. «Я очень рада», – сказала она дрожащим голосом. «Я бы не удивилась, если бы вы и не хотели встретиться со мною. Я ко всему привыкла. Вы были больны? Да, вы переменялись», – сказала Анна. «Я захотела проститься с тобой», – сказала она, вставая. «И, поцеловав Долли и пожав руку Кити, Анна поспешно вышла» [4, 920]. Анна села в коляску в еще худшем состоянии, чем то, в каком она была, уезжая из дома. К прежним мучениям присоединилось теперь чувство оскорбления и отверженности, которое она ясно почувствовала при встрече с Кити, говорит Толстой. «Куда прикажете? Домой?» – спросил Петр. «Да, домой», – сказала она, теперь и не думая о том, куда она едет. «О чем он может с таким жаром рассказывать другому? – думала она, глядя на двух пешеходов. – ...Я хотела

рассказывать Долли, и хорошо, что не рассказала. Как бы она рада была моему несчастью!» [4, 921]. «Вот им хочется этого грязного мороженого, – думала она, глядя на двух мальчиков, остановивших мороженника. – Всем нам хочется сладкого, вкусного. Нет конфет, то грязного мороженого. И Кити так же: не Вронский, то Левин. И она завидует мне. И ненавидит меня». На этих мыслях ее застала остановка у крыльца своего дома, говорит Толстой. Увидав вышедшего ей навстречу швейцара, она только вспомнила, что послала записку и телеграмму. «Ответ есть?» – спросила она. «Сейчас посмотрю», – отвечал швейцар и, взглянув на конторке, достал и подал ей квадратный тонкий конверт телеграммы. «Я не могу приехать раньше десяти часов. Вронский», – прочла она. «А посланный не возвращается?» «Никак нет», – отвечал швейцар. «А, если так, то я знаю, что мне делать, – сказала она, и, чувствуя поднимающийся в себе неопределенный гнев и потребность мести, она взбежала наверх. – Я сама поеду к нему. Прежде чем навсегда уехать, я скажу ему все» [4, 922]. «Да, надо ехать на станцию железной дороги, а если нет, то поехать туда и уличить его». Она велела заложить других лошадей и занялась укладкой в дорожную сумку необходимых на несколько дней вещей. Она знала, что не вернется более сюда. Она смутно решила себе в числе тех планов, которые приходили ей в голову, и то, что после того, что произойдет там на станции или в имение графини, она поедет по Нижегородской дороге до первого города и останется там. Обед стоял на столе; она подошла, понюхала хлеб и сыр и, убедившись, что запах всего съестного ей противен, велела подавать коляску и вышла. И провожавшая ее с вещами Аннушка, и Петр, клавший вещи в коляску, и кучер, – все были противны ей и раздражали ее своими словами и движениями. «Петр вскочил на козлы и, подбоченившись, приказал ехать на вокзал» [4, 923]. «Вот она опять! Опять я понимаю все», – сказала себе Анна, как только коляска тронулась «Чего он искал во мне? Любви не столько, сколько удовлетворения тщеславия». «Да, в нем было торжество тщеславного успеха. Разумеется, была и любовь, но большая доля была гордость успеха. Он хвастался мной. Теперь это прошло. Гордиться нечем... Он тяготеет мною и старается не быть в отношении меня бесчестным» [4, 924]. «Да, того вкуса уж нет для него во мне. Если я уеду от него, он в глубине души будет рад». «Моя любовь все делается страстнее и себялюбивее, а его все гаснет и гаснет, и вот отчего мы расходимся, – продолжала она думать. – ...Он уж давно не любит меня. А где кончается любовь, там начинается ненависть. Этих улиц я совсем не знаю. Горы какие-то, и все дома, дома... И в домах все люди, люди...и все ненавидят друг друга» [4, 925]. «А между мною и Вронским какое же я придумаю новое чувство? Возможно ли какое-нибудь не счастье уже, а только не мученье? Нет и нет! – ответила она себе теперь без малейшего колебания. – Невозможно! Мы жизнью расходимся, и я делаю его несчастье, он мое, и переделать ни его, ни меня нельзя. Все попытки были сделаны, винт свинтился. Да, нищая с ребенком. Она думает, что жалко ее...» – Так думала она, когда уже подъехала к низкому строению Нижегородской станции, говорит Толстой. «Прикажете до Обираловки?» – сказал Петр. Она совсем забыла, куда и зачем она ехала, и только с большим усилием могла понять вопрос. «Да», – сказала она ему, подавая кошелек с деньгами, и, взяв в руку маленький красный мешочек, вышла из коляски. Направляясь между толпой в залу первого класса, говорит Толстой, она понемногу припоминала все подробности своего положения и те решения, между которыми она колебалась. «И опять то надежда, то отчаяние по старым наболевшим местам стали растревлять раны ее измученного, страшно трепетавшего сердца» [4, 926,927]. Сидя на звездообразном диване в ожидании поезда, она, с отвращением глядя на входивших и выходивших (все они были противны ей, говорит Толстой), думала то о том, как она приедет на станцию, напишет ему записку и что она напишет ему, то о том, как он теперь жалуется матери, не понимая ее страданий, на свое положение, и как она войдет в комнату, и что она скажет ему. То она думала о том, как жизнь могла бы быть еще счастлива, и как мучительно она любит и ненавидит его, и как страшно

бьется ее сердце. Раздался звонок, прошли какие-то молодые мужчины, уродливые, наглые и торопливые. Она поднялась на высокую ступеньку и села одна в купе на пружинный испачканный, когда-то белый диван. Наглый кондуктор захлопнул дверь и щеколду. Дама, уродливая, с турнюром (Анна мысленно раздела эту женщину и ужаснулась на ее безобразии, говорит Толстой), и девочка, ненатурально смеясь, пробежали внизу. Чтобы не видеть никого, она быстро встала и села к противоположному окну в пустом вагоне. «Испачканный уродливый мужик в фуражке, из-под которой торчали спутанные волосы, прошел мимо этого окна, нагибаясь к колесам вагона» [4, 927,928]. «Что-то знакомое в этом безобразном мужике», – подумала Анна. И, вспомнив свой сон, говорит Толстой, она, дрожа от страха, отошла к противоположной двери. Кондуктор отворял дверь, впуская мужа с женой. «Вам выйти угодно?» Анна не ответила. Кондуктор и входившие не заметили под «вуалем» ужаса на ее лице. Она вернулась в свой угол и села. Чета села с противоположной стороны. Послышался второй звонок и вслед за ним передвижение багажа, шум, крик и смех. Анне было так ясно, что никому нечему было радоваться, что этот смех раздражил ее до боли, и ей хотелось заткнуть уши, чтобы не слышать его. Наконец прозвенел третий звонок, раздался свисток, визг паровика, рванулась цепь. «Анна забыла о своих соседях в вагоне и, на легкой качке езды вдыхая в себя свежий воздух, опять стала думать» [4, 928] «Да, на чем я остановилась? На том, что я не могу придумать положения, в котором жизнь не была бы мученьем, что все мы созданы затем, чтобы «мучаться», и что мы все знаем это и все придумываем средства, как бы обмануть себя. А когда видишь правду, что же делать?» «На то дан человеку разум, чтобы избавиться оттого, что его беспокоит», – сказала по-французски дама, очевидно довольная своею фразой и гримасничая языком. Эти слова как будто ответили на мысль Анны. «Избавиться от того, что беспокоит», – повторяла Анна. «Да, очень беспокоит меня, и на то дан разум, чтоб избавиться; стало быть, надо избавиться. Отчего же не потушить свечу, когда смотреть больше не на что, когда гадко смотреть на все это? Но как?» Когда поезд подошел к станции, говорит Толстой, Анна вышла в толпе других пассажиров и, как от прокаженных, сторонясь от них, остановилась на платформе, стараясь вспомнить, зачем она сюда приехала и что намерена была делать. Все, что ей казалось возможно прежде, теперь так трудно было сообразить, особенно в шумящей толпе всех этих безобразных людей, не оставлявших ее в покое. То артельщики подбегали к ней, предлагая ей свои услуги; то молодые люди, стуча каблуками по доскам платформы и громко разговаривая, оглядывали ее, то встречные сторонились не в ту сторону. «Вспомнив, что она хотела ехать дальше, если нет ответа, она остановила одного артельщика и спросила, нет ли тут кучера с запиской к графу Вронскому» [4, 929]. В то время как она говорила с артельщиком, кучер Михайла подошел к ней и подал записку. Она распечатала, и сердце ее сжалось еще прежде, чем она прочла. «Очень жалею, что записка не застала меня. Я буду в десять часов», – небрежным почерком писал Вронский. «Так! Я этого ждала!» – сказала она себе с злою усмешкой. «Хорошо, так поезжай домой», – тихо проговорила она, обращаясь к Михайле. Она говорила тихо, говорит Толстой, потому что быстрота биения сердца мешала ей дышать. Она пошла по платформе мимо станции. «Боже мой, куда мне?» – все дальше и дальше уходя по платформе, думала она. Она ускорила шаг и отошла к краю платформы. Подходил товарный поезд. Платформа затряслась, и ей показалось, что она едет опять. И вдруг, вспомнив о раздавленном человеке в день ее первой встречи с Вронским, она поняла, что ей надо делать. «Быстрым, легким шагом спустившись по ступенькам, которые шли от водокачки к рельсам, она остановилась подле вплоть мимо ее проходящего поезда» [4, 930]. Она смотрела на низ вагонов и глазомером старалась определить середину между передними и задними колесами и ту минуту, когда середина эта будет против нее, говорит Толстой. «Туда! – говорила она себе, глядя в тень вагона, на смешанный с углем песок, которым были засыпаны шпалы, – туда, на самую

середины, и я накажу его и избавлюсь от всех и от себя». Она хотела упасть под поравнявшийся с ней серединою первый вагон. Но красный мешочек, который она стала снимать с руки, задержал ее, и было уже поздно: середина миновала ее. Надо было ждать следующего вагона. Но она не спускала глаз с колес подходящего второго вагона. И ровно в ту минуту, как середина между колесами поравнялась с нею, она откинула красный мешочек и, жвав в плечи голову, упала под вагон на руки и легким движением, как бы готовясь тотчас же встать, опустилась на «колена». И в то же мгновение она ужаснулась тому, что делала, говорит Толстой. «Где я? Что я делаю?...» Она хотела подняться, откинуться; но что-то огромное, неумолимое толкнуло ее в голову и потащило за спину. «Господи, прости мне все!» – проговорила она, чувствуя невозможность борьбы. Мужичок, приговаривая что-то, работал над железом. «И свеча, при которой она читала исполненную тревог, обманов, горя и зла книгу, вспыхнула более ярким, чем когда-нибудь, светом, осветила ей все то, что прежде было во мраке, затрещала, стала меркнуть и навсегда потухла» [4, 931].

Итак, Л.Н. Толстой привел условия и причины, приведшие, с нерелигиозной точки зрения, Анну Каренину к самоубийству. Считаю, что состояния и действия Анны Карениной можно описать в свете современных представлений патопсихологии. Так, имеется: I. «Наличие психогении (психотравмирующая ситуация...)» [3, 174]: отказ в разводе и осуждение «высшего света». II. «Наличие невротических особенностей личности и слабость психологической защиты (преморбидный фон)» [3, 174]:

1) дефицит «родительской любви» [3, 47]. 2) Простые зрительные галлюцинации – «фотопсии (движущиеся... фигуры)» [3, 58]. 3) Раздвоение личности. III. «На фоне взаимодействия психической травмы и особенностей структуры личности формируется... интрапсихический невротический конфликт» [3, 174]: Анна хочет развода, но не может его получить. IV. «Невротический конфликт ...имеет значительную устойчивость и силу, приводящую в результате к продуцированию болезненных симптомов» [3, 174]: 1) Появление нескритичности, которая «выражается в снижении или полном отсутствии критики субъекта к своим поступкам, к своему физическому и психическому состоянию,...» [3, 48].

2) Нарушение ощущения – «психическая гиперестезия»: «...больной может проявлять беспокойство или даже испытывать болевые ощущения от простого дневного света, жаловаться на болевые ощущения при незначительных прикосновениях...» [3, 52].

3) Нарушение внимания – «...неустойчивость (гиперметаморфоз)...» [3, 61]. Расстройство внимания «...отражается в трудности сосредоточения на каком-либо вопросе или задаче, лёгкая отвлекаемость,...» [3, 63].

4). «Колебания объёма памяти, снижение непосредственного и отсроченного воспроизведения» [3, 72].

5) Нарушение эмоций – эмоциональная лабильность – «...патологически неустойчивое настроение, характеризующееся быстрой сменой эмоциональной полярности без явной причины или по малозначительному поводу» [3, 95]

6) Соматические нарушения: тахикардия, нарушения сна. V. Мышление, речь, воля, умственная работоспособность и интеллект сохранены. На основе выявленных симптомов можно сказать, что у Анны Карениной развился невроз – «болезнь, возникающая вследствие конфликта человека с окружающей его действительностью, который нарушает социальные связи и приводит к изоляции. Возникает противоречие личности и действительности». [3, 173]. В ее новом состоянии происходит смена мотивов: теперь не получение развода является ее целью, а наказание Вронского за ее страдания. Но и тогда она не хочет кончать жизнь самоубийством, а только уехать в другой город. «...раздражители могут действовать на человека в качестве сигналов, вызывающих сложную ответную деятельность, без того, чтобы: а) воздействующий стимул, б) мотив, побуждающий к выполнению реакции, и в) реализация самой реакции ясно осознавались» [2, 160]. Это «бессознательное» или «неосознаваемые

формы высшей нервной деятельности» «...способны обеспечивать развертывание ряда наиболее сложных приспособительных процессов...» [2, 175]. «...один из аспектов активности «бессознательного» — аспект неосознаваемой переработки информации. ... другой, не менее важный аспект — аспект неосознаваемой непосредственной регуляции биологических реакций и поведения...» [2, 213]. Единство «...информации и регулирования... рассматриваются как механизмы адаптации...» [2, 214] и «...немыслимы без организующей роли установок...» [2, 216]. «Эти установки, оставаясь весьма часто не только неосознаваемыми, но и непереживаемыми, проявляются функционально *лишь как своеобразные «программы»*, ...о существовании которых можно судить по динамике поведения и биологических реакций» [2, 220,221]. Эти «...установки могут находить свое выражение в виде «случайных» ошибочных действий, так же как и в адекватном регулировании поведения» [2, 294]. Так, Анна решает наказать Вронского, уехать в другой город, тем самым неосознанно дает себе новую установку, но влияние наркотика приводит к «соскальзыванию» ее запланированного действия к ошибочному – к самоубийству. Таким образом, самоубийство Анны Карениной совершилось в ее болезненном состоянии, вызванном психогенными причинами, усиленном воздействием наркотика.

Список литературы

1. *Ахматова А.* Неповторимые слова, Олма Медиа Групп М. 2012
2. *Бассин Ф.В.* Проблема бессознательного, Издательство «Медицина», М. 1968
3. *Загорная Е.В.* Основы патопсихологии, ООО Издательство «Мир науки», 2018
4. *Толстой Л.Н.* Анна Каренина, Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие», М.1994.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

«МОДНЫЕ» СЛОВА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ханджян Д.Д.¹, Зыза А.С.²

¹Ханджян Диана Давидовна - кандидат филологических наук, доцент;

²Зыза Алина Сергеевна - студент,

ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»,
г. Армавир

Аннотация: в статье освещается явление «модных» слов (*vogue words*, *buzz words*) в современном английском языке. На материале лексикографических источников (Оксфордский и Кембриджский словари, 2013–2026 гг.) анализируются наиболее яркие неологизмы последнего десятилетия.

Ключевые слова: «модные» слова, английский язык, неологизмы, сленг, словообразование, интернет-культура, общество, прошлое.

Язык — это живое зеркало общества. Под влиянием изменений в общественной жизни, науке и технике словарный состав языка постоянно меняется: одни слова уходят в прошлое, но в количественном отношении преобладает процесс пополнения языка новыми лексическими единицами. Гибкий слой лексики, отражающий приоритеты эпохи и культуру носителей в определённый период времени, составляют так называемые «модные» слова, которые в английском языке называют *vogue words*, *buzz words* или *catch phrases*.

Что же мы понимаем под «модным» словом? Это — относительно новый лексический элемент, в котором «присутствует какая-то трудноуловимая аура, привлекательность актуальности и новизны». Такие слова часто используются в коммерции, пропаганде и профессиональной деятельности для впечатления осведомлённости говорящего. К признакам «модных» слов относят их современность, актуальность и частотность. Часто они совпадают с неологизмами, рождающимися в недрах интернета и социальных сетей, которые сегодня служат их основным источником.

История «модных» слов знает немало ярких примеров. Первым «модным» компонентом можно считать "-gate", появившийся после скандала *Watergate* в 1970-х годах и породивший такие слова, как *Hollywoodgate* или *Bushgate*. С течением времени источники пополнения лексики сместились в сторону цифровых технологий и интернет-культуры. Так, Оксфордский словарь в 2013 году зафиксировал целый пласт новых слов: *buzzworthy* (имеющий шансы получить общественный резонанс), *digital detox* (время, посвящённое реальному, а не виртуальному миру), *staycation* (отпуск, который вы проводите дома) и многие другие.

В 2025 году процесс лексического обновления вышел на новый уровень. Кембриджский словарь добавил более 6000 новых слов, включая такие вирусные сленги, как *skibidi*, *delulu* и *tradwife*. Слово *skibidi* (бессмысленный сленг поколения Альфа, означающий «круто» или «плохо») произошло от вирусного мультсериала на YouTube. *Delulu* — сокращение от *delusional* («бредовый») — описывает людей, которые верят в нереальные, но занимательные для воображения вещи. А термин *tradwife* (от *traditional wife*) обозначает замужних женщин, которые постят в соцсетях о домашнем быте и традиционных гендерных ролях.

Эта тенденция не ограничивается только новыми включениями в словари. Появляются и целые списки «избитых» («*cooked*») фраз, которые эксперты рекомендуют исключить из употребления. В 2026 году в «Список изгнанных слов» (*Banished Words List*) Университета Лейк-Супериор вошли такие обороты, как "6-7",

"demure", "incentivize", "gift/gifted", "my bad" и "reach out". Словом 2025 года по версии Оксфордского словаря стало выражение *rage bait* («приманка для гнева»), обозначающее провокационный онлайн-контент.

Таким образом, изучение «модных» слов — это не праздное любопытство, а возможность увидеть развитие языка в реальном времени. Сегодня именно интернет и социальные сети диктуют лингвистическую моду, ускоряя появление новых слов до невероятных темпов. То, что ещё вчера казалось забавным интернет-мемом, сегодня может попасть на страницы ведущих словарей мира, а завтра — уйти в небытие.

Список литературы

1. Ханджян Д.Д., Зыза А.С. Язык и культура: лингвокультурология // Проблемы науки, 2026.
2. Ханджян Д.Д., Зыза А.С. Роль обучения лингвострановедческому аспекту в средней школе // Проблемы педагогики, 2026.
3. Ханджян Д.Д., Зыза А.С. Особенности функционирования нейросетей в генерации текстов // Вестник науки и образования, 2026.
4. Ханджян Д.Д., Зыза А.С. Аудиовизуальный перевод: понятие // European research, 2026.
5. Власова К.А. «Модные» слова в современном английском языке / К.А. Власова, М.Н. Титова. // Молодой ученый. — 2015. — № 23.2 (103.2). — С. 96-98.

А. АХМАТОВА «НЕПОПРАВИМЫЕ СЛОВА ...»

Петрова Н.И.

Петрова Надежда Ильинична – пенсионер,
г. Новосибирск

Аннотация: *«Мне с Морозовою класть поклоны,
С падчерицей Ирода плясать, С дымом улетать с костра Дидоны,
Чтобы с Жанной на костер опять. Господи! Ты видишь, я устала Воскресать, и
умирать, и жить. Все возьми, но этой розы алой
Дай мне свежесть снова ощутить» [1, 552]. В статье анализируются
эмоциональные состояния А. Ахматовой, отраженные в ее творчестве.*

Ключевые слова: юность, враг, стон, грусть, недуг, любовь, Муза, совесть, горе, страх, молитва, смерть, клевета, память, судьба.

В 1921 г расстрелян муж Анны Ахматовой Николай Гумилев; сын Ахматовой Лев Гумилев, очевидно, вследствие этого, имея внутренний протест против власти, трижды был арестован: в 1935 г, в 1938 осужден на 5 лет заключения, потом фронт,

затем в 1949 осужден на 10 лет лагерей. После 1956 г жизнь и карьера Льва Гумилева удались. А как у Анны Ахматовой?

Предлагается для лучшего восприятия сохранять ритм стихов.

Ахматова говорит: «Я умею любить. Умею покорной и нежною быть. Умею заглядывать в очи с улыбкой Манящей, призывной и зыбкой. И гибкий мой стан так воздушен и строен, И нежит кудрей аромат. О, тот, кто со мной, тот душой неспокоен И негой объят...» [1, 9].

«Он любил три вещи на свете: За вечерней пенье, белых павлинов И стертые карты Америки. Не любил, когда плачут дети, Не любил чая с малиной И женской истерики ...

А я была его женой» [1, 24].

Ахматова говорит: «В углу старик, похожий на барана, Внимательно читает «Фигаро».

В моей руке просохшее перо, Идти домой еще как будто рано.

Тебе велела я, чтоб ты ушел. Мне сразу все твои глаза сказали...

Опилки густо устилают пол, И пахнет спиртом в полукруглой зале.

И это юность – светлая пора

Да лучше б я повесилась вчера

Или под поезд бросилась сегодня» [1, 48,49].

«Муж хлестал меня узорчатым, Вдвое сложенным ремнём.

Для тебя в окошке створчатом Я всю ночь сижу с огнём.

Рассветает. И над кузницей Подымается дымок.

Ах, со мной, печальной узницей, Ты опять побыть не мог....

Как мне скрыть вас, стоны звонкие? В сердце темный, душный хмель,

А лучи ложатся тонкие На несмятую постель» [1, 46].

«В ремешках пенал и книги были, Возвращалась я домой из школы.

Эти липы, верно, не забыли Нашей встречи, мальчик мой веселый?

Только, ставши лебедем надменным, Изменился серый лебеденок.

А на жизнь мою лучом нетленным

Грусть легла, и голос мой незвонок» [1, 56].

Ахматова говорит: «Загорелись иглы венчика Вкруг безоблачного лба.

Ах! улыбчивого птенчика Подарила мне судьба» [1, 57].

«Так много камней брошено в меня, Что ни один из них уже не страшен,

И стройной башней стала западня, Высокою среди высоких башен.

Строителей ее благодарю, Пусть их забота и печаль минует.

Отсюда раньше вижу я зарю, Здесь солнца луч последний торжествует.

И часто в окна комнаты моей Влетают ветры северных морей,

И голубь ест из рук моих пшеницу... А не дописанную мной страницу, –

Божественно спокойна и легка, – Допишет Музы смуглая рука» [1, 92,93].

Ахматова говорит: «Тот август, как желтое пламя,

Пробившееся сквозь дым,

Тот август поднялся над нами, Как огненный серафим.

И в город печали и гнева Из тихой Корельской земли

Мы двое – воин и дева – Студеным утром вошли.

Что случилось с нашей столицей, Кто солнце на землю низвел?

Казался летящей птицей На штандарте черный орел.

На дикий лагерь похожим Стал город пышных смотров,

Слепило глаза прохожим Сверканье пик и штыков.

И серые пушки гремели На Троицком гулком мосту,

А липы еще зеленели В таинственном Летнем саду....» [1, 130,131].

Ахматова говорит: «Мы на сто лет состарились, и это

Тогда случилось в час один: Короткое уже кончалось лето,

Дымилось тело вспаханных равнин.

Вдруг запестрела тихая дорога, Плач полетел, серебряно звеня...
 Закрыв лицо, я умоляла Бога До первой битвы умертвить меня.
 Из памяти, как груз отныне лишний, Исчезли тени песен и страстей.
 Ей – опустевшей – приказал Всевышний
 Стать страшной книгой грозových вестей» [1, 142].
 «Думали: нищие мы, нету у нас ничего, А как стали одно за другим терять,
 Так что сделался каждый день Поминальным днем, – Начали песни слагать
 О великой щедрости Божьей Да о нашем бывшем богатстве» [1, 121].
 «Я не знаю, ты жив или умер, – На земле тебя можно искать
 Или только в вечерней думе По усопшем светло горевать.
 Все тебе: и молитва дневная, И бессонницы млеющий жар,
 И стихов моих белая стая, И очей моих синий пожар.
 Мне никто сокровенней не был, Так меня никто не томил,
 Даже тот, кто на муку предал, Даже тот, кто ласкал и забыл» [1, 128].
 Ахматова говорит: «Дай мне горькие годы недуга,
 Задыханья, бессонницу, жар, Отыми и ребенка, и друга,
 И таинственный песенный дар –
 Так молось за Твоей литургией После стольких томительных дней,
 Чтобы туча над темной Россией Стала облаком в славе лучей» [1, 122].
 «Город сгинул, последнего дома Как живое взглянуло окно...
 Это место совсем незнакомо, Пахнет гарью, и в поле темно.
 Но когда грозovou завесу Нерешительный месяц рассек,
 Мы увидели: на гору, к лесу Пробирался хромым человек.
 Было страшно, что он обгоняет Тройку сытых, веселых коней,
 Постоит и опять ковыляет Под тяжелою ношей своей.
 Мы заметить почти не успели, Как он возле кибитки возник.
 Словно звезды, глаза голубели, Освещая измученный лик.
 Я к нему протянула ребенка, Поднял руку со следом оков
 И промолвил мне благостно-звонко:
 «Будет сын твой и жив и здоров!» [1, 149, 150].
 Ахматова говорит: «Все отнято: и сила, и любовь.
 В немилый город брошенное тело Не радо солнцу.
 Чувствую, что кровь Во мне уже совсем похолодела.
 Веселой Музы нрав не узнаю: Она глядит и слова не проронит,
 А голову в веночке темном клонит, Изнеможенная, на грудь мою.
 И только совесть с каждым днем страшной Беснуется: великой хочет дани.
 Закрыв лицо, я отвечала ей...
 Но больше нет ни слез, ни оправданий» [1, 144, 145].
 «И вот одна осталась я Считать пустые дни.
 О вольные мои друзья, О лебеди мои!
 И песней я не скличу вас, Слезами не верну.
 Но вечером в печальный час В молитве помяну.
 Настигнут смертною стрелой, Один из вас упал,
 И чёрным вороном другой, Меня целуя, стал.
 Но так бывает: раз в году, Когда растает лёд,
 В Екатерининном саду Стою у чистых вод
 И слышу плеск широких крыл Над гладью голубой.
 Не знаю, кто окно раскрыв В темнице гробовой» [1, 166].
 «Теперь никто не станет слушать песен. Предсказанные наступили дни.
 Моя последняя, мир больше не чудесен, Не разрывай мне сердца, не звени.
 Еще недавно ласточкой свободной Свёршала ты свой утренний полет,
 А ныне станешь нищенкой голодной,
 Не достучишься у чужих ворот» [1, 151].

Ахматова говорит: «И целый день, своих пугаясь стонов,
 В тоске смертельной мечется толпа,
 А за рекой на траурных знаменах Зловещие смеются черепа.
 Вот для чего я пела и мечтала, Мне сердце разорвали пополам,
 Как после залпа сразу тихо стало,
 Смерть выслала дозорных по дворам» [1, 164].
 «...Мне голос был. Он звал утешно, Он говорил: «Иди сюда,
 Оставь свой край глухой и грешный, Оставь Россию навсегда.
 Я кровь от рук твоих отмою, Из сердца выну чёрный стыд,
 Я новым именем покрою Боль поражений и обид». Но равнодушно и спокойно Руками я замкнула слух,
 Чтоб этой речью недостойной Не осквернялся скорбный дух» [1, 165].
 «Высокомерьем дух твой помрачен, И оттого ты не познаешь света.
 Ты говоришь, что вера наша – сон И марево – столица эта.
 Ты говоришь – моя страна грешна, А я скажу – твоя страна безбожна.
 Пускай на нас еще лежит вина, – Все искупить и все исправить можно.
 Вокруг тебя – и воды, и цветы. Зачем же к нищей грешнице стучишься?
 Я знаю, чем так тяжко болен ты:
 Ты смерти ищешь и конца боишься» [1, 153].
 Ахматова говорит: «Чем хуже этот век предшествующих? Разве
 Тем, что в чаду печали и тревог Он к самой черной прикоснулся язве,
 Но исцелить ее не мог. Еще на западе земное солнце светит
 И кровли городов в его лучах блестят,
 А здесь уж белая дома крестами метит
 И кличет воронов, и вороны летят» [1, 173, 174].
 «И мы забыли навсегда, Заключены в столице дикой,
 Озёра, степи, города. И зори родины великой.
 В кругу кровавом день и ночь Долит жестокая истома...
 Никто нам не хотел помочь За то, что мы остались дома,
 За то, что, город свой любя, А не крылатую свободу,
 Мы сохранили для себя Его дворцы, огонь и воду.
 Иная близится пора, Уж ветер смерти сердце студит,
 Но нам священный град Петра Невольным памятником будет» [1, 180].
 Ахматова говорит: «Всё расхищено, предано, продано,
 Черной смерти мелькало крыло,
 Все голодной тоскою изглодано, Отчего же нам стало светло?
 Днем дыханьями веет вишневыми Небывалый под городом лес,
 Ночью блещет созвездьями новыми Глубь прозрачных июльских небес, —
 И так близко подходит чудесное К развалившимся грязным домам...
 Никому, никому неизвестное, Но от века желанное нам» [1, 183].
 «Заплаканная осень, как вдова В одеждах черных, все сердца туманит...
 Перебирая мужнины слова, Она рыдать не перестанет.
 И будет так, пока тишайший снег Не сжалится над скорбной и усталой...
 Забвенье боли и забвенье нег – За это жизнь отдать не мало» [1, 190].
 «Все души милых на высоких звездах. Как хорошо, что некого терять
 И можно плакать.
 Царскосельский воздух Был создан, чтобы песни повторять.
 У берега серебряная ива Касается сентябрьских ярких вод.
 Из прошлого восставши, молчаливо Ко мне навстречу тень моя идет.
 Здесь столько лир повешено на ветки... Но и моей как будто место есть...
 А этот дождик, солнечный и редкий,
 Мне утешенье и благая весть» [1, 192, 193].
 Ахматова говорит: «И всюду клевета сопутствовала мне.

Ее ползучий шаг я слышала во сне
И в мертвом городе под беспощадным небом,
Скитаясь наугад за кровом и за хлебом.
И отблески ее горят во всех глазах,
То как предательство, то как невинный страх.
Я не боюсь ее. На каждый вызов новый
Есть у меня ответ достойный и суровый,...» [1, 198].
«Не с теми я, кто бросил землю На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю, Им песен я своих не дам.
Но вечно жалок мне изгнанник, Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник, Полынью пахнет хлеб чужой.
А здесь, в глухом чаду пожара Остаток юности губя,
Мы ни единого удара Не отклонили от себя.
И знаем, что в оценке поздней Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесслезней, Надменнее и проще нас» [1, 201].

Ахматова говорит: «Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске. Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке. И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня. Ей говорю:
«Ты ль Данту диктовала Страницы Ада?»

Отвечает: «Я!» [1, 210].
«Я именем твоим не оскверню уст. Ничто греховное мой сон не посещает,
Лишь память о тебе, как тот библейский куст,
Семь страшных лет мне путь мой освещает...
Тому прошло семь лет. [Прославленный] Октябрь,
Как листья желтые, сметал людские жизни.
А друга моего последний мчал корабль
От страшных берегов плавающей отчизны» [1, 210].

«Я пью за разорённый дом, За злую жизнь мою, За одиночество вдвоём,
И за тебя я пью, – За ложь меня предавших губ, За мертвый холод глаз,
За то, что мир жесток и груб, За то, что Бог не спас» [1, 245].

Ахматова говорит: «Зачем вы отравили воду
И с грязью мой смешали хлеб?
Зачем последнюю свободу Вы превращаете в вертеп?
За то, что я не издевалась Над горькой гибелью друзей?
За то, что я верна осталась Печальной родине моей?
Пусть так. Без палача и плахи Поэту на земле не быть.
Нам покаянные рубахи, Нам со свечой идти и выть» [1, 246].

В страшные годы «ежовщины», говорит Ахматова, я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. «Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом): «А это вы можете описать?» И я сказала: «Могу». Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом» [1, 288].

Ахматова говорит: «Вот и доспорился, яростный спорщик,
До Енисейских равнин... Вам он бродяга, шуан, заговорщик,
Мне он – единственный сын» [1, 260].
«Перед этим горем гнутся горы, Не течет великая река,
Но крепки тюремные затворы, А за ними «каторжные норы»
И смертельная тоска...» [1, 288,289].
«Это было, когда улыбался Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском болтался Возле тюрем своих Ленинград.

И когда, обезумев от муки, Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки Паровозные пели гудки,
Звезды смерти стояли над нами, И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами И под шинами черных марусь...» [1, 289].
Ахматова говорит: «Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла, В темной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла.
На губах твоих холод иконки, Смертный пот на челе... Не забыть! –
Буду я, как стрелецкие женки, Под кремлевскими башнями выть» [1, 290].
«Тихо льется тихий Дон, Желтый месяц входит в дом.
Входит в шапке набекрень – Видит желтый месяц тень.
Эта женщина больна, Эта женщина одна.
Муж в могиле, сын в тюрьме, Помолитесь обо мне...» [1, 290].
«...Семнадцать месяцев кричу, Зову тебя домой,
Кидалась в ноги палачу – Ты сын и ужас мой.
Все перепугалось навек, И мне не разобрать
Теперь, кто зверь, кто человек, И долго ль казни ждать.
И только пышные цветы, И звон кадилный, и следы
Куда-то в никуда. И прямо мне в глаза глядит И скорой гибелью грозит
Огромная звезда...» [1, 291].
Ахматова говорит: «И упало каменное слово На мою еще живую грудь.
Ничего, ведь я была готова, Справлюсь с этим как-нибудь.
У меня сегодня много дела: Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела, Надо снова научиться жить.
А не то... Горячий шелест лета Словно праздник за моим окном.
Я давно предчувствовала этот
Светлый день и опустелый дом» [1, 291,292].
Ахматова говорит: «Ты все равно придешь, зачем же не теперь?
Я жду тебя. Мне очень трудно. Я потушила свет и открыла дверь
Тебе, такой простой и чудной.
Прими для этого какой угодно вид, Ворвись отравленным снарядом,
Иль с гирькой подкрадись, как опытный бандит,
Иль отрави тифозным чадом,
Иль сказочкой, придуманной тобой И всем до тошноты знакомой, –
Чтоб я увидела верх шапки голубой И бледного от страха управдома.
Мне все равно теперь. Струится Енисей, Звезда полярная сияет.
И синий блеск возлюбленных очей Последний ужас затмевает» [1, 292].
«Узнала я, как опадают лица, Как из-под век выглядывает страх,
Как клинописи жесткие страницы Страдание выводит на щеках,
Как локоны из пепельных и черных Серебряными делаются вдруг,
Улыбка вянет на губах покорных, И в сухоньком смешке дрожит испуг.
И я молюсь не о себе одной, А обо всех, кто там стоял со мною,
И в лютый холод, и в июльский зной,
Под красною, ослепшею стеною...» [1, 294].
Ахматова говорит: «И вот, наперекор тому, Что смерть глядит в глаза, –
Опять, по слову твоему, Я голосую за: То, чтоб дверью стала дверь,
Замок опять замком, Чтоб сердцем стал угрюмый зверь В груди...
А дело в том, Что суждено нам всем узнать,
Что значит третий год не спать, Что значит утром узнавать
О тех, кто в ночь погиб» [1, 285].
«Один идет прямым путем, Другой идет по кругу
И ждет возврата в отчий дом, Ждет прежнюю подругу.
А я иду – за мной беда, Не прямо и не косо,

А в никуда и в никогда, Как поезда с откоса...» [1, 286].
 «Cardan solaire¹ на Меншиковом доме. Подняв волну, проходит пароход.
 О, есть ли что на свете мне знакомей,
 Чем шпилей блеск и отблеск этих вод! Как щелочка, чернеет переулоч.
 Садятся воробьи на провода. У наизусть затверженных прогулок
 Соленый привкус – тоже не беда». (¹Солнечные часы (фр.) – Ред.) [1, 297].
 Ахматова говорит: «Копай, моя лопата, Звени, кирка моя.
 Не пустим супостата На мирные поля» [1, 298].
 «И та, что сегодня прощается с милым, –
 Пусть боль свою в силу она переплавит.
 Мы детям клянемся, клянемся могилам,
 Что нас покориться никто не заставит!» [1, 298].
 «Птицы смерти в зените стоят. Кто идет выручать Ленинград?
 Не шумите вокруг – он дышит, Он живой еще, он всё слышит:
 Как на влажном балтийском дне Сыновья его стонут во сне,
 Как из недр его вопли: «Хлеба!» – До седьмого доходят неба...
 Но безжалостна эта твердь. И глядит из всех окон – смерть» [1, 299].
 Ахматова говорит: «Щели в саду вырыты, Не горят огни.
 Питерские сироты, Детоньки мои! Под землей не дышится,
 Боль сверлит висок, Сквозь бомбежку слышится
 Детский голосок...» [1, 313].
 «Вражье знамя Растает, как дым, Правда за нами, И мы победим» [1, 297].
 «Пускай огонь сигнальный не горит И город в мраке небывалом тонет,
 Нам голос Ленинграда говорит: – Готов к труду и обороне!» [1, 300].
 «Отстояли нас наши мальчишки. Кто в болоте лежит, кто в лесу.
 А у нас есть лимитные книжки, Черно-бурую носим лису» [1, 342].
 «Славно начато славное дело В грозном грохоте, в снежной пыли,
 Где томится пречистое тело Оскверненной врагами земли.
 К нам оттуда родные березы Тянут ветки, и ждут, и зовут,
 И могучие деды-морозы С нами сомкнутым строем идут» [1, 311].
 «Не сраженная бледным страхом И отмщенья зная срок,
 Опустивши глаза сухие, И сжимая уста, Россия
 От того, что сделалось прахом, В это время шла на Восток.
 И себе же самой навстречу, Непреклонно в грозную сечу,
 Как из зеркала наяву, Ураганом с Урала, с Алтая,
 Долгу верная молодая Шла Россия спасать Москву» [1, 319].
 Ахматова говорит: «Мы знаем, что ныне лежит на весах
 И что совершается ныне. Час мужества пробил на наших часах,
 И мужество нас не покинет. Не страшно под пулями мертвыми лечь,
 Не горько остаться без крова, – И мы сохраним тебя, русская речь,
 Великое русское слово. Свободным и чистым тебя пронесем,
 И внукам дадим, и от плена спасем Навеки!» [1, 311].
 Ахматова говорит: «Заснуть огорченной, Проснуться влюбленной,
 Увидеть, как красен мак. Какая-то сила Сегодня входила
 В твое святилище, мрак!
 Мангалочий дворик, Как дым твой горек И как твой тополь высок...
 Шехерезада Идет из сада... Так вот ты какой, Восток!» [1, 314].
 «Как в трапезной – скамейки, стол, окно. С огромною серебряной луною.
 Мы кофе пьем и черное вино, Мы музыкою бредим, Все равно...
 И зацветает ветка над стеною.
 В изгнании сладость острая была, Неповторимая, пожалуй, сладость.
 Бессмертных роз, сухого винограда Нам родина пристанище дала» [1, 324].
 Ахматова говорит: «Какая есть. Желая вам другую Получше.

Больше счастьем не торгую, Как шарлатаны и оптовики...
 Пока вы мирно отдыхали в Сочи, Ко мне уже ползли такие ночи,
 И я такие слышала звонки!
 Не знатной путешественницей в кресле Я выслушала каторжные песни,
 А способом узнала их иным...
 Седой венец достался мне не даром, И щеки, опаленные пожаром,
 Уже людей пугают смуглотой. Но близится конец моей гордыне,
 Как той, другой – страдалице Марине, – Придется мне напиться пустотой.
 И ты придешь под черной епанчой, С зеленоватой страшною свечой,
 И не откроешь предо мной лица... Но мне не долго мучиться загадкой, –
 Чья там рука под белою перчаткой
 И кто прислал ночного пришлеца?» [1, 315, 316].
 Ахматова говорит: «А вы, мои друзья последнего призыва!
 Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.
 Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
 А крикнуть на весь мир все ваши имена!
 Да что там имена! Захлопываю святцы; И на колени, все!
 Багровый хлынул свет! Рядами стройными выходят ленинградцы,
 Живые с мертвыми. Для Бога мертвых нет» [1, 317].
 «Где-то ночка молодая, Звездная, морозная...
 Ой, худая, ой, худая Голова тифозная...
 Что за речкой, что за садом Кляча с гробом тащится.
 Меня под землю не надо б, Я одна — рассказчица» [1, 317, 318].
 «Я была на краю чего-то, Чему верного нет названья...
 Зазывающая дремота, От себя самой ускользанье...» [1, 316].
 Ахматова говорит: «Важно с девочками простились,
 На ходу целовали мать,
 Во всё новое нарядились, Как в солдатики шли играть.
 Ни плохих, ни хороших, ни средних. Все они по своим местам,
 Где ни первых нет, ни последних... Все они опочили там» [1, 330].
 «Когда я называю по привычке Моих друзей заветных имена,
 Всегда на этой странной переключке
 Мне отвечает только тишина» [1, 327].
 «А в зеркале двойник бурбонский профиль прячет
 И думает, что он незаменим,
 Что все на свете он переиначит, Что Пастернака перепастерначит,
 А я не знаю, что мне делать с ним» [1, 324].
 Ахматова говорит: «Всё опять возвратится ко мне:
 Раскаленная ночь и томленье (Словно Азия бредит во сне),
 Халимы соловьиное пенье, И библейских нарциссов цветенье,
 И незримое благословенье Ветерком шелестнет по стране» [1, 329, 330].
 «Разве я стала совсем не та, Что там, у моря,
 Разве забыли мои уста Твой привкус, горе?
 На этой древней сухой земле Я снова дома.
 Китайский ветер поет во мгле, И все знакомо...
 Гляжу, дыхание тая, На эти склоны,
 Я знаю, что вокруг друзья – Их миллионы.
 И звук какой-то ветер мчит На крыльях ночи –
 То сердце Азии стучит И мне пророчит,
 Что снова здесь найду приют В день светлый мира.
 ...И где-то близко здесь цветут Поля Кашмира» [1, 332].
 «И в ночи январской беззвездной, Сам дивясь небывалой судьбе,
 Возвращенный из смертной бездны, Ленинград салютует себе» [1, 333].

«Сзади Нарвские были ворота, Впереди была только смерть...
 Так советская шла пехота Прямо в желтые жерла «берт».
 Вот о вас и напишут книжки: «Жизнь свою за други своя»,
 Незатейливые парнишки – Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки, –
 Внуки, братики, сыновья!» [1, 333].
 Ахматова говорит: «Третью весну встречаю вдали От Ленинграда. Третью?
 И кажется мне, она Будет последней.
 Но не забуду я никогда До часа смерти,
 Как был отраден мне звук воды В тени древесной.
 Персик зацвел, а фиалок дым Всё благовонней.
 Кто мне посмеет сказать, что здесь Я на чужбине?!» [1, 334, 335].
 «День шел за днем – и то и се Как будто бы происходило
 Обыкновенно – но чрез всё Уж одиночество сквозило.
 Припахивало табаком, Мышами, сундуком открытым
 И обступало ядовитым Туманцем...» [1, 338].
 «Лучше б я по самые плечи Вбила в землю проклятое тело,
 Если б знала, чему навстречу, Обгоняя солнце, летела» [1, 337, 338].
 Ахматова говорит: «De profundis¹ – Мое поколение Мало меду вкусило.
 И вот Только ветер гудит в отдалении, Только память о мертвых поет.
 Наше было не кончено дело, Наши были часы сочтены,
 До желанного водораздела, До вершины великой весны,
 До неистового цветенья Оставалось лишь раз вздохнуть...
 Две войны, мое поколение, Освещали твой страшный путь»
 (¹Из бездны (взываю) (лат.) – Ред.) [1, 333].
 «Там по белым дурманным макам Серой тучей ползут войска,
 И невидимая рука Роковым отличает знаком
 Тех, кого позовет домой, Когда будет окончен бой» [1, 335].
 «Теперь я всех благодарю, Рахмат и хайер говорю
 И вам машу платком. Рахмат, Айбек, рахмат, Чусти,
 Рахмат, Тошкент! – прости, прости, Мой тихий древний дом.
 Рахмат и звездам и цветам,
 И маленьким баранчукам У черноколых матерей На молодых руках...
 Я восемьсот волшебных дней Под синей чашею твоей,
 Лапислазурной чашей Тобой дышала, жгучий сад...» [1, 367].
 Ахматова говорит: «На сотни верст, на сотни миль, На сотни километров
 Лежала соль, шумел ковыль, Чернели рощи кедров.
 Как в первый раз я на нее, На Родину, глядела.
 Я знала: это все мое – Душа моя и тело» [1, 336].
 «Белым камнем тот день отмечу, Когда я о победе пела,
 Когда я победе навстречу, Обгоняя солнце, летела» [1, 336].
 Ахматова говорит: «И весеннего аэродрома Шелестит под ногой трава.
 Дома, дома – ужели дома! Как все ново и как знакомом,
 И такая в сердце истома, Сладко кружится голова...
 В свежем грохоте майского грома – Победительница Москва!» [1, 337].
 «Чистый ветер ели колышет, Чистый снег заметает поля.
 Больше вражьего шага не слышит, Отдыхает моя земля» [1, 369].
 Ахматова говорит: «Победа у наших стоит дверей...
 Как гостью желанную встретим? Пусть женщины выше поднимут детей,
 Спасенных от тысячи тысяч смертей, –
 Так мы долгожданной ответим» [1, 374].
 «И в День Победы, нежный и туманный, Когда заря, как зарево, красна,
 Вдовою у могилы безымянной Хлопочет запоздалая весна.
 Она с колен подняться не спешит, Дохнет на почку и траву погладит,

И бабочку с плеча на землю ссадит,
И первый одуванчик распушит» [1, 372].
«Навстречу знаменам, навстречу полкам Вернувшейся армии нашей
Пусть песня победы летит к облакам, Пусть чаша встречается с чашей.
И грозную клятву мы ныне даем И детям ее завещаем,
Чтоб мир благодатный, добытый огнем,
Стал нашим единственным раем» [1, 369].
«Нам есть чем гордиться и есть что беречь, –
И хартия прав, и родимая речь, И мир, охраняемый нами.
И доблесть народа, и доблесть того, Кто нам и родней, и дороже всего,
Кто – наше победное знамя!» [1, 369].
Ахматова говорит: «И увидел месяц лукавый, Притаившийся у ворот,
Как свою посмертную славу Я меняла на вечер тот.
Теперь меня позабудут, И книги сгниют в шкафу.
Ахматовской звать не будут Ни улицу, ни строфу» [1, 375, 376].
«Нет, я не выплакала их. Они внутри скипелились сами.
И все проходит пред глазами Давно без них, всегда без них.
Без них меня томит и душит Обиды и разлуки боль.
Проникла в кровь – трезвит и сушит Их всесжигающая соль....
Еще на всем печать лежала Великих бед, недавних гроз, –
И я свой город увидала Сквозь радугу последних слез» [1, 376].
Ахматова говорит: «Не дышали мы сонными маками,
И своей мы не знаем вины.
Под какими же звездными знаками Мы на горе себе рождены?
И какое крошечное варево Поднесла нам январская тьма?
И какое незримое зарево Нас до света сводило с ума?» [1, 375].
«В каждом древе распятый господь, В каждом колосе тело Христово,
И молитвы пречистое слово Исцеляет болящую плоть» [1, 378].
«Как молодеешь ты день ото дня, Но остаешься всегда неизменной,
Верность народу и правде храня, Жаркое сердце вселенной!
Слышны в раскатах сирен трудовых Отзвуки славы московской...
Горький здесь правде учил молодых, Жизнь прославлял Маяковский.
Плавный твой говор, рассвет голубой, Весен твоих наступленье!
Солнечный праздник нам – встреча с тобой.
Мыслей и чувств обновленье» [1, 401].
«Пятидесятый год – как бы водораздел,
Вершина славного невиданного века,
Заря величия, свидетель мудрых дел, Свершенных волей человека.
Там – в коммунизм пути, там юные леса,
Хранители родной необозримой шири,
И, множась, дружеские крепнут голоса, Сливаясь в песнь о вечном мире....
А тот, кто нас ведет дорогою труда, Дорогою побед и славы неизменной, –
Он будет наречен народом навсегда
Преобразителем вселенной» [1, 398,399].
Ахматова говорит: «Я в два часа четыре долгих года Вновь прожила.
Дыханье затая,
Я видела, о Родина моя, Как спасена была твоя свобода.
...Пересекая чуждые равнины, Шли наши танки, как идет судьба...
И русской песни голос соловьиный Плыл в музыке...
И все, что нам мерещилось в тумане,
Что виделось сквозь мрак военной ночи
(В Саратове, в Челябинске и в Сочи), – Все ожило пред нами на экране.
Историей прославленные дни Незабываемы, – уже не дни, а даты,

В дыму Берлин, на штурм идут солдаты, Последний штурм...
И вспыхнули огни. И с отзвуком далекого раската
Блаженная настала тишина, И радость встреч, и нет тебя, война!
Мир – миру!» [1, 396,397].
Ахматова говорит: «Где дремала пустыня – там ныне сады,
Поля и озерная гладь.
Мы раз навсегда сотрем следы Войны, – чтоб жизнь созидать.
И нам не страшна зарубежная ложь, Мы правдой своей сильны.
Он создан уже – великий чертеж Грядущего нашей страны» [1, 399].
«Прошло пять лет, – и залечила раны, Жестокой нанесенные войной,
Страна моя, и русские поляны Опять полны студеной тишиной.
И маяки сквозь мрак приморской ночи, Путь указуя моряку, горят.
На их огонь, как в дружеские очи, Далеко с моря моряки глядят.
Где танк гремел – там ныне мирный трактор,
Где выл пожар – благоухает сад,
И по изрытому когда-то тракту Автомобили легкие летят...
Ты стала вновь могучей и свободной, Страна моя!
Но живы навсегда В сокровищнице памяти народной
Войной испепеленные года...» [1, 405].
Ахматова говорит: «Бессмертен день, когда одною грудью
Страна труда восстала против зла
И молвила: – Бесчестным людям Не дам творить кровавые дела!
Кто хартию Стокгольмскую подпишет И кто бороться до конца готов,
Он в этот миг великий зов услышит – То эхо миллионов голосов, –
Оно к своим врагам неумолимо, Оно не замолчит и не простит,
А каждое подписанное имя Как новый шаг по верному пути» [1, 407].
«Первая среди равных, Славная среди славных,
Светлых времен колыбель! Ровно треть века
Растишь человека, Лелея великую цель.
От края до края Всем нам родная, – Сказочен твой простор!
В труде и в покое Дружны с тобою Пятнадцать твоих сестер.
Необозрима, Непокорима, – Как я тобой горжусь!
Песней твоею Сердце согрею, Отчизна – Советская Русь!» [1, 409, 410].
Ахматова говорит: «По той дороге, где Донской
Вел рать великую когда-то, Где ветер помнит супостата,
Где месяц желтый и рогатый, – Я шла, как в глубине морской...
Шиповник так благоухал, Что даже превратился в слово,
И встретить я была готова Моей судьбы девятый вал» [1, 422].
«Забудут? – вот чем удивили, Меня забывали сто раз,
Сто раз я лежала в могиле, Где, может быть, я и сейчас.
А Муза и глохла и слеpla, В земле истлевала зерном,
Чтоб снова, как Феникс из пепла, В эфире восстать голубом» [1, 452].
«Все, – кого и не звали, в Италии, – Шлют домашним сердечный привет.
Я осталась в моем зазеркалии, Где ни света, ни воздуха нет,
Где за красными занавесками Все навек повернулось вверх дном...
Так не буду с леонардесками Переглядываться тайком,
И дышать тишиною запретною Никогда мной не виданных мест,
И мешаться с толпою несметною Крутолобых христовых невест» [1, 456].
Ахматова говорит: «Не мудрено, что похоронным звоном
Звучит порой непокоренный стих.
Пустынно здесь! – Уже за Флегетоном Три четверти читателей моих.
А вы, друзья! – Осталось вас немного,
Мне оттого вы с каждым днем милей...»

Какой короткой сделалась дорога, Которая казалась всех длинней» [1, 459].
 «Опять проходит полонез Шопена. О Боже мой! – как много вееров,
 И глаз потупленных, и нежных ртов, Но как близка, как шелестит измена.
 Тень музыки мелькнула по стене, Но прозелени лунной не задела.
 О, сколько раз вот здесь я холодела И кто-то страшный мне кивал в окне...
 И как ужасен взор безносых статуй, Но уходи и за меня не ратуй,
 И не молись так горько обо мне...
 И голос из тринадцатого года Опять кричит: Я здесь, я снова твой...
 Мне ни к чему ни слава, ни свобода,
 Я слишком знаю ... но молчит природа,
 И сыростью пахнуло гробовой» [1, 464, 465].
 Ахматова говорит: «Здесь всё меня переживёт,
 Всё, даже ветхие скворешни
 И этот воздух, воздух вешний, Морской свершивший перелёт.
 И голос вечности зовёт С неодолимостью нездешней,
 И над цветущею черешней Сиянье лёгкий месяц льёт.
 И кажется такой нетрудной, Белея в чаще изумрудной,
 Дорога не скажу куда...
 Там средь стволов ещё светлее, И всё похоже на аллею
 У царскосельского пруда» [1, 460].
 «Кому и когда говорила, Зачем от людей не таю,
 Что каторга сына сгноила, Что Музу засекали мою.
 Я всех на земле виноватей, Кто был и кто будет, кто есть.
 И мне в сумасшедшей палате Валяться – великая честь» [1, 460].
 «Казалось мне, что песня спета Средь этих опустелых зал.
 О, кто бы мне тогда сказал, Что я наследую всё это:
 Фелицу, лебедя, мосты, И все китайские затеи,
 Дворца сквозные галереи И липы дивной красоты.
 И даже собственную тень, Всю искаженную от страха,
 И покаянную рубаху, И замогильную сирень» [1, 480].
 «И по собственному дому Я иду, как по чужому, И меня боятся зеркала.
 Что в них, Боже, Боже! – На меня похоже... Разве я такой была?» [1, 494].
 Ахматова говорит: «Недуг томит – три месяца в постели,
 И смерти я как будто не боюсь.
 Случайной гостьей в этом страшном теле
 Я, как сквозь сон, сама себе кажусь» [1, 549].
 «Не мешай мне жить – и так не сладко, Что ты вздумал, что тебя томит?
 Иль неразрешимая загадка Ледяной звездой в ночи горит,
 Или галереями бессонниц Ты ко мне когда-то приходил,
 Иль с давно погибших белых звонниц Мой приезд торжественный следил?
 В прежних жизнях мы с тобою счеты Плохо подвели, о бедный друг!
 Оттого не спорится работа, Сухо в горле, кровь бормочет что-то
 И плывет в глазах кровавый круг...» [1, 473].
 Ахматова говорит: «Все ушли, и никто не вернулся,
 Только, верный обету любви, Мой последний, лишь ты оглянулся,
 Чтоб увидеть все небо в крови.
 Дом был проклят, и проклято дело, Тщетно песня звенела нежней,
 И глаза я поднять не посмела Перед страшной судьбою своей.
 Осквернили пречистое слово, Растоптали священный глагол,
 Чтоб с сиделками тридцать седьмого Мыла я окровавленный пол.
 Разлучили с единственным сыном, В казематах пытали друзей,
 Окружили невидимым тыном Крепко слаженной слежки своей.
 Наградили меня немотою, На весь мир окаянно кляня,

Обкормили меня клеветою, Опоили отравой меня
И, до самого края доведши, Почему-то оставили там.
Любо мне, городской сумасшедшей,
По предсмертным бродить площадям» [1, 261, 262].
Ахматова говорит: «Я подымаю трубку. Я называю город,
Мне отвечает голос – какого на свете нет...
Я не так одинока, проходит смертный холод,
Нежный вокрут струится, едва голубея, свет.
Я говорю: «О Боже, кто мог бы еще... не верю,
Что будет такая встреча в эфире двух голосов».
И ты отвечаешь: «Долго ж ты помнишь свою потерю,
Я даже в смерти услышу твой, ангел мой, дальний зов»....
Вся холодея от страха, Свой собственный слышу стон...» [1, 454].
Ахматова говорит: «В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький сон она не бередит, Не кажется обетованным раем
Не делаем ее в душе своей Предметом купли и продажи,
Хворая, бедствуя, немотствуя на ней, – О ней не вспоминаем даже.
Да, для нас это грязь на калошах, Да, для нас это хруст на зубах.
И мы мелем, и месим, и крошим Тот ни в чем не замешанный прах.
Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно – своею» [1, 547,548].
«Вот она, плодоносная осень! Поздновато ее привели.
А пятнадцать божественных весен Я подняться не смела с земли,
Я так близко ее разглядела, К ней припала, ее обняла,
А она в обреченное тело Силу тайную тайно лила» [1, 552].
Ахматова говорит: «Не пугайся, – я еще похожей
Нас теперь изобразить могу.
Призрак ты – иль человек прохожий? – Тень твою зачем-то берегу.
Был недолго ты моим Энеем, Я тогда отделалась костром.
Друг о друге мы молчать умеем. И забыл ты мой проклятый дом.
Ты забыл те, в ужасе и в муке, Сквозь огонь протянутые руки
И надежды окаянной весть.
Ты не знаешь, что тебе простили... Создан Рим, – плывут стада флотилий,
И победу славословит лесть» [1, 499,500].
«Я гашу те заветные свечи, Мой окончен волшебный вечер, –
Палачи, самозванцы, предтечи И, увы, прокурорские речи,
Все уходит – мне снишься Ты!.. Доплясавший свое пред Ковчегом,
За дождем, за ветром, за снегом Тень твоя над бессмертным берегом,
Голос твой из недр темноты.
И по имени!.. Как неустанно Вслух зовешь меня снова... «Анна!»
Говоришь мне, как прежде, – «Ты» [1, 678, 679].
«И было этим летом так отрадно Мне отвыкать от собственных имен
В той тишине почти что виноградской И в яви, отработанной под сон.
И музыка со мной покой делила, Сговорчивей нет в мире никого.
Она меня нередко уводила К концу существования моего.
И возвращалась я одна оттуда, И точно знала, что в последний раз
Несу с собой, как ощущение чуда, Что . . .» [1, 685].
Ахматова говорит: «Заключенье небывшего цикла
Часто сердцу труднее всего,
Я от многого в жизни отвыкла, Мне не нужно почти ничего, –
Для меня комаровские сосны На своих языках говорят
И совсем как отдельные весны В лужах, выпивших небо, – стоят» [1, 701].

«Непоправимые слова Я слушала в тот вечер звездный,
 И закружилась голова, Как над пылающею бездной...
 Тот час был нестерпимо ярост И, кажется, звенел до слез.
 Ты отдал мне не тот подарок, Который издали вез.
 Казался он пустой забавой В тот вечер огненный тебе.
 А он был мировую славой И грозным вызовом Судьбе.
 И он всех бед моих предтеча, – Не будем вспоминать о нем!..
 Несостоявшаяся встреча Еще рыдает за углом» [1, 425].
 Ахматова говорит: «...А я молчу – я тридцать лет молчу.
 Молчание арктическими льдами Стоит вокруг бесчисленными ночами,
 Оно идет гасить мою свечу.
 Так мертвые молчат, но то понятно И менее ужасно...
 Мое молчанье слышится повсюду, Оно судебный наполняет зал,
 И самый гул молвы перекричать Оно могло бы и, подобно чуду,
 Оно на все кладет свою печать....
 Я и сама его подчас пугаюсь, Когда оно всей тяжестью своей
 Теснит меня, дыша и надвигаясь: Защиты нет, нет ничего – скорей!
 Кто знает, как оно окаменело, Как выжгло сердце и каким огнем,
 Подумаешь! – кому какое дело, Всем так уютно и привычно в нем.
 Его со мной делить согласны все вы, Но все-таки оно всегда мое.
 Оно почти мою сожрало душу, Оно мою уродует судьбу,
 Но я его когда-нибудь нарушу,
 Чтоб смерть позвать к позорному столбу» [1, 461].
 «Что войны, что чума? – конец им виден скорый,
 Их приговор почти произнесен... Но кто нас защитит от ужаса, который
 Был бегом времени когда-то наречен?» [1, 542].
 «На Казанском или на Волковом Время землю пришло покупать.
 Ах! под небом северным шелковым Так легко, так прохладно спать.
 Новый мост еще не достроят, Не вернется еще зима,
 Как руки мои покроет Парчовая бахрома.
 Ничьего не вспугну веселья, Никого к себе не зову.
 Мне одной справлять новоселье В свежевыкопанном рву» [1, 96, 97].
 Ахматова говорит: «Непогребенных всех – я хоронила их,
 Я всех оплакала, а кто меня оплачет?» [1, 468].
 «Из-под каких развалин говорю, Из-под какого я кричу обвала,
 Как в негашёной извести горю Под сводами зловонного подвала.
 Пусть назовут безмолвною зимой И вечные навек захлопну двери.
 И всё-таки услышат голос мой. И всё-таки ему опять поверят» [1, 262].

Итак, эмоциональные состояния Анны Андреевны Ахматовой, отраженные в ее творчестве, можно связать с работой «бессознательного» как одной из форм работы мозга. В свете современных представлений о «бессознательном» как неосознаваемой высшей нервной деятельности можно сказать: «Неосознаваемая высшая нервная деятельность, выполняя функцию переработки информации, оказывается неизбежным образом связанной одновременно с формированием и реализацией установок, на основе которых происходит регуляция поведения» [2, 220]. «Влечения, аффекты, стремления продолжают существовать и после того, как внимание перестает на них фиксироваться. Но они продолжают существовать *лишь в форме установок*, которые проявляются в специфической избирательности реагирования, придают определенную направленность произвольным и произвольным действиям. А эти установки могут находить свое выражение в виде «случайных» ошибочных действий, так же как и в адекватном регулировании поведения» [2, 293, 294]. В случае А. Ахматовой можно сказать, что пережитые в течение жизни эмоции прочно закрепились в ней в виде установок. Но она не смогла их переработать, не смогла

освободиться от негативных установок, поэтому она не могла забыть негативные эмоции всей своей жизни, простить времена «*ежовщины*» и в конце жизни не могла быть счастливой.

Список литературы

1. *Ахматова А.* Полное собрание поэзии и прозы в одном томе, «Издательство Альфа-Книга», М. 2017.
2. *Бассин Ф.В.* Проблема бессознательного, Издательство «Медицина», М. 1968.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА: ДИСКУССИИ О МОТИВАХ И ПЛАНАХ СТОРОН

Захарова Е.А.¹, Хасанзянов А.М.²

¹Захарова Елизавета Анатольевна - ассистент,

²Хасанзянов Алмаз Маратович – студент,

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана,
г. Москва

Аннотация: в статье основное внимание уделено одной из наиболее дискуссионных проблем в изучении Отечественной войны 1812 года - вопросу о ее причинах и интересах Российской империи в эскалации конфликта. В работе последовательно исследуются три ключевые историографические концепции причин войны, в каждой из которых степень виновности участников конфликта различна. Анализируются последствия Тильзитского мира, влияние континентальной блокады, польский вопрос, дипломатические противоречия. Особое внимание уделяется геополитическим планам Александра I, а также расстановке сил накануне войны 1812 года на международной арене. Вывод статьи заключается в том, что упрощённое представление о России как о пассивной жертве нападения не соответствует сложной дипломатической и военной ситуации 1807–1812 гг. Исследование демонстрирует, что после подписания мира в Тильзите политика Александра I, включавшая военные реформы, расширение влияния и возобновление торговли с Англией, была активной и преследовала собственные имперские цели, отражая стремление укрепить влияние на европейской карте, тем самым, объективно способствуя углублению кризиса и приближая неизбежное военное столкновение.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, причины Отечественной войны, геополитические интересы Российской империи первой половины XIX века, дипломатия Российской империи первой половины XIX века, внешняя политика Александра I.

УДК 93/94

Отечественная война 1812 года занимает особое место в истории России и Европы, являясь при этом предметом споров как историков, так и публицистов. Этот конфликт традиционно принято рассматривать как акт внешней агрессии со стороны Франции, однако более глубокий анализ международных отношений начала XIX века позволяет поставить вопрос шире: была ли Россия лишь жертвой обстоятельств или же её внешняя политика также способствовала эскалации конфликта? Имеющиеся разногласия, которые возникли в результате противоречий после подписания Тильзитского мира, экономический разлад, вызванный блокадой Великобритании (для России это было не выгодно), все они только увеличивали несогласованность двух империй на международной арене, в следствие чего развернулся военный конфликт. В связи с этим, в статье анализируется один из наиболее спорных вопросов Отечественной войны 1812 года: причины войны и была ли вина России в её развязывании? Стоит отметить, что в зависимости от методологического подхода Россия может рассматриваться как жертва агрессии со стороны Наполеона, где причины исходят лишь от действий Франции и конкретно от фигуры самого императора, уроженца Корсики. Однако можно воспринимать этот конфликт и с другой стороны: две империи, две могущественные державы боролись как равноправные между собой участницы и оба стремились выйти из этого победителем, сокрушив и, вместе с тем, подчинив врага. Есть и совершенно иной взгляд,

возводящий в основную причину военного конфликта действия российского руководства, которое способствовало эскалации международного кризиса.

Подобно трём абсолютно разным суждениям о причинах начала боевых действий, существуют и различные оценки в историографии, где можно также выделить несколько мнений, наглядно иллюстрирующие отраженные ранее концепции. Отечественная историография преимущественно рассматривает войну 1812 года как вероломное вторжение неприятелей, где благодаря гениям среди русских военачальников и стойкости солдат удалось сначала выгнать врага со своей земли, а затем и вовсе искоренить проблему в виде господства Наполеона. Акцент ставится на патриотизме, духе простого народа, сражавшихся в стане партизанских отрядов. Зарубежная, преимущественно французская историография в большей степени обращает внимание к роли и влиянию самого Наполеона, которому исходя из геополитической ситуации того времени, пришлось «надавить», принудить Россию к союзу и соблюдению всех договоренностей путём вооруженного конфликта. Другого выхода не предвиделось - главный враг в лице Великобритании всё ещё подавал серьезное сопротивление, а план континентальной блокады трещал по швам в силу торговли с Российской империей; Современная историография - единой концепции причин войны нет, она описывается как комплекс быстро развивающихся политических и экономических противоречий между странами, их естественная борьба за доминирующее положение власти в Европе. Для более детального раскрытия проблемного вопроса целесообразно будет обратиться к более обширному анализу ключевых историографических концепций, последовательно рассмотрев аргументы их представителей и степень обоснованности выводов.

Вопрос о виновности в начале войны 1812 года на первый взгляд кажется однозначным. Традиционная историография, сформировавшаяся еще в XIX веке и получившая особое развитие в советский период, практически единодушно указывает на Францию Наполеона как на агрессора, а Россию - как на жертву неожиданного и необоснованного нападения. Согласно этой концепции, война рассматривается как неизбежное следствие экспансионистских амбиций Наполеона, который стремился к расширению своего влияния и не допускал существования политической или экономической независимости крупных европейских государств. Такого мнения придерживались историки Д.П. Бутурлин и А.И. Михайловский-Данилевский; они предполагали, что даже если Александр I разрешил бы все разногласия (к ним относились и соблюдение Россией блокады Великобритании, польский вопрос (восстановление её в прежних границах), женитьба одной из сестер Александра за императора Франции), то между ними всё равно остался главный, неразрешимый в силу честолюбия Наполеона вопрос о господстве над Европой [1, с. 55-56; 2, с. 31-32]. Иное мнение о данном тезисе показано в следующих концепциях, изложенных ниже.

Приверженцы классической, «оборонительной» концепции, к которой главным образом можно отнести историков Н.А. Троицкого и М.И. Богдановича, обосновывают свою точку зрения, ссылаясь на геополитическую логику действий Наполеона [3, с. 4]. К 1812 году ему удалось установить фактическое господство над континентальной Европой, подчинив или привязав к себе большинство государств континента. Тем не менее, главная стратегическая задача - уничтожение британской державы - так и не была реализована. Экономическая блокада, задуманная как способ подавить «туманный Альбион», не оправдала себя и постоянно сталкивалась с недовольством как в колониях, так и во Франции. Россия, имевшая давние и выгодные торговые связи с Англией, не всегда строго соблюдала условия блокады, часто действовал формально. Таможенный тариф 1810 года, официально объявленный мерой противодействия британским импортным товарам, в действительности служил в первую очередь для поддержки отечественного производства и пополнения государственных финансов. Несанкционированное открытие портов для нейтральных судов наносило существенный ущерб

экономической изоляции Англии. Воспоминания французских генералов и даже самого Наполеона неоднократно подчеркивают, что достижение окончательной победы над Великобританией без покорения России было бы невозможным [4, с. 72; 5, с. 401]. С этой точки зрения, война представлялась для Бонапарта стратегической неизбежностью, а колебания и самостоятельность Петербурга - лишь удобным поводом для начала военных действий. Российская империя в данной логике становилась жертвой имперских амбиций французского императора, а все действия Александра I - от военных реформ до дипломатических манёвров - интерпретируются как вынужденная подготовка к отражению неминуемой агрессии.

Существует и альтернативная интерпретация, которую можно охарактеризовать как «концепцию взаимной ответственности» или «столкновение двух империй». Ее приверженцы, к числу которых относятся многие современные историки, например, В.М. Безотосный, настаивают на том, что Россия отнюдь не была простым наблюдателем в международных делах и её решения не сводились лишь к реакции на действия Наполеона [6, с. 15]. Внешняя политика России после Тильзитского мира 1807 года характеризовалась противоречивостью и склонностью к активным действиям. Присоединение Финляндии в 1809 году, достигнутое в ходе войны с Швецией, а также вмешательство в дела Османской империи и Персии, демонстрируют стремление России к расширению своего влияния. Подобные действия, дополненные усилением российского присутствия на Балканах и Кавказе, указывают на амбиции России в качестве великой державы. Не меньшее значение имеет и систематическое укрепление военной мощи на западных рубежах империи. Наполеон с каждым днем все больше беспокоился, наблюдая, как русские войска накапливаются в Литве и Белоруссии. Он считал эти действия не только оборонительными, но и признаком возможной угрозы.

В статье В.Ю. Захарова [7, с. 10] о дискуссионных вопросах Отечественной войны можно также встретить схожую точку зрения, так как во многом историк опирался на Троицкого, в добавление автор подтверждает тезис о том, что Россия не являлась невинной жертвой нападения, она также планомерно готовилась к этому конфликту. Более того, если бы Российской империи представился удачный момент, то она могла воспользоваться им, что подтверждают секретные переговоры между Пруссией в октябре 1811 года и передислокации части войск к западным границам, в районе герцогства Варшавского. Был создан свод действий на случай нападения неприятеля.

План, созданный Карлом Пфулем и одобренный Александром I, хоть и считался оборонительным, однако, при любой удачной ситуации предполагал выход за границу государства и дальнейшее успешное продвижение войск [8, с. 85]. Помимо этого, начиная с 1810-1811 г., Россия постепенно начала возвращаться к сотрудничеству с Великобританией, ведя переговоры о возможных экономических и военных делах. Подобный курс означал фактический выход из наполеоновской системы союзов. Дипломатические разногласия в будущем, весной 1812 года, выразившиеся в ультимативных требованиях о выводе французских войск из Пруссии, был воспринят в Париже как прямой вызов и сигнал о готовности к открытому противостоянию. В рамках этой концепции Петербург шел на явный разрыв отношений с Парижем, который должен был выразиться либо через сдержанность Наполеона в некоторых сферах, что вряд ли было бы возможно, либо через открытый военный конфликт. При последнем сценарии Россия выглядела бы в глазах Европы как очередной жертвой наполеоновских посягательств.

Мемуары, дневниковые записи и заметки участников Отечественной войны 1812 года ярко иллюстрируют сложность и неоднозначность периода начала XIX века. С одной стороны, в российском обществе, особенно на фоне экономических трудностей, вызванных континентальной блокадой, усиливались антифранцузские настроения и проявлялся патриотизм, часто поддерживаемые и направляемые государственной пропагандой. С другой стороны, в письмах и записях некоторых аристократов и

военных, таких как А. П. Ермолов, можно увидеть понимание того, что война была следствием не только "вероломства" одной из сторон, но и объективного соперничества двух сильнейших европейских держав за власть и влияние [9, с. 152]. Карл фон Клаузевиц, служивший в то время в русской армии, заметил, что война была начата Наполеоном отчасти из страха, а русскими - под воздействием гордости и честолюбия. Такое наблюдение точно отражает суть взаимных опасений, недоверия и амбиций, которые постепенно привели к неизбежному военному конфликту.

Если же говорить о «казусе белли», то есть о поводе к войне, который выдвигал бывший консул Франции, то по официальной риторике он сводится к одному - несоблюдение договоренностей Тильзитского мира. Помимо несоблюдения условий континентальной блокады, французский император обвинял Александра I в агрессивных намерениях по отношению к Варшавскому герцогству - ключевому союзнику Франции в Восточной Европе. В Петербурге это государство рассматривалось через призму угрозы на свои западные территории в связи с историческим прошлым. Выход России из системы союзов Франции, а также повсеместное сближение с Англией трактовались Парижем как предательство. Показательно и то, что в своей официальной пропаганде Наполеон представлял кампанию 1812 года не как захватническую войну, а как «вторую польскую войну», целью которой было возвратить Речь Посполитую в её исторических границах, что, по его расчётам, должно было обеспечить поддержку местного населения [10, с. 655]. Понятно, что эта риторика носила откровенно пропандистский характер, однако сам Наполеон стремился представить войну как ответ на политику России, а не как простое проявление завоевательных устремлений.

В заключение хочется дополнительно отметить роль Отечественной войны в нашей истории, её масштаб в боевых действиях, роль партизанского движения в конфликте, который объединил людей всех сословий, несмотря на различие в социальном положении в течении долгих лет и веков. И хотя на первый взгляд ясно, кто был в роли агрессора, картина эта, при более детальном изучении, даёт более размытый в этом плане ответ. Каждая из сторон знала и планомерно готовилась к войне, преследуя свои политические и экономические (в первую очередь) цели.

Список литературы

1. *Бутурлин Д.П.* История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. СПб., 1823. Т. 1. 415 с.
2. *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1843. Т. 1. 599 с.
3. *Троицкий Н.А.* 1812. Великий год России. — М., 2007. 215 с.
4. Наполеон Бонапарт. Избранные произведения. М.: Воениздат, 1956. 788 с.
5. *Коленкур А. де.* Поход Наполеона в Россию. Смоленск: Русич, 1991. 384 с.
6. *Безотосный В.М.* Наполеоновские войны. М.: Вече, 2010. 384 с.
7. Отечественные войны в истории России. I Всероссийская научная конференция. М: МГТУ им. Баумана, 2024. 97 с.
8. *Толь К.Ф.* Описание Отечественной войны в 1812 году. М.: Кучково поле, 2012. 256 с.
9. *Ермолов А.П. Записки А.П.* Ермолова. 1798—1826 гг. М.: Высшая школа, 1991. 463 с.
10. *Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1986. 735 с.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС УЧАСТНИКОВ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Пукаева А.И.

Пукаева Айша Ильясовна – студент,
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные вопросы определения правового статуса участников стадии возбуждения уголовного дела. Анализируется понятие участников проверки сообщения о преступлении, а также проводится их доктринальная классификация. Особое внимание уделяется проблеме неопределенности процессуального положения заявителя, лица, в отношении которого проводится проверка, и иных вовлеченных субъектов. Авторы исследуют пробелы уголовно-процессуального законодательства, возникающие из-за невозможности применения стандартных статусов (потерпевший, подозреваемый, свидетель) до момента возбуждения дела. На основе анализа норм статьи 144 УПК РФ и научной литературы предложено авторское деление участников на группы, включая уполномоченных должностных лиц, пострадавших, обладающих информацией, проверяемых лиц и иных субъектов. Делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования нормативного регулирования с целью обеспечения гарантий реализации прав и законных интересов личности на доследственном этапе.

Ключевые слова: проверка сообщения о преступлении, досудебное производство, участники уголовного судопроизводства, процессуальный статус, заявитель, дознаватель, следователь, возбуждение уголовного дела.

Одним из важных и системообразующих этапов современного уголовного процесса является стадия возбуждения уголовного дела. В рамках данной стадии ключевое значение приобретает институт проверки сообщения о преступлении, представляющий собой комплекс процессуальных действий, направленных на установление наличия или отсутствия оснований для начала официального производства по делу. Эффективность данной деятельности напрямую зависит от четкости правовой регламентации статуса вовлеченных в нее лиц. Необходимо отметить, что круг субъектов, взаимодействующих с правоохранительными органами на этом этапе, чрезвычайно широк и неоднороден, что порождает множество теоретических дискуссий и практических проблем. В условиях расширения объема проверочных мероприятий, проводимых до возбуждения дела, и признания полученных данных доказательствами, научное осмысление понятия и классификации участников проверки приобретает особую актуальность.

Центральной фигурой, запускающей механизм процессуальной проверки, безусловно, является заявитель. Заявитель – это физическое или юридическое лицо, которое информирует компетентные органы о факте совершения или подготовки преступного посягательства. Именно обращение заявителя служит законным поводом, инициирующим официальную процедуру, регламентированную статьей 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [4]. Следует подчеркнуть, что статус заявителя не тождественен исключительно статусу жертвы преступления. Уголовно-процессуальный закон исходит из того, что любое лицо, которому стали известны сведения о совершенном или готовящемся противоправном деянии, вправе обратиться в соответствующие органы и тем самым приобрести процессуальный статус заявителя, вне зависимости от того, причинен ли вред лично ему.

Решающую роль в проведении доследственной проверки играют властные субъекты – должностные лица органов предварительного расследования, к которым относятся следователи и дознаватели. В соответствии со своими полномочиями именно они осуществляют основной объем проверочных мероприятий: опрашивают заявителей, получают объяснения от очевидцев и лиц, в отношении которых проводится проверка, истребуют документы и предметы, назначают судебные экспертизы, производят осмотры места происшествия. От качества, полноты и объективности их работы напрямую зависит судьба сообщения о преступлении и законность итогового процессуального решения. Контролирующие функции в этой сфере выполняют руководитель следственного органа и начальник органа дознания, которые также применяют властные полномочия для обеспечения всесторонности проверки.

Поскольку обстоятельства предполагаемого преступления могут требовать специальных познаний, к участию в процессуальных действиях на стадии проверки сообщения о преступлении достаточно часто привлекаются специалисты и эксперты. Данные участники, обладая глубокими знаниями в науке, технике, искусстве или ремесле, оказывают неоценимое содействие правоприменителю в установлении фактов, требующих профессиональной интерпретации, например в сфере экономики, медицины, компьютерной техники или баллистики. Заключение специалиста или его показания, как и заключение эксперта, играют важную роль в формировании доказательственной базы уже на этапе предварительной проверки.

Кроме вышеуказанных субъектов, в орбиту проверочных действий вовлекаются иные лица, обладающие информацией, имеющей значение для установления наличия либо отсутствия состава преступления. Расширение круга таких участников в современном уголовном процессе является устойчивой тенденцией. Это выражается как в увеличении перечня допустимых проверочных мероприятий (например, получение образцов для сравнительного исследования), так и в законодательном признании доказательственного значения за сведениями, полученными в ходе этих действий. Подобные трансформации породили острую необходимость в детальном научном исследовании правового положения лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений на доследственном этапе, с целью гарантирования защиты их прав и законных интересов.

В соответствии с нормами части 1.1 статьи 144 УПК РФ, лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, а также обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы [4]. В частности, указанным субъектам разъясняется право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников, круг которых определен пунктом 4 статьи 5 УПК РФ. Также гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи адвоката и право на обжалование действий (бездействия) и решений дознавателя, следователя или руководителя следственного органа.

Тем не менее, определение четкого процессуального положения лиц, вовлекаемых в проверку сообщений о преступлениях, представляет собой один из наиболее сложных и дискуссионных вопросов в науке уголовного процесса. Сложность заключается в том, что уголовное дело еще не возбуждено, а значит, полноценные процессуальные статусы, предусмотренные разделом II УПК РФ (такие как потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, свидетель), к участникам проверки формально не применимы. Правоприменители оказываются в затруднительном положении из-за отсутствия в законе прямого указания на то, каким объемом прав и обязанностей обладает, например, лицо, в отношении которого лишь проводится проверка о его возможной причастности к преступлению.

В уголовно-процессуальной доктрине принято классифицировать субъектов, участвующих в проверке информации о преступлении, на две макро-группы. К

первой группе относятся должностные лица и государственные органы, наделенные властными полномочиями по проведению проверки и принятию итоговых процессуальных решений. Это, прежде всего, следователь, дознаватель, орган дознания, руководитель следственного органа, а также начальник подразделения дознания. Вторую группу, как отмечают отдельные исследователи, опираясь на буквальное толкование части 1.1 статьи 144 УПК РФ, можно определить как «лица, задействованные в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении». В эту категорию входит широкий круг субъектов, чей процессуальный интерес и фактическое положение существенно различаются.

Рассматривая отдельных участников, необходимо отдельно остановиться на заявителе. УПК РФ устанавливает его базовый процессуальный статус, определяя его обязанности и ответственность за заведомо ложный донос. Однако, как справедливо отмечается в научной литературе, статус заявителя локален и имеет кратковременный характер [3, с. 165]. Его роль сводится к предоставлению первичной информации, послужившей поводом для начала процессуальной деятельности. Если заявитель одновременно является лицом, пострадавшим от преступления, возникает очевидный пробел между моментом подачи заявления и моментом вынесения постановления о признании его потерпевшим. Как верно подчеркивал А.Р. Белкин, «как бы мы не призывали ускорить принятие решения о признании пострадавшего лица потерпевшим, по объективным причинам вовсе устранить этот пробел невозможно» [1, с. 16]. В этот период пострадавший находится в статусе заявителя, которого явно недостаточно для полноценной защиты его прав.

Особое место в группе участников занимает адвокат. Он предоставляет квалифицированную юридическую помощь в соответствии с Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», защищая права, свободы и интересы как заявителей, так и лиц, в отношении которых проводится проверка. Однако сам адвокат не поименован в УПК РФ в качестве самостоятельного участника проверки сообщения о преступлении, что на практике иногда создает препятствия для реализации его полномочий, хотя право на помощь адвоката гарантировано ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ [4].

Анализ положений статьи 144 УПК РФ и правоприменительной практики позволяет утверждать, что взаимодействие с лицами, не имеющими четкого процессуального статуса, порождает значительные сложности. Правоприменители сталкиваются с дилеммой: с одной стороны, необходимо разъяснить вовлеченному лицу его права, с другой – перечень этих прав строго не прописан для случаев, когда лицо еще не является ни потерпевшим, ни свидетелем. Криминологическое понятие «жертва преступления», как подчеркивают В.И. Полубинский и А.Л. Ситковский, значительно шире, чем процессуальный статус потерпевшего, и охватывает любого человека, которому причинен вред, независимо от юридического признания данного факта [2, с. 45]. Это противоречие между материальным и процессуальным положением требует скорейшего законодательного разрешения.

С учетом проведенного анализа научной литературы и норм действующего законодательства, мы предлагаем собственное деление участников проверки сообщения о преступлении на пять основных групп. Данная классификация, на наш взгляд, является более сбалансированной и практико-ориентированной, позволяя охватить всех значимых субъектов. Критерием деления выступает функциональная роль лица и его процессуальный интерес.

К первой группе относятся уполномоченные органы и должностные лица – следователь, дознаватель, орган дознания, руководитель следственного органа, начальник органа дознания. Именно они проводят проверку и принимают итоговое процессуальное решение. Вторую группу образуют лица, пострадавшие от преступления (жертва преступления, ее законный представитель), – потенциальные потерпевшие, чьи права и законные интересы нарушены деянием. Третья группа

включает лиц, обладающих значимой информацией, таких как очевидцы, заявители (не являющиеся пострадавшими). Четвертая группа представлена лицом, в отношении которого проводится проверка, т.е. потенциальный подозреваемый или обвиняемый. Наконец, пятую группу составляют иные участники проверки: понятые, эксперты, специалисты, переводчики, адвокат, которые способствуют установлению истины и соблюдению законности.

Предлагаемое деление позволяет систематизировать правовые отношения, возникающие на этапе проверки. Первая группа выполняет функцию обвинительной власти и процессуального контроля. Вторая группа, куда входят пострадавшие, нуждается в усиленных гарантиях защиты, несмотря на отсутствие формального статуса потерпевшего. Третья группа обеспечивает информационную основу проверки. Четвертая группа (проверяемые) находится в наиболее уязвимом положении, так как в отношении них фактически начинается уголовное преследование без предоставления полного объема прав стороны защиты, гарантированных на стадии расследования. Пятая группа объединяет вспомогательных участников, чья роль технически обеспечивает законность и научную обоснованность выводов.

В ходе проверки сообщения о преступлении правоохранительные органы обязаны строго соблюдать требования закона, однако правовая неопределенность статуса вовлеченных лиц остается серьезным препятствием. Косвенно к участникам можно отнести также надзирающих лиц (прокурора) и суд, который, хоть и не осуществляет надзор, но дает разрешение на производство отдельных процессуальных действий, ограничивающих конституционные права граждан (например, осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих лиц).

Резюмируя изложенное, можно утверждать, что на современном этапе развития уголовно-процессуального законодательства назрела объективная необходимость в совершенствовании норм, регулирующих досудебное производство. Процессуальный статус участников проверки сообщения о преступлении нуждается в более четкой детализации на уровне закона. В частности, целесообразно закрепить отдельные статьи, регламентирующие права и обязанности «лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении», а также «пострадавшего от преступления», что позволит ликвидировать пробел между моментом подачи заявления и возбуждением уголовного дела. Только при условии формальной определенности правового положения всех вовлеченных лиц могут быть в полной мере реализованы принципы законности и охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Список литературы

1. *Белкин А.Р.* УПК РФ: нужны ли перемены? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 1 (32). С. 12–21.
2. *Полубинский В.И., Ситковский А.Л.* Теоретические и практические основы криминальной виктимологии. М.: ВНИИ МВД России, 2016. 215 с.
3. *Семенцов В.А.* Процессуальный статус заявителя и пострадавшего на стадии возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 3 (32). С. 163–171.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

КИНЕСТЕТИЧЕСКАЯ ЭЙДЕТИКА КАК МЕТОД КОРРЕКЦИИ ТРУДНОСТЕЙ УСВОЕНИЯ ОРФОГРАФИИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ОВЗ

Янык Е.В.

Янык Екатерина Викторовна – учитель-дефектолог,
Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «СОШ №3 им. А.А. Ивасенко»,
г. Нефтеюганск

Аннотация: в статье представлена авторская методика преодоления стойких трудностей в усвоении правописания словарных слов у учащихся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) на основе синтеза принципов эйдетики и кинезиологического подхода. Описан метод «двигательного образа», направленный на создание устойчивого кинестетического кода для запоминания графического облика слова через систему специфических жестов, символизирующих гласные буквы. Практика базируется на принципах доступности, системно-деятельностного подхода и учёта нейроразнообразия. Приведены пошаговый алгоритм внедрения методики, примеры упражнений и качественный анализ достигаемых результатов: повышение орфографической грамотности, снижение учебной тревожности и развитие межполушарного взаимодействия. Метод демонстрирует универсальность и может быть адаптирован для различных категорий обучающихся.

Ключевые слова: эйдетика, двигательный образ, словарные слова, учащиеся с ОВЗ, орфографическая грамотность, кинезиологический подход, коррекционная педагогика, нейроразнообразие, мнемотехника.

Одной из наиболее стойких проблем в обучении русскому языку младших школьников, особенно с задержкой психического развития (ЗПР), тяжёлыми нарушениями речи (ТНР) и расстройствами аутистического спектра (РАС), является усвоение непроверяемых написаний — так называемых «словарных слов». Традиционные методы механического запоминания, опирающиеся на слаборазвитые у данной категории детей вербальную память и произвольное внимание, часто оказываются неэффективными, порождая у учащихся фрустрацию, негативизм и стойкую учебную неуспешность [1, 2].

В контексте инклюзивного и коррекционного образования актуализируется поиск методов, которые не компенсировали бы дефициты, а использовали сохранённые или альтернативные каналы восприятия и обработки информации. В статье представлен опыт синтеза двух научно-практических подходов — эйдетики (развитие образной памяти) и кинезиологии (развитие через движение) — в авторскую методику формирования «двигательного образа» слова. Целью работы является преодоление диссоциации между графическим обликом слова и его моторно-кинестетическим ощущением у ребёнка, создание устойчивого мнемического следа через полисенсорное кодирование.

1. Теоретико-методологические основания практики

Методология разработанной практики опирается на ряд фундаментальных принципов современной гуманистической и коррекционной педагогики:

Принцип доступности и равенства возможностей. Метод исходит из убеждения, что каждый ребёнок, независимо от характера нарушений, имеет право на эффективный, соответствующий его познавательному профилю способ усвоения знаний.

Системно-деятельностный подход (Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин)

Учащийся рассматривается как активный субъект учебной деятельности. Усвоение материала происходит не путём пассивного запоминания, а через внешнее материализованное действие (жест), которое в дальнейшем интериоризируется и становится умственным образом.

Принцип опоры на сильные стороны и учёта нейроразнообразия.

Вместо фокусировки на слабом вербальном канале, методика целенаправленно задействует часто сохранные у детей с ОВЗ кинестетический и тактильный каналы, а также визуальное восприятие. Создаются индивидуальные «обходные пути» для запоминания, признающие уникальность нейрокогнитивной организации каждого ученика [3].

Эйдетический подход (И.Ю. Матюгин).

В основе лежит идея создания яркого, эмоционально окрашенного, мультимодального образа для запоминания абстрактной информации. В данном случае эйдетический образ не только зрительный, но прежде всего кинестетический.

Принцип «успеха и радости познания».

Перевод сложной учебной задачи в формат игрового двигательного упражнения снимает эмоциональные барьеры, создаёт ситуацию успеха, что является ключевым мотиватором для дальнейшего обучения.

Целевыми ориентирами практики выступают

Формирование в памяти ребёнка целостного «образа-ощущения» правильного написания слова.

Развитие межполушарного взаимодействия через одновременное задействование правого (образ, эмоция, ритм) и левого (буква, последовательность, речь) полушарий.

Развитие тонкой моторики, пространственных представлений и навыков саморегуляции.

Формирование у ученика инструмента для самостоятельной работы со сложной орфографией.

2. Методика «двигательного образа»: алгоритм и содержание работы

Методика реализуется по чёткому алгоритму, который может быть включён в организационный момент урока, этап повторения или коррекционное занятие.

Этап 1. Подготовительный.

Учитель в игровой форме знакомит учащихся с идеей «оживления» букв. Вводится система универсальных жестов-символов для гласных букв, вызывающих наибольшие орфографические трудности. Жесты конструируются по принципу визуальнo-кинестетического подобия графическому облику буквы:

А: Ладони складываются перед лицом, кончики пальцев соприкасаются, имитируя угол буквы. Губы «прорисовывают» поперечную черту.

О: Губы принимают округлую форму, большой и указательный палец образуют кольцо вокруг них.

У: Губы вытягиваются трубочкой, пальцы, сложенные в щепотку, «тянут» вниз воображаемую нить от губ.

И/Е: Указательными пальцами «растягивается» улыбка вверх (для «И») или вниз (для «Е»).

Я: Хлопок ладонью по груди (ассоциация с местоимением «я»).

Этап 2. Операционно-исполнительный.

Целеполагание: Учитель называет словарное слово (напр., апельсин).

Анализ: Совместно с детьми выявляются «опасные места» — гласные, написание которых нужно запомнить (а, е, и).

Кодирование (ключевой этап): Учитель проговаривает слово по слогам, сопровождая каждый целевой звук соответствующим жестом: А (ладонный жест), пЕль (жест для «Е»), сИн (жест для «И»). Таким образом, графическое слово «переводится» в последовательность кинестетических образов.

Закрепление: Коллективное многократное произнесение слова с синхронным выполнением всей цепочки жестов. Создаётся устойчивая связь «артикуляция (звук) — движение (жест) — графема (буква)».

Этап 3. Рефлексивно-оценочный и этап усложнения.

Воспроизведение: Учащиеся по очереди или в парах самостоятельно демонстрируют «оживление» слова, выступая в роли учителя.

Контроль: Работа с карточками, где один ученик показывает жестами слово, а другой его угадывает и записывает.

Интеграция: Использование отработанных двигательных образов при выполнении традиционных письменных работ (например, перед записью слова ученик мысленно «проигрывает» его жестами).

3. Результативность и обсуждение

Эмпирическое наблюдение за внедрением методики позволяет выделить ряд качественных результатов.

Для ученика:

Повышение орфографической грамотности. Слово запоминается как целостный сенсомоторный комплекс, а не абстрактная цепочка букв. Ошибки на данные орфограммы становятся редкими.

Снижение учебной тревожности. Игровая, двигательная форма снимает страх неудачи. Процесс обучения воспринимается как занимательная деятельность, что повышает мотивацию и вовлечённость.

Развитие метакогнитивных способностей. У детей формируется осознанный инструмент для работы со сложной информацией, который они могут применять самостоятельно.

Для педагога:

Метод становится эффективным инструментом индивидуализации и дифференциации обучения в гетерогенном классе, включающем детей с ОВЗ.

Повышается эффективность коррекционных занятий за счёт комплексного воздействия на память, внимание, моторику и эмоциональную сферу.

Результаты носят измеримый, наблюдаемый характер, проявляясь в снижении количества ошибок в рабочих тетрадях.

Важным достоинством метода является его универсальность. Он может быть адаптирован не только для учащихся с ЗПР или ТНР, но и для детей с РАС (как структурированная визуально-моторная практика), а также для нейротипичных учеников, испытывающих специфические трудности с правописанием.

Представленная методика «двигательного образа» в практике эйдетики предлагает действенное решение одной из актуальных проблем коррекционной педагогики — трудностей усвоения непроверяемых орфограмм. Синтезируя сильные стороны кинезиологического и эйдетического подходов, она создаёт условия для полисенсорного, лично значимого усвоения материала, отвечая принципам инклюзии и учёта нейроразнообразия. Практика обладает чёткой алгоритмичностью, воспроизводимостью и может быть рекомендована для широкого использования учителями-дефектологами, логопедами и учителями начальных классов в условиях инклюзивного и коррекционного образования.

Список литературы

1. Ахутина Т.В. Нейропсихология индивидуальных различий детей как основа использования нейропсихологических методов в школе // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. — 2006.
2. Матюгин И.Ю. Как развивать память у детей. — М.: РИПОЛ классик, 2007.
3. Фрухт Э.Л. Образовательная кинезиология: теория и практика. — СПб.: КАРО, 2015.
4. Материалы вебинара «Современные технологии развития межполушарного взаимодействия у детей...». УчМет. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.uchmet.ru/events/item/2910588/> (дата обращения: 25.09.2025).

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

ПРИЧИНА РАСШИРЯЮЩЕЙСЯ ВСЕЛЕННОЙ

Нуритдинов Р.Р.

*Нуритдинов Рустам Равильевич - любитель астрономии,
г. Москва*

Аннотация: в статье анализируется причина расширяющейся Вселенной.
Ключевые слова: анализ, астрономия, космология.

С древних времён люди занимались астрономией. Их интересовало как движутся звёзды. Многие учёные-астрономы занимались наукой о «Движений звёзд». Известные астрономы как Птолемей, Беруни, Улугбек, Ньютон, Галилей оставили свой труд в науке.

ВСЕЛЕННАЯ. ДЕЛЕНИЕ ВСЕЛЕННОЙ

С древних времён люди занимались астрономией. Их интересовало как движутся звёзды. Многие учёные-астрономы занимались наукой о «Движений звёзд». Известные астрономы как Птолемей, Беруни, Улугбек, Ньютон, Галилей оставили свой труд в науке.

Небесный свод или космическое пространство можно разделить на две части:

- 1) Это вселенная, где находится всё сущее.
- 2) Это пустое пространство, которое находится за чертой вселенной. Вселенная имеет свои границы, а пустое пространство не имеет границы, можно ещё эту пустоту называть "*естественным вакуумом*". Вселенная расширяется, уменьшая объём пустого пространства, но пустое пространство безгранично, не имеет ни конца и ни начало.

Вселенную можно разделить на пять частей. Или вселенная состоит из 5 категорий ящ или вселенная как лестница состоит из 5 ступеней:

1-я ступень - это небесное тело. К этой ступени относятся звёзды, планеты, кометы, метеориты и т.д. Такое небесное тело можно ещё называть яйцом 1-й категории.

2-я ступень - это вокруг крупной звёзды вращается несколько мелких звёзд. Это можно называть яйцом 2-й категории, в котором находятся яйца 1-й категории. Например вокруг солнца вращаются планеты и мелкие космические тела.

3-я ступень - это галактика. Вокруг 1-го единого центра вращается вся звёздная система, то есть галактика. Галактику можно называть яйцом 3-й категории, в котором находится несколько яиц 2-й категории.

4-я ступень - это скопления нескольких галактик или видимая часть космоса. Эту ступень можно называть ещё яйцом 4-й категории, в котором находятся яйца 3-й категории.

5-я ступень - это вселенная, где находится всё и происходит всё. На этой ступени вселенная заканчивается. Вселенную можно назвать ещё яйцом 5-й категории. В этом яйце находятся яйца 1,2,3 и 4 категории.

Теперь каждую ступень рассмотрим более подробно. Мы все физические формулы и величины измеряли на Земле. Могут быть на Марсе другие физические формулы и величины? Или на Полярной Звезде? Или другие Галактики могут вращаться не по законам физики? Нам это не известно ещё.

ФИЗИЧЕСКИЕ ФОРМУЛЫ ВО ВСЕЛЕННОЙ

1-я ступень - это космическое тело. Допустим, наша планета Земля. На Земле свои значения. Скорость Земли: $v=S/t$; Земля вращается вокруг Солнца за 365 дней 5 часов 46 минут и 48 секунд. Земля вращается вокруг своей оси в течение 24 часов. Масса Земли: $m=pV$; $5,97 \cdot 10^{24}$ кг. Объём Земли $10,8321 \cdot 10^{11}$ км³

Температура Земли: $T=(273,15+t)$, температура Кельвина;

$t=(T-273,15)$, температура Цельсия. Самая высокая температура на Земле на экваторе +60 градусов по Цельсию. Самая низкая температура на полюсах достигает до -90 градусов. Средняя температура на земле +14,8градусов.

У Земли своя масса, своя скорость, своя температура и своё время. И равномерно движется по своему направлению.

2-я ступень - это Солнечная система. Центром является - Солнце. Масса Солнечной Системы примерно в 335 000 раз тяжелее чем массы Земли. Скорость солнечного света примерно равна 300 000 км в секунду. Самая низкая температура в солнечной системе около 3-4 градусов по Кельвину, а самая высокая температура 25 000 000 градусов. Диаметр солнечной системы в разы больше чем диаметр Земли. Солнечная система в сотни тысяч раз превосходит Земли во всё. Даже время в солнечной системе различается от земного времени. В солнечной системе время проходит намного медленнее (быстрее) в отличие от земного. Если считать солнечную систему яйцом 2-й категории, в это яйцо взлетит несколько сотен тысяч яиц первой категории.

3-я ступень - это галактика. Наша галактика Млечный путь. Масса, объём, диаметр Млечного Пути в несколько сотен тысяч раз превосходит нашу солнечную систему. Мы примерно знаем границу Млечного Пути. Диаметр Млечного Пути приблизительно 100 000 световых лет, а толщина 1000 световых лет. Масса Млечного Пути $7*10^{11}$ масс Солнечной

Системы или $6*10^6$ кг. Один оборот Солнца вокруг галактического центра составляет 200 млн. лет. От Солнца до центра галактики составляет 27 700 световых лет или $2.62*10^{17}$ км. Температура в Млечном Пути в разы превышает чем в Солнечной Системе. Даже время отличается от солнечной системы. Мне кажется время в Млечном пути проходит в разы медленнее (быстрее) чем в Солнечной Системе. Если считать нашу галактику яйцом 3-й категории, то в это яйцо взлетит несколько миллиардов яиц 2-й категории.

4-я ступень - это скопления галактик или видимая часть вселенной. Масштабы, масса, температура и скорость небесных тел 4-й степени приблизительно известны, в разы превосходит чем на 3-й ступени. Здесь время тоже отличается от времени 3-й ступени. Оно проходит быстрее или медленнее чем в 3-й ступени нам не известно ещё. 4-ю ступень можно назвать яйцом 4-й категории. В яйца 4-й категории взлетят сотни миллионов яиц 3-й категории.

5-я ступень - это вся Вселенная, всё то, что создано Богом. Все небесные тела, все частицы, пылинки, газы и галактики, всякие чёрные дыры и материи мы разместим на верхнюю, то есть на 5-ю ступеньку на вселенской лестницы. Какова она масштаба, формы, массы и какой силой, и энергией она обладает мы даже понятия не имеем пока. Самая мощная сила и энергия находится на 5-й ступени. Самая высокая температура и самая быстрая скорость (в разы превышающие скорости солнечного света) находятся на 5-й ступени. На этой ступени кончается Вселенная.

6-я ступень - это пустое пространство (пустота), которое находится за пределом Вселенной. На 6-й ступени нет ничего, на этой ступени находятся абсолютный ноль и абсолютная температура. Значение абсолютной температуры пока нам не известно. Может -273,15 С, а может быть -1000 градусов С. **В этой пустоте нет никакой силы, чтобы тормозить движение звёзд и галактик (расширение вселенной).**

Движение никогда не остановится и не должно остановиться. Чтобы остановить движение должна быть причина. Движение без причины никогда не остановится. Если увидели или заметили СТОП-ДВИЖЕНИЯ, то обязательно должна быть причина. Допустим звёзды, кометы, пылинки, частицы, солнце и планеты движутся без остановки. Значит нет причины для того чтобы остановить небесные тела. Почему Вселенная расширяется? Значит нет причины. Небесные тела будут двигаться всё дальше и дальше. Чтобы найти причину этого мы заглянем в физику. Вспомним 3-ий закон Ньютона. Сила равна противоположной силе. $F = -F$. **В пустоте препятствовать расширению нашей вселенной нечем. Никакая сила не**

может препятствовать расширению нашей вселенной. Потому, что за Вселенной нет ничего, которое могло бы препятствовать расширению нашей Вселенной!

Вселенная расширяется благодаря Силу Большого Взрыва с одной стороны, а с другой стороны никакие силы не препятствуют расширению Вселенной, благодаря пустоте. Благодаря отсутствия сил за чертой вселенной, звёзды и галактики летят всё дальше и дальше, расширяя Вселенную с ускорением. В пустоте движение звёзд ускоряется. Звёзды и галактики стремятся заполнить пустое пространство.

1-я ступень. Эта пустота, то есть пустое пространство, естественный вакуум. Абсолютный ноль, абсолютная температура. На этой ступени нет ни тела, ни силы, ни энергии и даже времени не существует.

5-я ступень. Эта Вселенная. Всё, то что создано Богом. Физические величины Вселенной нам не известны пока, но в разы больше, чем на остальных ступенях. Вселенная подчиняется законам физики и математики.

4-я ступень. Это скопление галактик или видимая часть Вселенной. Здесь физические величины в разы больше, чем на 3-й ступени.

3-я ступень. Эта Галактика. Например: Млечный Путь: Масса МП, температура МП, скорость МП, объём МП, давление МП, сила МП, размер МП и время МП.

2-я ступень. Эта Солнечная система. Масса СС, температура СС, скорость солнечного света, объём СС, давление СС, сила СС, размер СС и время СС.

1-я ступень. Это небесное тело. Например: Планета Земля. 3., т 3., время земное, скорость земная, объём Земли, давление Земли, сила Земли, размер Земли.

ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ ЭЙНШТЕЙНА.

Эйнштейн в своей теории относительности считал, что "ничто не может быстрее двигаться чем скорости солнечного света".

1) Расстояние до галактики EGSY8p7 составляет 13,2 млрд. лет. Но последние данные показывает, что свет проходит от Земли до этой галактики в 30 млрд. лет. Возраст нашей Вселенной примерно равен 13,7 млрд. лет. Как так? Значит тела движутся намного быстрее чем скорости света.

2) Некоторые галактики движутся с ускорением. Рано или поздно скорость таких галактик достигнет скорости света и превысит этой скорости.

3) Никола Тесла утверждал, что, некоторые колебания в миллионы раз превышают скорости света.

Никола Теслу можно назвать "Отцом электричества". Он запатентовал более трехсот изобретений. Умер в нищете, но наш мир оставил электрическим.

Теория относительности Эйнштейна является ошибочной. Для этого мы привели 3 доказательства. Таким образом можно сделать вывод: Эйнштейн не знал, что есть движения, которые в разы превосходит скорости света. Может он хотел ввести нас в заблуждение. Или Эйнштейн хотел опередить самого Ньютона.

Закон об энергии: $E = mc^2$ тоже является не полным уравнением. Задолго до Эйнштейна, в 1873 была выдвинута формула русским физиком Николаем Алексеевичем Умовым $E = kmc^2$. Это уравнение является полным. k - это коэффициент небесного тела. На Земле k - равен единице. На Луне k - равен примерно единице. На Марсе k - будет намного различаться от единицы. На Полярной Звезде k -, будет иметь совсем другие значения. Для того, чтобы доказать k - нам нужно будет полететь на Марс или на другие планеты.

Вывод: Эйнштейн отодвинул в сторону всех физиков своего времени. Он хотел опередить всех физиков своего времени, или он хотел ввести нас в заблуждению.

ДВИЖЕНИЕ НЕБЕСНЫХ ТЕЛ.

Все планеты движутся вокруг солнца равномерно по эллипсу. Солнце и Солнечная Система движутся вокруг центра галактики тоже равномерно. А как движется галактика - Млечный Путь пока нам не известно. Если небесные тела движутся равномерно, то движение звёзд можно вычислить по формуле:

$$S = v * t$$

$$v = 2\pi R T$$

Некоторые галактики удаляются с ускорением. Если в галактике небесные тела движутся равномерно, то галактика должна двигаться равномерно, синхронно со своими телами. Если галактика движется ускоренно, то и тела этой галактики будут двигаться с ускорением, соответственно своей галактики. Равноускоренное движение звёзд и галактик можно определить по формуле:

$$S = vt + \frac{1}{2}at^2 \text{ если } v = 0, \text{ то } S = \frac{at^2}{2}$$

Почему некоторые тела движутся равномерно, а некоторые тела движутся с ускорением? Почему так? **В пустоте тела будут двигаться с ускорением, потому что, ни что не препятствует ускоряться телам.** Тогда, почему планеты Солнечной Системы и звёзды в Млечном Пути движутся равномерно? Этим телам что-то мешает ускоряться? Что именно мешает ускориться? Под действием каких-то сил или гравитаций планеты не могут ускоряться. Или наша галактика расположена так плотно, что звёзды не могут ускоряться. Из этого можно сделать вывод: если галактики (звёзды и небесные тела) находятся в плотных частях Вселенной, то они будут двигаться равномерно. Если галактики (звёзды и небесные тела) будут находиться в опустошенных точках Вселенной или близ к границам Вселенной, то эти тела будут двигаться с ускорением. Нам ещё не известно тела, которые движутся с ускорением, движутся равноускоренно или неравноускоренно. Из этого можно сделать общую формулу для любого небесного тела:

$$S = k(vt + \frac{at^2}{2})$$

если $v = 0$, то $S = \frac{at^2}{2}$

k - коэффициент небесного тела.

НА ЧЁМ ДЕРЖИТСЯ ВСЕЛЕННАЯ?

С древних времён людей заинтересовало на чём держится небесный свод. В древности люди считали, что земля плоская, держится на рогах коровы, а корова стоит на рыбе. А небо имеет форму колпака. В древнегреческой мифологии небесный свод держал на своих плечах Атлас (Атлант). Эйнштейн утверждал, что вселенная держится на струнах. Все планеты лежат на одной плоскости. Галактики имеют форму диска. Некоторые учёные считают, что Солнечная Система и галактики лежат на батуте. Почему Земля и Солнце не приближается друг к другу, или не отдаляется друг от друга? Они находятся на JRC Стоянии друг от друга.

Вся Вселенная держится на двух силах, **сила притяжения и сила отталкивания.** Между небесными телами нет ничего, кроме сил притяжения и отталкивания, и энергии. Нет никаких струн и нет никаких багутов. Теория струн Эйнштейна является ложной. А вот почему галактики имеют форму диска? Эта гравитация любого небесного тела расположена перпендикулярна к своей оси. Тела, которые попавшие в гравитацию крупного небесного тела, будут двигаться вокруг этого крупного тела, образуя форму диска.

Список литературы

1. Законы и формулы Ньютона «Математические начала натуральной философии». 1687 г.
2. Теория относительности Эйнштейна, 1905 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРОБЛЕМЫ НАУКИ»

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
153000, РФ, ИВАНОВСКАЯ ОБЛ., Г. ИВАНОВО,
УЛ. КРАСНОЙ АРМИИ, Д. 20, 3 ЭТАЖ, КАБ. 3-3,
ТЕЛ.: +7 (915) 814-09-51.

HTTP://SCIENTIFICMAGAZINE.RU
E-MAIL: INFO@P8N.RU

ТИПОГРАФИЯ:
ООО «ОЛИМП».
153000, РФ, ИВАНОВСКАЯ ОБЛ., Г. ИВАНОВО,
УЛ. КРАСНОЙ АРМИИ, Д. 20, 3 ЭТАЖ, КАБ. 3-3

ИЗДАТЕЛЬ:
ООО «ОЛИМП»
153002, РФ, ИВАНОВСКАЯ ОБЛ., Г. ИВАНОВО, УЛ. ЖИДЕЛЕВА, Д. 19
УЧРЕДИТЕЛЬ: ВАЛЬЦЕВ СЕРГЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОБЛЕМЫ НАУКИ»
HTTPS://WWW.SCIENCEPROBLEMS.RU
EMAIL: INFO@P8N.RU, +7(915)814-09-51

Федеральное агентство по печати
и массовым коммуникациям

CYBERLENINKA

INTERNATIONAL
DOI FOUNDATION

**НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ»
В ОБЯЗАТЕЛЬНОМ ПОРЯДКЕ РАССЫЛАЕТСЯ:**

1. ФГБУ "Российская государственная библиотека".
Адрес: 143200, г. Можайск, ул. 20-го Января, д. 20, корп. 2.
2. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ.
Адрес: 127006, г. Москва, ГСП-4, Страстной б-р, д.5.
3. Библиотека Администрации Президента Российской Федерации.
Адрес: 103132, г. Москва, Старая площадь, д. 8/5.
4. Парламентская библиотека Российской Федерации.
Адрес: 125009, г. Москва, ул. Охотный Ряд, д. 1.
5. Научная библиотека Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ), Москва.
Адрес: 119192, г. Москва, Ломоносовский просп., д. 27.

ПОЛНЫЙ СПИСОК НА САЙТЕ ЖУРНАЛА: [HTTPS://SCIENTIFICMAGAZINE.RU](https://scientificmagazine.ru)

Вы можете свободно делиться (обмениваться) — копировать и распространять материалы и создавать новое, опираясь на эти материалы, с ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ указанием авторства. Подробнее о правилах цитирования: <https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/deed.ru>

ЦЕНА СВОБОДНАЯ